

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2015

1 (23)

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2015

БАЛТИЙСКИЙ

РЕГИОН

2015

1 (23)

Калининград:
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2015.
168 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
4 номера в год
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция

Адрес: 236000, Россия,
Калининград,
ул. Зоологическая, 2.

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел.: +7 4012 59-55-43
Факс: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

Редакционный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ — сопредседатель (Россия); *В. Г. Барановский*, д-р ист. наук, проф., зам. директора ИМЭМО РАН (Россия); *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф. Боннского университета (Германия); *К. Ляхто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор РАНХиГС (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., декан факультета прикладной политологии НИУ — ВШЭ (Россия); *Р. М. Нуреев*, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономического анализа организаций и рынков департамента прикладной экономики НИУ — ВШЭ (Россия); *А. О. Чубарьян*, проф., акад. РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Редакционная коллегия

Г. М. Федоров, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., зав. каф. региональной политики и политической географии СПбГУ — сопредседатель (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *Т. Р. Гареев*, канд. экон. наук, доц., проректор по развитию и инновационной деятельности БФУ им. И. Канта (Россия); *Ю. М. Зверев*, канд. геогр. наук, зав. кафедрой географии, природопользования и пространственного развития БФУ им. И. Канта (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии МИМО (У) МИД РФ (Россия); *Э. Кнаппе*, д-р агрономии, руководитель направления «Региональная география Европы», Институт землепользования им. Лейбница, г. Лейпциг (Германия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН (Россия); *Ю. В. Косов*, д-р филос. наук, проф., декан факультета международных отношений РАНХиГС (Россия); *Г. В. Кретишин*, д-р ист. наук, проф., проф. кафедры истории БФУ им. И. Канта (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития Гданьского университета (Польша); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф. кафедры прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия).

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

BALTIC REGION

2015

1 (23)

BALTIC
REGION
2015
1 (23)

Kaliningrad:
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2015.
168 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
4 issues
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
2, Zoologicheskaya str.,
Kaliningrad, Russia 236000

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University, 2015

Editorial council

Prof. *Andrei Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Prof. *Konstantin Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. Prof. *Vladimir Baranovsky*, deputy director of the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof. *Aleksander Chubaryan*, director of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Russia; Dr *Kari Liulto*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof. *Vladimir Mau*, rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Melville*, dean of the Faculty of Applied Political Science, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Rustem Nureev*, head of the Department of Economic Analysis of Organizations and Markets, National Research University — Higher School of Economics, Russia.

Editorial board

Prof. *Gennady Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Territorial Development and Urban Construction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Dr *Nikolai Kaledin*, head of the Department of Regional Policy & Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Dr *Timur Gareev*, head of the Department of Economics of the Firm and Markets, vice-rector for Innovative Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Mikhail Ilyin*, head of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Elke Knappe*, Leibniz Institute for Regional Geography, Leipzig, Germany; Prof. *Vladimir Kolosov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Yuri Kosov*, dean of the Faculty of International Relations, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Gennady Kretinin*, Department of History, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Nikolai Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei Shastitko*, Department of Applied Institutional Economics, Faculty of Economics, Moscow State University, Russia; Prof. *Eduardas Spiriajevas*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Dr *Viktor Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia; Dr *Yuri Zverev*, head of the Department of Geography, Environmental Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика

Шаститко А. Е., Фатихова А. Ф. Моногорода: новый взгляд на старую проблему 7

Кузнецов А. В. Место стран Балтии в географических сегментах крупнейших ТНК Европы 36

Лиухто К. Предпринимательская среда в Республике Беларусь: оценка ведущими финскими компаниями 49

Международные отношения

Ланко Д. А., Долженкова Е. Латвия в территориальной системе европейской безопасности: взгляд изнутри и извне 73

Войников В. В. Ограничительные меры ЕС в отношении России: правовая природа и проблема имплементации 89

Калининградская область

Федоров Г. М. Эффективные трудовые ресурсы как фактор развития Калининградской экономики 101

Торопов П. Б., Самсонова Н. В. Социальное содействие: Калининградская область и регионы основной части России 117

Экономико-географические исследования

Манаков А. Г., Тетерина Н. К. Территориальное развитие прибалтийско-финских народов, разделенных государственными и административными границами (на примере карел, вепсов и сету) 127

Соболев А. В. Структурно-функциональные особенности пространственного развития городских и сельских поселений Северо-Западного экономического района 143

Рецензии

Худолей К. К., Изотов А. В. Европейские исследования: взгляд из Восточной Европы 159

Герасименко Т. И. Национальные инновационные системы в условиях интернационализации научно-исследовательской деятельности 164

CONTENTS

Economics

- Shastitko A., Fakhitova A.* Monotowns: A New Take on the Old Problem 7
- Kuznetsov A.* The Baltics in the Geography of the Largest Transnational Corporations of Europe..... 36
- Liuhto K.* The Belarus Business Environment as Assessed by the Management of Leading Finnish Companies Operating in the Country 49

International Relations

- Lanko D., Dolženková J.* Latvia in the System of European Territorial Security: a View from the Inside and Outside 73
- Boinikov V.* The EU Vs. Russia: Legal Nature and Implementation of the Union's Restrictive Measures 89

The Kaliningrad Region

- Fedorov G.* Human Resource Efficiency as a Development Factor for the Kaliningrad Economy 101
- Toropov P., Samsonova N.* Social Facilitation: the Kaliningrad Region and Russian Mainland Regions..... 117

Economics and Geography

- Manakov A., Teterina N.* The Baltic Finnish Peoples Divided by State and Administrative Borders: Territorial Development of the Karelians, Vepsians, and Setos 127
- Sobolev A.* Structural and Functional Characteristics of the Spatial Development of Rural and Urban Areas in the Northwestern Economic District 143

Reviews

- Khudolei K., Izotov A.* European Studies: a View From Eastern Europe..... 159
- Gerasimenko T.* National Innovative Systems and Internationalization of Research 164

УДК 338.2

МОНОГОРОДА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРУЮ ПРОБЛЕМУ

А. Е. Шаститко *
А. Ф. Фатихова *

Цель данной работы — предложить подход к исследованию вопросов управления рисками наиболее уязвимых моногородов с учетом особенностей отношений, возникающих между основными группами интересов, с применением инструментария, разработанного в рамках новой институциональной экономической теории.

На основе сравнительного анализа подходов к определению понятия «моногород» разработан его авторский вариант. Обозначены основные причины уязвимости моногородов; систематизированы риски моногородов с учетом особенностей интересов различных групп. Предложен подход к исследованию присущих для моногородов вопросов, который учитывает особенности отношений, возникающих между основными группами интересов. Проблемы моногородов более наглядны при рассмотрении с точки зрения выстраивания институциональных соглашений в условиях значительных издержек переключения и высоких рисков оппортунистического поведения для участников институциональных соглашений. Решение проблемы моногородов посредством применения методов, предложенных в данной статье, способствует определению более широкого спектра альтернатив, учитывающих типовые варианты развития событий. Разобраны примеры управления рисками моногородов в контексте зарубежного опыта. Рассмотрены структурные альтернативы nivelирования рисков моногородов на основе вычленения ключевых отношений для реализации каждой из обозначенных альтернатив.

* Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1.

Поступила в редакцию 18.12.2014 г.

doi: 10/5922/2074-9848-2015-1-1

© Шаститко А. Е., Фатихова А. Ф.,
2015

Ключевые слова: моногород, управление рисками, группы интересов, структурные альтернативы, институциональные соглашения

Введение

Одним из важнейших приоритетов экономической политики на долгосрочную перспективу — несмотря ни на какие обстоятельства и препятствия — является создание механизмов устойчивого экономического развития. Устойчивое развитие России в целом возможно в случае обеспечения устойчивого развития региональной системы, структурными элементами которой выступают города. Особого внимания заслуживают монопрофильные города, значение которых обусловлено не только большой долей проживающего в них населения, производимого продукта, но и повышенной уязвимостью к различного рода шокам, которая может вызвать «эффект домино». Негативные для экономики страны процессы в монопрофильных городах проявляются особенно остро, так как территориальные образования такого типа более чутко реагируют на резкие изменения во внешней среде. Причем эта реакция далеко не всегда сопровождается адекватной адаптацией, позволяющей как минимум обеспечить устойчивость экономики монопрофильного города не хуже, чем национальной экономики в целом.

Позитивное и устойчивое изменение ситуации в моногородах в современных условиях предполагает создание механизмов адаптивности к изменениям во внешней среде без масштабной и систематической федеральной ресурсной поддержки. Решение данной задачи основано на поиске, разработке и применении качественно новых подходов к изучению социально-экономического положения моногородов, а также совершенствованию механизмов управления рисками этой категории поселений.

Цель данной работы — предложить подход к исследованию вопросов управления рисками моногородов с учетом особенностей отношений, возникающих между основными группами интересов.

Несмотря на то что проблематика моногородов активно обсуждается исследователями и политиками, единого понимания в определении данного объекта нет. Вот почему первый раздел статьи посвящен краткому обзору подходов к определению самого объекта, а также формулировке рабочего варианта определения с учетом особенностей концептуальной рамки исследований моногородов. Вторая часть статьи сконцентрирована на объяснении причин повышенной уязвимости моногорода и связанных с этим повышенных рисков. В третьей части рассматриваются варианты нивелирования указанных рисков. Здесь представлены основные положения концептуально нового подхода к обсуждению вопросов моногородов в контексте историй успеха из зарубежного опыта с применением элементов новой институциональной экономической теории. В заключении приводятся основные выводы.

1. Отношенческая реинкарнация концепции моногорода

На сегодняшний день, по официальным данным Правительства Российской Федерации, из 1100 городов 313 (то есть практически 30%) представлены муниципальными образованиями монопрофильного назначения [23]. В демографическом выражении это соотношение эквивалентно 13,5 млн человек, проживающим в данных городах. В региональном разрезе вес населения моногородов может быть представлен следующим образом (рис. 1).

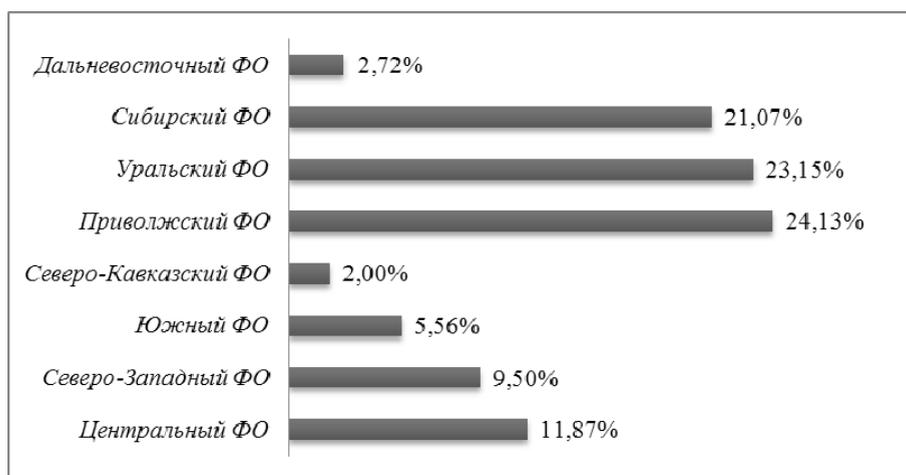

Рис. 1. Концентрация населения в моногородах РФ (в процентном соотношении к общей численности населения соответствующих федеральных округов на 2014 г.)

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата и Распоряжения Правительства РФ № 1398-р от 29 июля 2014 г.

Иными словами, практически каждый десятый гражданин России является жителем моногорода (или поселения монопрофильного типа). Как следует из рисунка 1, особое значение этот факт имеет для трех федеральных округов: Приволжского, Уральского и Сибирского.

Несмотря на то что современное понимание термина «моногород» в экономической литературе представлено широким спектром определений, единый, четко специфицированный понятийный аппарат отсутствует. В отдельных случаях «моногород», «монопрофильное поселение» и «город-завод» или «компания-город» (company-town) рассматривают как синонимы. Моногород определяется как моноцентричный город по отношению к преобладающей сфере занятости, сфере деятельности трудоспособного населения [2]. Обратим внимание, что данное определение в одном смысле сужает множество моногородов, а в

другом — расширяет. Например, по сравнению со следующим определением: *города, на территории которых функционирует одно градообразующее предприятие* [7].

Иными словами, моногород — это поселение, для которого характерна настолько тесная связь между функционированием крупного (градообразующего) предприятия и экономико-социальными аспектами жизни самого поселения, что перспективы функционирования и развития предприятия существенно влияют на судьбу этого поселения как такового [6]. Предыдущее определение допускает, что на территории города работает несколько предприятий одного и того же профиля. Как мы покажем далее, при определенных условиях указанные варианты определений могут не противоречить друг другу.

Формулировка рабочего определения и перечисление его ключевых признаков актуальны не только для позитивных исследований, но и для формирования мер экономической политики, так как влияют на оценку масштабов проблем и степени разнообразия, а также выработку путей решения.

В этой связи стоит отметить, что в российском законодательстве не существует однозначного определения понятия «моногород». Постановлением Правительства РФ от 14.02.2000 г. № 121 «О Федеральной программе государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации на 2000—2001 годы» моногорода определяются как города, образованные градообразующими предприятиями. Положением Правительства РФ № 1001 от 29.08.94 «О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностях продажи предприятий должников, являющихся градообразующими» установлены следующие критерии отнесения предприятия к градообразующему:

— если на нем задействовано не менее 30 % от общего числа населения, работающего на предприятии города (поселка);

— если оно имеет на своем балансе объекты социально-коммунальной сферы и инженерной инфраструктуры, обслуживающие не менее 30 % населения города (поселка) [22].

Ранее Министерством регионального развития РФ были определены следующие критерии отнесения населенных пунктов к категории монопрофильных:

«1. Наличие предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, на котором занято на основной работе более 25 % экономически активного населения [19].

2. Наличие в населенном пункте предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, на долю которых приходится более 50 % объема промышленного производства.

3. Дополнительные критерии отнесения населенных пунктов к категории монопрофильных:

— доля налогов и сборов, поступающих в бюджет муниципального образования от предприятия или нескольких предприятий, осуществ-

ляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, расположенных в населенном пункте, составляет не менее 20% от общего объема налогов и сборов, поступающих в бюджет муниципального образования от всех организаций и предприятий».

Обратим внимание, что для идентификации моногорода как объекта экономической политики широко используются пороговые значения показателей, с помощью которых можно было бы описать основные характеристики моногорода. Чем выше значение указанного показателя, тем (при прочих равных условиях) более четко выражены его характеристики как особой категории поселений.

Однако для выработки нетехнократического подхода к исследованию проблемы моногородов важно отметить альтернативное мнение, основанное на выявлении дополнительных (а точнее — обобщающих) критериев, определяющих монопрофильные города [9]:

1) наличие одного или нескольких однородных предприятий, функционирующих в рамках единой экономической отрасли, чья итоговая продукция ориентирована на определенный узкоспециализированный рыночный сегмент, и при этом остальные предприятия обслуживают исключительно потребности населения города [11];

2) на территории города существует сложно структурированная деятельность взаимосвязанных между собой предприятий, служащих единому конечному рынку (помимо предприятий, обслуживающих интересы исключительно городского населения) [7];

3) доходные поступления муниципального бюджета в большой степени зависят от успешной реализации товаров градообразующих предприятий;

4) профессиональная специализация населения города — однородна, проведение диверсификации сфер занятости населения крайне затруднено;

5) удаленность города от экономических центров на значительное расстояние, что в совокупности с отсутствием грамотно организованной транспортной инфраструктуры существенно затрудняет мобильность населения, а сам город превращает в изолированную территориальную единицу.

Анализ публикаций и нормативных правовых актов по проблемам моногородов свидетельствует о том, что существующие подходы к их определению противоречивы, различаются основными классификационными признаками. Вместе с тем сравнение различных подходов позволяет сформировать образ для концептуализации понятия моногорода, который близок к последнему из представленных подходов, но в котором особый акцент сделан все же на характере отношений между основными группами интересов в моногороде.

Итак, в первую очередь, моногород — это город, который в значительной степени зависит от функционирования одной компании. В этой связи следует обратить внимание, что вполне возможны ситуации, когда компаний несколько, но тем не менее природа их отношений и связанных с ними проблем одна.

Во-первых, несколько компаний с однородными производствами. Изменение условий спроса на продукцию данных компаний действует в одном направлении и, соответственно, приводит к изменению результатов деятельности этих компаний (как и налоговой базы) в общем направлении. И даже если в городе формально несколько производств, принадлежащих независимым компаниям, то изменения в рыночной конъюнктуре создают эффекты резонанса, аналогичные доходности недиверсифицированного по рискам и доходности портфеля активов. Следовательно, в случае отрицательных шоков у работников одного из предприятий нет возможности переключиться на сопоставимую альтернативу, поскольку (а) до экономических центров далеко, (б) в самом городе предприятия других компаний в такой же ситуации и (в) городские предприятия, ориентированные на удовлетворение местного спроса, скорее всего не смогут абсорбировать высвобождающуюся рабочую силу.

Во-вторых, тесно и безальтернативно связанные друг с другом производства вдоль технологической цепочки, которые могут функционировать как в рамках одной компании, так и на основе договорных отношений компаний с разными собственниками, но с запретительно высокими издержками переключения на альтернативных поставщиков (или покупателей) за пределами города¹ (а точнее — экономических границ города, учитывающих издержки транспортной доступности). Результат изменения конъюнктуры для компаний в рамках технологической цепочки аналогичен рассмотренному выше. Единственная особенность — вероятность возникновения проблем не из-за общего ухудшения конъюнктуры, а в результате принятых решений на уровне крупных предприятий, находящихся на одном из участков технологической цепочки, когда отрицательные внешние эффекты неинтернализированы из-за отсутствия механизмов учета негативных последствий для данных компаний. Таким образом, неустойчивость договорных отношений в рамках цепочек создания стоимости в условиях значительных издержек переключения — еще один важный элемент в определении моногорода².

¹ Примером может быть организация производства цемента в городе Пикалево Ленинградской области, которая основана на получении в качестве основного ресурса отходов производства глинозема. Нарушение в поставках отходов в условиях, когда нет экономически обоснованной возможности переключиться на альтернативных поставщиков из-за слишком длинного транспортного плеча, привело к массовым увольнениям, резкому ухудшению благосостояния жителей города (даже на фоне кризисных явлений в России во второй половине 2008 — первой половине 2009 г.) и росту социальной напряженности.

² В этой связи обращаем внимание на важный комментарий к определению моногорода: привязка к вопросу экономической политики заставляет обращать внимание на однотипные негативные последствия, которые могут возникнуть из довольноного разнообразных, но, тем не менее в чем-то похожих исходных условий организации отношений в данной категории поселений.

Соответственно зависимость состояния дел в городе от состояния дел на производстве в одной или нескольких связанных или производящих однородную продукцию компаниях одновременно ассоциируется со значительным экономическим (необязательно географическим) расстоянием, обуславливающим значительные издержки переключения в функциональном и пространственном измерении также для работоспособного населения, которое (как предполагается) составляет и значительную долю избирателей. В целях упрощения некоторые вопросы можно было бы рассматривать, предполагая, что все население является трудоспособным и относится к категории избирателей.

На издержки переключения следует обращать особое внимание, так как именно они указывают на проблемы организации договорных отношений, которые хорошо известны из экономической теории трансакционных издержек. В первую очередь речь идет о выстраивании механизмов взаимодействия между экономическими агентами в ситуации со специфическими активами, распределении квазиренды и нивелировании проблемы оппортунистического поведения — аспектах, которые значимы в рамках контрактного подхода к исследованию проблематики моногородов, некоторые из элементов которого получили развитие в российской экономической литературе [26]. Получается, что проблема оппортунизма в связи со специфичностью активов возникает, как минимум, в следующих отношениях:

- 1) бизнес — бизнес (в цепочках создания стоимости в рамках городской экономики и за ее пределами);
- 2) бизнес — работники (ввиду ограниченной возможности переключения для работников);
- 3) власти — налогоплательщики (и бизнес, и работники³);
- 4) власть — население (как получатель муниципальных услуг, финансируемых за счет местных бюджетов).

Таким образом, в данной системе координат получается, что городской бюджет и возможности предоставления различного рода коллективных, социально значимых благ также зависят (а) от состояния градообразующих предприятий и (б) складывающихся взаимоотношений между владельцами предприятий и городскими властями, представляющими интересы населения в контексте отношений «принципал — агент».

2. Основные причины уязвимого положения моногородов

Говоря об экономическом развитии современной России, следует в первую очередь отталкиваться от экономической обстановки в моногородах. Именно они демонстрируют весь спектр последствий воспроиз-

³ В данном случае предполагается, что де-факто плательщиками местных налогов выступают и работники градообразующих предприятий. Причем не только с доходов, но и с имущества.

водства основных проблем экономики всей страны⁴. Остановимся подробнее на каждой из причин повышенной уязвимости моногородов и, соответственно, более высоких рисков возникновения критических ситуаций.

Во-первых, сокращение прироста моногородов в сравнении с началом XXI в., а также тенденция к уменьшению количества моногородов с высокой численностью населения (от 50 тыс. до 100 тыс. человек). Подобная ситуация свидетельствует не о прекращении освоения новых территорий для создания градообразующих предприятий, а о тенденции к внутренней миграции населения из моногородов в более оживленные и многопрофильные города. Например, ряд моногородов в субъектах Дальневосточного ФО был переименован в села по причине массового оттока экономически активного населения. Корень проблемы заключается в *глобальном кризисе градообразующих предприятий*. Продукция, реализуемая ими, неконкурентоспособна; издержки поддержания уровня производства чрезвычайно высоки; значительная часть используемых основных фондов превышает допустимый срок эксплуатации. Это, в свою очередь, порождает более серьезную проблему — отсутствие необходимого и достаточного числа квалифицированной рабочей силы, что препятствует ускорению ревитализации моногородов (в тех случаях, когда ревитализация имеет основания для существования).

Во-вторых, сугубо узкая специализация экономической деятельности моногородов является серьезным барьером на пути к развитию данных территорий. Развитие моногородов чувствительно к малейшим колебаниям внешней среды, лишено способности к устойчивому противостоянию отрицательным внешним эффектам. Изменения во внешней рыночной конъюнктуре, сокращение спроса, а также обвал цен на товары, реализуемые градообразующим предприятием, вводят экономику моногорода в тяжелое кризисное состояние, выход из которого требует значительных финансовых ресурсов. Доказательство тому — и экономическая нестабильность 1990-х гг., и мировой финансово-экономический кризис 2008—2009 гг.: в моногородах социально-экономическая ситуация оказалась наиболее депрессивной, в то время как именно они аффлектируют экономическую ситуацию во всей стране. Так, согласно некоторым оценкам, уровень реальной безработицы в России в начале кризиса 2008 г. колебался в диапазоне от 7 до 7,5%, тогда как в моногородах он составлял около 30% [27].

В-третьих, широкий диапазон проблем обусловлен отсутствием на протяжении многих лет систематической политики по предупреждению критических ситуаций в моногородах. В частности, речь идет об

⁴ И в буквальном смысле тоже: ведь узкопрофильность экономики при выполнении ряда условий вполне может порождать проблемы, похожие на проблемы моногородов.

отсутствии единого правового поля для принятия государственных мер по стабилизации ситуации в моногородах (имеется в виду как сохранение жизнеспособности градообразующих предприятий, так и социальная поддержка). Как упоминалось ранее, на сегодняшний день нет законодательно утвержденных понятий «моногород», «монопрофильная территориальная единица», но тем не менее данная терминология употребляется в ряде нормативно-правовых актов и постановлениях правительства регионального уровня — «монопрофильность» государством определяется исключительно сквозь призму градообразующего предприятия, отраженного на балансе бюджета для случая его продажи или при угрозе банкротства. Помимо этого, неблагоприятную ситуацию в моногородах усугубляет несовершенная система вертикальных межбюджетных отношений. В соответствии с существующей системой перераспределения налогов по бюджетам разных уровней на 1 рубль налогов, собираемых с территории города, только 20 копеек остается непосредственно на его балансе [24]. В результате администрация муниципального образования теряет интерес к созданию благоприятных условий экономического развития города. Казалось бы, очевидным решением является увеличение доли налогов и сборов, поступающих в бюджет муниципального уровня. Однако подобные меры не принимаются; более того, в отношении определенного типа моногородов (научные моногорода — наукограды и закрытые административно-территориальные объекты — ЗАТО) был принят федеральный закон № 122-ФЗ от 22.08.2004 г., упраздняющий поступления налоговых сборов на баланс города. Что касается научных моногородов, то в некоторых из них, согласно результатам проверки, проведенной Счетной палатой, нарушается положение об обязательном перечислении как минимум 50% от налоговых поступлений на баланс города [5].

Еще одним пагубным для моногородов аспектом бюджетной системы стала широко распространенная система встраивания регионального звена в вертикаль федерального и местного бюджетов. В рамках данной системы трансфертные платежи, адресованные бюджетам закрытых городов из средств федерального бюджета, первоначально поступают в региональные бюджеты субъектов Российской Федерации. Формально данная процедура — не что иное, как искусственно организованный барьер на пути получения необходимых средств бюджетами закрытых городов. В результате увеличиваются как прямые транзакционные издержки, так и длительность периода, в течение которого осуществляется достижение финансовыми средствами конечной цели. По этой причине возникает ряд сомнений относительно обоснованности текущей государственной политики в отношении современных моногородов.

Четвертая причина уязвимости моногородов — отсутствие действенной комплексной программы по инвестиционной поддержке со стороны государства. Так, по данным Государственной статистической

службы за 2012 г., инвестиционных средств из федерального бюджета РФ на среднестатистического жителя крупного моногорода выделялось чуть больше 75% от среднедушевого уровня в городе со стотысячным населением. По иностранным инвестициям это соотношение еще ниже — менее 74% [20]. Иными словами, моногорода наименее привлекательны для иностранных компаний (включая те, которые имеют конечными бенефициарами российских граждан, инвестирующих свои капиталы через офшоры). Но при этом и государство не обеспечивает достаточных компенсационных мер. Отметим, что представленная картина не означает, что всем моногородам надо добавить госинвестиций. На данном этапе — это лишь один из элементов диагноза. Возможно, что в некоторых случаях инвестиции нужны не в моногорода, а в людей для оказания им помощи по переселению.

Наконец, отсутствие государственных мер по решению внутренних проблем моногородов. Политика государства в отношении моногородов обладает ярко выраженным дискретным характером. Основные черты предпринимаемых мер — отсутствие комплексного решения проблем, неустранение источника их возникновения, тенденция к сиюминутным эффектам. Иными словами, меры Правительства имеют краткосрочный характер, лишь временно разрешают неблагоприятную ситуацию (например, случай г. Пикалево [10]). Более того, если государством и принимаются меры по регулированию ситуации в моногородах, то, как правило, в крупных, с населением не менее 50 тыс. человек. В этой связи заметим, что внимания к моногородам Калининградской области если и можно было ожидать, то только в связи с особым статусом региона. Распространенное среди государственных программ по поддержке экономического развития использование субсидий и дотаций градообразующим предприятиям лишь частично компенсирует негативный эффект, не создавая достаточных предпосылок для решения проблемы в целом.

Таким образом, решение комплекса взаимосвязанных проблем, необходимое не только для жизнеобеспечения национальной экономики, но и, главным образом, для оживления деятельности моногородов, требует детализированного подхода.

В поиске оптимального решения проблемы моногородов необходима четкая спецификация структурных рискообразующих факторов. Стоит признать, что диапазон рисков, угрожающих благополучному развитию моногородов (а значит, и стабильности в обществе), довольно широк и не подлежит однозначной спецификации. В этом случае целесообразно сформировать группы рисков, обобщенных однородностью соответствующих проблем [42]. Рассмотрим классификацию типовых рисков моногородов: сначала определим прямые риски градообразующего предприятия («бизнес»), социально-направленные («население»), а также риски органов местного самоуправления («власть»), затем рассмотрим потенциальные риски, возникающие при непосредственном взаимодействии рассматриваемых групп (см. табл.).

Классификация типовых рисков моногородов

Субъект	Риски и их описание
Бизнес	<p>Инфраструктурные риски Возникают в результате неисправности объектов инфраструктуры из-за износа и существенного увеличения издержек содержания объектов инфраструктуры. Наиболее распространенные причины: использование объектов инфраструктуры после истечения допустимого срока их эксплуатации; отсутствие или несвоевременное проведение мер по реконструкции и модернизации; отсутствие или недостаточность условий, необходимых для расширения технологических мощностей; подверженность природно-климатическим факторам или техногенным явлениям</p>
	<p>Технологические риски Возникают из-за высокой себестоимости производственных процессов, ужесточения мер по эксплуатации основных средств. Наиболее высоки при превышении срока эксплуатации основных средств</p>
Население	Риски снижения качества жизни
	Риски миграции трудовых ресурсов
Власть	<p>Риски органов местного самоуправления Соответствуют вероятности возникновения убытков вследствие возможных изменений в политике государства и направлений, приоритетных для ее реализации. Принятие или непринятие определенных решений, проведение мероприятий по национализации или экспроприации в отсутствие компенсаторных действий, непредвиденность чрезвычайных ситуаций (военные действия, народные волнения и т. д.)</p>
Власть — население	<p>Риски платежеспособности Отражают платежеспособность среднестатистического жителя, наиболее вероятны в случаях роста безработицы, снижения уровня заработной платы и тренда к «старению» населения</p>
	<p>Риски уменьшения человеческого капитала Опасность возникновения непредвиденных потерь от недостаточного инвестирования в профессиональный и культурный капиталы, а также снижение общего уровня здоровья</p>
Власть — бизнес	<p>Потребительские риски Отражают аспекты, связывающие спрос на объемы товаров и услуг, предоставляемых предприятием, и их реализацию на потребительском рынке</p>
	<p>Продуктовые риски Принятие или непринятие продукта рынком, соответствующим экономико-отраслевой специализации</p>
	<p>Риски прав собственности Вероятность утраты объектов инфраструктуры, возникающая в случае наступления обстоятельств непреодолимой и субъектно-нерегулируемой силы</p>

Окончание табл.

Субъект	Риски и их описание
	<p>Финансово-экономические риски</p> <p>Связаны с возникновением бюджетного дефицита и, как следствие, с недостаточным финансированием моногородов из средств бюджета соответствующего уровня. Обусловлены внутренней и внешней конъюнктурой рынка, состоянием национальной экономики и инвестиционным потенциалом; кризисом банковской системы; инфляцией</p>
Население — бизнес	Потребительские риски
	<p>Риски кадровых единиц</p> <p>Возникают в связи с наступлением таких факторов, как колебания численности экономически активного населения, недостаточно высокий уровень качества жизни населения, внутренняя миграция, создающих структурные изменения трудовых ресурсов.</p>
	Риски платежеспособности
	Риски снижения человеческого капитала

Источник: составлено авторами.

Управление рисками представляет собой процесс идентификации риска, его оценку и последующую разработку стратегии управления им [25].

В идеальных условиях вышеперечисленные риски (представленные полностью или частично) должны быть выявлены и оценены еще на этапе развития моногородов. Одновременно с этим следует разработать и стратегии по управлению рисками. В действительности нельзя говорить об управлении конкретным риском моногорода, поскольку, несмотря на острую необходимость управления рисками, данная проблема дополняет комплекс проблем моногородов, рассмотренных ранее.

3. Механизмы нивелирования рисков моногородов

Не претендуя на широкие обобщения, в данном разделе мы хотели бы показать, что проблемы моногородов не являются безысходными, и отселение — далеко не самая очевидная перспектива в случае активной реакции на обострение проблемы. В то же время истории успеха демонстрируют, как довольно типовые решения могут переплетаться с оригинальными находками с учетом местной специфики.

Пример успешного решения проблемы моногородов — опыт Канады, где посредством кооперации представителей населения, бизнеса и органов местного самоуправления был преодолен кризис моногородов,

казалось бы, обреченных на ликвидацию. Опыт Канады интересен еще и тем, что в отраслевом разрезе он наиболее близок для России. Проанализируем меры, предпринятые для реабилитации экономики двух канадских городов — Тамблер Ридж (Tumbler Ridge) и Эллиот Лэйк (Elliot Lake).

Город Тамблер Ридж [39] был создан в конце 1980-х гг. в Канаде с целью разработки коксующегося угля. На момент освоения города, его население составляло около 5 тыс. человек. В 2000 г. градообразующая компания «Тэк Корпорэйшн» (Teck Corporation) объявила о закрытии самой крупной шахты, что поставило под угрозу дальнейшее существование города. Основной идеей региональных властей по данному вопросу была ликвидация города с принужденной миграцией населения; при этом ссылались на его исключительную монопрофильность и отсутствие возможностей по проведению стандартных мер по реабилитации его экономики. Однако большинство жителей города и представители администрации изъявили желание не покидать родные места, считая, что экономику Тамблер Риджа можно спасти и из узкоспециализированного индустриального центра он способен преобразиться в процветающий экономический центр.

Муниципалитетом была разработана детальная долгосрочная стратегия по ревитализации обреченного города. Концепция стратегии заключалась в стабильном предоставлении социальных услуг жителям, а также в поддержке оснащения транспортной и инженерной инфраструктур. Данные меры подразумевали создание прочной социальной платформы, способной не только перенести, но и активно освоить диверсификацию экономики. Проект увенчался успехом. Важным моментом в планировании политики было ее разделение на *долгосрочный* и *краткосрочный* аспекты. В рамках *краткосрочной* стратегии предполагалось заключение договора с региональными властями о выделении средств из регионального бюджета в целях сохранения комфортных условий для жителей, оставшихся в городе; а в *долгосрочном* плане — диверсификация. Помимо финансирования социальных нужд населения, местная администрация начала кампанию по выкупу жилья у покидавших город, после чего выставляла его на продажу, но по сравнительно низким ценам. Данное мероприятие проходило активно, поскольку после проведения реконструкции выкупленных домов они продавались по максимально низким ценам, в диапазоне от 12 000 до 25 000 долларов. Таким образом, более 60% жилищных единиц было перепродано (из резерва в 1600 единиц продано 725 домов и 260 квартир).

Помимо этого, было улучшено качество предоставляемых социальных услуг: повысился уровень и доступность образования, медицинского обслуживания и социального обеспечения. С различными организациями были оформлены особые отношения, гарантирующие базовый уровень социального пакета в течение переходного периода, до тех пор, пока внутренняя экономическая ситуация города не стабилизируется. Социальное обеспечение и доступность жилья стимулировали приток населения, и к 2002 г. новым жителям было продано 97% домов и квартир.

Вместе с притоком рабочей силы увеличился и человеческий капитал, что позволило стимулировать развитие мелкого и среднего предпринимательства. Так, начали появляться объекты обслуживающего и рекреационного сервиса — началось активное строительство небольших гостиничных комплексов, ресторанных сетей, автомобильных моек. Кроме этого, был разработан проект по освоению лесопильного производства на территории Тамблер Риджа — ввиду подходящего географического положения города. К 2008 г. было открыто около 40 предприятий малого и среднего бизнеса (далее МСБ), что способствовало значительному подъему экономики города. В частности, согласно опросу, проведенному в конце 2012 г., из 80 опрошенных представителей МСБ 53 заявили о своем намерении внедрять свой бизнес в городе, ссылаясь на привлекательные условия [37].

Благодаря притоку населения в Тамблер Ридж и, соответственно, стабильному пополнению местного бюджета удалось скорректировать имевшуюся инфраструктуру под развитие новых экономических отраслей: были проложены железнодорожные пути, созданы крупные промышленные парки по ремонту оборудования. Это также позволило оценить действительно используемые территории города и, как следствие, сократить его размеры за счет незаселенных и малозаселенных мест. Данный этап позволил довести кампанию по реабилитации Тамблер Риджа до ее логического завершения — с этого момента в городе зародилась тенденция к превращению его в туристически привлекательный объект. Было создано еще около 50 предприятий, ориентированных на гостиничный бизнес. На сегодняшний день пейзажи Тамблер Риджа представлены практически на всех туристических сайтах Канады.

Другой канадский город — Эллиот Лэйк [33] — также демонстрирует позитивный опыт по решению задачи спасения города. Основная производственная деятельность в городе была сконцентрирована на добыче урана. Эллиот Лэйк столкнулся с кризисом в 1990 г. «Антарио Хайдро» (Ontario Hydro), основной заказчик продукции, реализуемой двумя градообразующими предприятиями — «Рио Алгом Лимитед» (Rio Algom Limited) и «Дэнисон Майнс Лимитед» (Denison Mines Limited), — досрочно расторг контракт по поставке урана, поскольку нашел более дешевый и качественный источник поставки. Градообразующие компании Эллиот Лэйка были вынуждены объявить о закрытии трех основных шахт по добыче урана, вследствие чего более 2 тыс. человек лишились своих рабочих мест. В 1992 г. компания «Дэнисон Майнс Лимитед» объявила о ликвидации предприятия, что сделало еще 1100 человек безработными. Оставшиеся 553 сотрудника корпорации «Рио Алгом Лимитед» потеряли работу в июле 1996 г. Экономика Эллиот Лэйка полностью зависела от доходов градообразующих компаний. Так, еще в 1986 г. из общей численности населения 17 984 человека 4 858 трудились непосредственно на уранодобывающих предприятиях, 3 962 человека были профессионально связаны с данной отраслью, поскольку занимались производством товаров и услуг, способствующих добыче урана. К началу 1990-х гг. известия о катастрофических

сокращения экономически активного населения стали тревожным сигналом о скорой гибели города, с удручающим прогнозом уменьшения населения (400—500 человек) к началу 1997 г. В действительности ситуация оказалась иной: в 1994 г. численность жителей составляла 14 300 человек, а к 1997 г. — 14 500, с занятым населением в количестве 2 500 человек.

Столкнувшись с критической ситуацией в условиях ограниченного времени, финансовых средств и экспертов в области экономики, администрация приняла решение о реструктуризации экономики города, который весь период своего существования зависел исключительно от добывающей отрасли. Была поставлена задача проведения экономической диверсификации задолго до наступления кризисной ситуации. В 1987 г. был создан Комитет по экономическому развитию (Economic Development Committee, далее — Комитет), который и разработал новый план по преодолению кризиса в Эллиот Лэйке.

Концепция спасения города заключалась в достижении целей по привлечению инвестиций и стабилизации экономики, используя имеющиеся ресурсы и ориентируясь при этом на краткосрочный аспект. Основой концепции послужили три направления, в наибольшей степени способствовавшие достижению данных целей: 1) население пенсионного возраста; 2) туризм и 3) диверсификация малого бизнеса.

Политикой Комитета в отношении населения, достигшего пенсионного возраста, стало максимальное их привлечение на территорию города Эллиот Лэйк и стимулирование к повышению их расходов, что способствовало бы созданию новых перспектив для местного бизнеса. В 1987 г. старшим партнером корпорации «Дэнисон Майнс Лимитед» совместно с администрацией города было принято решение о продаже незаселенных домов рабочих пенсионерам, ныне проживающим или приехавшим в город. Поскольку доход у этой категории населения фиксированный и обеспечен государством, то для пенсионеров не имеет значение количество отраслей, на которых специализируется город. При этом их регулярные расходы на предметы потребления позволят стабилизировать местную экономику. С момента принятия данной программы и до конца 1987 г. было привлечено 27 человек. Далее рамки принятой концепции были скорректированы, и к 1991 г. Комитет создал независимую некоммерческую организацию «Эллиот Лэйк Ретайрмент Ливинг» (Elliot Lake Retirement Living). Компания занималась управлением высвобождавшейся недвижимости и внедрением данной концепции в городах, соседствующих с Эллиот Лэйк. В 1993 г. компания «Эктив Ливинг» (Active Living) из города Онтарио (Ontario), специализирующаяся на рынке недвижимости, заинтересовалась скупкой домов и квартир, высвобождавшихся в результате миграции основного населения из подобных моногородов, и их перепродажей пенсионерам. Установив цену жилья на уровне 19 900 долларов, компания едва справлялась с удовлетворением спроса. Таким образом, к 1997 г. в Эллиот Лэйк переселились около 3 600 жителей пенсионного возраста и еще около 3 000 представителей экономического активного населения.

На тот момент «Ретайрмент Ливинг» стала крупнейшей в регионе компанией, занимающейся продажей жилья людям пенсионного возраста по доступным ценам, обладая резервом в 1 520 жилищных единиц.

Использование данной программы способствовало не только созданию безопасного «налогового щита» муниципалитета, но и активному привлечению компаний малого и среднего бизнеса, специализирующихся на продаже мебели и техники, что в годовом исчислении привело к общему доходу муниципалитета в размере 30 млн долларов.

Вторым ориентиром по подъему экономики города стал туризм. Цель Комитета в данном направлении была практически идентична программе по продаже жилья пенсионерам — создание новых возможностей для малого и среднего бизнеса посредством привлечения на территорию Эллиот Лэйк туристов и стимулирования их расходов. Поскольку город территориально расположен в лесной долине, пересеченной рекой и множеством озер, то он удовлетворял большинству требований туристической индустрии. До 1990 г. единственным туристическим направлением в городе было создание полей для гольфа и баз для лыжных прогулок, охоты и рыбалки, предназначенных исключительно для администрации уранодобывающих корпораций.

Городской комитет по экономическому развитию направил государственные средства, а также резервы по созданию рабочих мест в инфраструктурное оснащение туризма в Эллиот Лэйке. Инфраструктурное оснащение включало в себя создание 120-километровой окружной дороги, информационного центра для гостей, обзорной башни с видом на панораму города и менее крупных объектов, таких как лодочные станции, автомастерские, лыжные и горнолыжные трассы.

Посредством рекламных кампаний, предпринятых сначала в упомянутом ранее Онтарио, а затем и в других расположенных неподалеку городах, Эллиот Лэйк стал привлекать все больше туристов, приезжавших сюда в основном на короткие сроки. С 1993 по 1997 г. город посетили свыше 47 тыс. туристов. Активная реклама по радио и телевидению позволила привлечь в Эллиот Лэйк любителей рыбалки и охоты, в том числе и звезд телевидения, которые благодаря программе по жилищному обеспечению пенсионеров оставались в городе, заключив контракт на съемки сроком на год. Город стал известен и за пределами Канады — жители США, Германии и Великобритании приезжали сюда как в качестве туристов, так и на постоянное жительство.

Обеспечение должного уровня гостиничного сервиса обусловило развитие МСБ города, который предоставлял все более широкий спектр товаров и услуг. Активно развивалось гостиничное строительство и объекты инфраструктуры — мини-гостиницы, бары, закусочные и т. д. При этом деятельность «Эллиот Лэйк Ретайрмент Ливинг» расширилась с предоставления жилья пенсионерам до организации двухдневных туристических туров для заинтересованных лиц (преимущественно пенсионного возраста) и создания новых компаний туристической индустрии. Так, появились корпорации, предоставляющие практически все виды туристического отдыха — как обычного, так и экстремально-

го. Для поддержания их деятельности требовались организации, занимающиеся техническим обслуживанием, пополнением и оснащением соответствующей инфраструктуры.

Наконец, третье направление концепции — малый и средний бизнес. Целью Комитета стало создание новых предприятий, специализирующихся на различных отраслях. На начало 1990 г. все существовавшие предприятия города занимались деятельностью, смежной с добычей урана. После создания Комитета более 200 волонтеров выступили с инициативой разработки и привлечения новых направлений бизнеса.

В рамках стратегии экономической диверсификации было признано, что местные производители уже максимально инвестировали свои средства в развитие города, обеспечив при этом подавляющую часть экономически активного населения рабочими местами. В связи с этим принимается решение о вспомогательных мерах, способствующих перепрофилированию деятельности корпораций, а именно о создании альтернативной индустрии, способной максимально снизить операционные расходы. Местные производители стали работать совместно; под руководством городского Комитета по экономическому развитию была создана Ассоциация добывающей промышленности Эллиот Лэйка (Elliott Lake Mine Manufacturers' Association). В целях снижения операционных издержек, Ассоциацией была разработана стратегия из трех ориентиров: создание краткосрочных рабочих мест, рациональное использование энергетических ресурсов, а также аннулирование муниципальных налогов. В дополнение к средствам, выделенным государством для поддержки экономического развития в регионе, в котором располагался Эллиот Лэйк, Комитет по экономическому развитию разработал детализированный бизнес-план и провел исследование по управлению финансами промышленных предприятий. По итогам данных мероприятий было принято решение осуществить совместный (муниципальный и региональный) экстренный сбор средств в размере 25 млн долларов для развития бизнеса альтернативных отраслей. В течение последующих семи лет было открыто свыше 30 компаний занимающихся различными сферами деятельности в рамках диверсифицированной экономики, что позволило увеличить уровень занятости, привлекая ежегодно от 500 до 1 000 новых работников.

Итак, опыт канадских городов Тамблер Ридж и Эллиот Лэйк свидетельствует о том, что даже самые депрессивные моногорода с небольшой численностью населения, «обреченные на гибель» по причине бесперспективности деятельности градообразующего предприятия, в состоянии справиться со стабилизацией экономики и «оживлением» своих территорий. История Тамблер Риджа показывает возможность реабилитации города при обеспечении устойчивых социальных услуг — совершенно необходимо, чтобы население было уверено в своей безопасности. Кроме того, необходимо адекватно сопоставлять цели и возможности долгосрочного и краткосрочного планирования, а также компетентно оценить затраты, необходимые для их достижения. Опыт Эллиот Лэйка демонстрирует нам, что ревитализация города проходит

существенно быстрее и эффективнее в случае, если в казне муниципалитета имеются средства на осуществление экстренных, стратегически необходимых затрат; городская власть представляет собой проверенный, эффективный аппарат администрирования; инфраструктура города является высококачественной, доступной в использовании и обращении; существует стабильный приток внутренней миграции. Стоит отметить и важность энтузиазма населения в спасении экономического состояния моногорода, а также, сотрудничества муниципальных властей и собственников градообразующих предприятий.

Примечательно, что опыт Канады не только способствует изучению так называемой «истории успеха», но и позволяет проанализировать структуру взаимоотношений участников институциональных соглашений⁵. Остановимся подробнее на изучении механизмов каждого из них.

В случае Тамблер Риджа стоит отметить, что градообразующее предприятие не участвовало в ревитализации города (поскольку его закрытие и способствовало необходимости проведения соответствующих мер). То есть в этом случае рассматривается модель взаимоотношений «власть — население». Внешняя среда состоит из представителей региональной власти, желающих закрыть город и переселить жителей. Внутренняя среда представлена населением, не желающим менять место жительства, и городской администрацией. Население заключает соглашение с органами местного самоуправления: первое способно обеспечить социальную базу для диверсификации экономики и дальнейшего ее освоения при предоставлении вторыми социальных гарантий (относительно заработной платы, медицины, образования и инфраструктуры). Ценность моногорода как специфического актива при этом теряется. В свою очередь, органы местного самоуправления вынуждены заключить два вертикальных контракта: «региональная власть — город» (что в контексте краткосрочной стратегии городской администрации соответствует заключению договора о выделении денежных средств из регионального бюджета для обеспечения социальных гарантий населению на время, необходимое для освоения диверсификации) и «город — население» (обеспечение всех необходимых социальных гарантий в краткосрочном периоде взамен на обеспечение рабочей силы при осуществлении диверсификации в долгосрочном периоде). При этом важную роль в связи «город — население» играет так называемый встраиваемый элемент — «посредник» (что в соответствующей структуре от-

⁵ В данном случае мы используем понятие, которое было разработано Дугласом Нортон и Лэнсом Дэвисом в 1971 г. [36], но прижилось оно в теории трансакционных издержек в связи с развитием сравнительного анализа структурных альтернатив организации трансакций с учетом трех важных характеристик — неопределенности, повторяемости и специфичности ресурсов. Примечательно, что Оливер Уильямсон, разработавший основы такого анализа, в одной из своих наиболее известных работ иллюстрацией проблемы выстраивания договорных отношений в условиях специфичности ресурсов выбрал моногород, или компанию-город [29].

ношений эквивалентно надстройке над звеном «население»), который либо выдвигается населением в результате выборов, либо его позиция изначально представлена открытой со стороны администрации города (в таком случае этим представителем фактически может стать любое заинтересованное лицо).

Однако следует признать, что, подобный механизм порождает ряд проблем. Во-первых, возрастает склонность к *оппортунистическому поведению*: обеспечение социальных гарантий без формализации и четкой спецификации ответных действий со стороны индивида повышает вероятность невыполнения им своих обязательств. Во-вторых, увеличивается риск невыполнения договорных обязательств, причем в обоих видах отношений: «*региональная власть — город*» и «*город — посредник — население*». Разумеется, в первом виде риск существенно ниже, поскольку значительно легче зафиксировать обязательства сторон. Что касается второго вида отношений, то ситуация усложняется отсутствием гарантий со стороны населения относительно обеспечения муниципалитета рабочей силой по требованию. Наконец, при рассмотрении отношения «*город — посредник — население*» возникает вопрос об оценке вероятности асимметрии информации. В частности, если «*посредник*» выбран не по принципу координирования интересов населения и администрации муниципалитета и следует своим субъективным убеждениям, то велика вероятность неполноты информации между двумя оставшимися субъектами рассматриваемого отношения.

Что касается мероприятий, проведенных в г. Эллиот Лэйк, то в целом их структура несколько напоминает мероприятия в рассмотренном ранее г. Тамблер Ридж. Как и в предыдущем примере, градообразующее предприятие здесь не стало участником контрактных отношений ввиду прекращения своей деятельности. Но в случае Эллиот Лэйка не рассматривается отношение «*региональная власть — город*». Инициатива сохранения жизнеспособности города изначально принадлежит его администрации, что приводит к схеме «*город — посредник — население*», однако здесь роль «*посредника*» более существенна, поскольку им выступает Комитет по экономическому развитию [33], являющийся сосредоточением интересов как администрации города, так и населения. При этом дальнейшее определение стратегий долгосрочного и краткосрочного периодов (напомним: это привлечение населения пенсионного возраста для обеспечения «финансового щита»; развитие туристическо-рекреационной сферы и дальнейшая диверсификация по МСБ) рассматривается именно с позиции элемента «посредник».

В данном случае существенно упрощен механизм формализации обязательств и гарантий сторон, что снижает вероятность как оппортунистического поведения, так и асимметрии информации. Риск невыполнения договорных обязательств сохраняется, но представлен в меньшей степени. Однако в данном примере возникают следующие проблемы: можно ли каким-либо образом определить вероятность благоприятного исхода задуманной стратегии? Даже в случае успешной

реализации проектов по перепродаже жилья (что, к примеру, в российских реалиях маловероятно) будет ли приток населения пенсионного возраста гарантированным? И что делать городам, которые в силу специфических обстоятельств (например, климатические и экологические условия) потенциально не могут быть привлекательными для переселения? Возможно ли посредством развития туристическо-рекреационной деятельности привлечь такое количество средств, которое способно обеспечить успешную отраслевую диверсификацию и дальнейшее развитие малого и среднего бизнеса? Наконец, значит ли это, что благоприятный исход возможен только в городах, где градообразующее предприятие не участвует в институциональном соглашении?

Данные вопросы подводят нас к необходимости рассмотреть проблему взаимоотношений в моногороде более комплексно⁶. Итак, мы рассматриваем модель институционального соглашения с тремя исходными компонентами: «*градообразующее предприятие*» (бизнес), «*население*» и «*власть*» (администрация города). Поскольку решения собственников градообразующего предприятия обычно превалируют над позицией главы администрации города, то точкой отсчета станет выбор из предложенных альтернатив для «бизнеса»: поддерживать производство (т. е. оно выгодно) или нет (если оно убыточно или в случае возрастающей вероятности враждебного поглощения предприятия). Предложенная ниже схема имитирует возможные сценарии развития событий в моногородах (рис. 2).

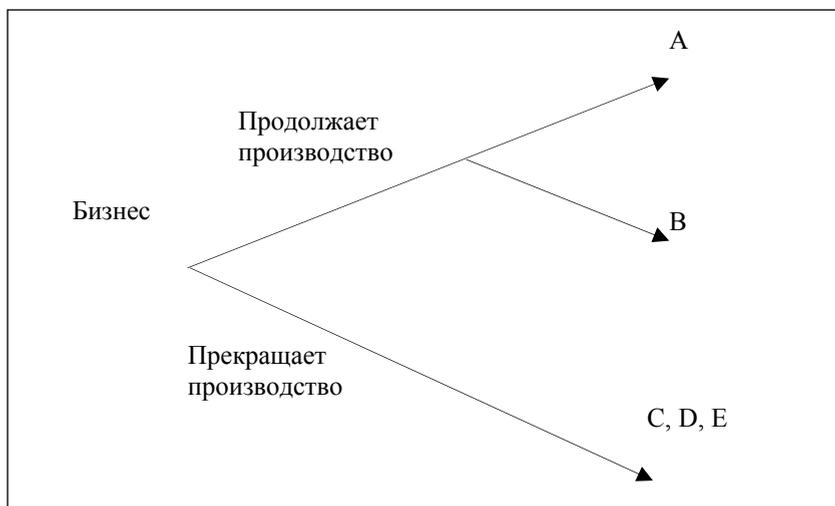

Рис. 2. Схема возможных сценариев развития событий в моногородах

⁶ Предполагается, что речь идет о моногородах I и II категорий — наиболее уязвимых и с нестабильной социально-экономической обстановкой. Города III категории (с благоприятной конъюнктурой) в данном контексте мы рассматривать не будем.

Бизнес решает, выгодно ему сохранять деятельность предприятия или нет. Если решение положительное, то возможны два варианта дальнейшего развития событий — в зависимости от того, необходимо внести дополнительные коррективы (случай В) или нет (случай А).

- *Случай А:* все три субъекта отношений довольны ситуацией, необходимо лишь обеспечить регулярного мониторинга с целью предотвращения наступления неблагоприятной ситуации или принятия оперативных мер для заблаговременного ее решения.

- *Случай В:* необходимо внести частичные коррективы в существующее институциональное соглашение. Поскольку в целом явные угрозы не обнаружены, то проблема решается локально посредством урегулирования трудовых отношений, пересмотра заявленных социальных гарантий; возможно также заключение договора о программах развития [26] (что соответствует фрагменту «бизнес — население», в редких случаях полностью триединой структуре).

Если же для градообразующего предприятия невыгодно (или невозможно) сохранить производство, то могут возникнуть три ситуации: С, D, E.

- *С — ликвидация города с сопутствующим переселением.*

В городах с потенциально депрессивной экономической ситуацией, где издержки искусственного поддержания жизнедеятельности как градообразующего предприятия, так и города не только высоки, но и нецелесообразны, необходимо прийти к некоторой форме соглашения между агентами «город — население» (как в примере канадского опыта) посредством опроса или открытого голосования. В случае обоюдного соглашения о нецелесообразности развития города нужно найти решение проблемы перенаселения (здесь вступает в силу контракт с представителями уже трех уровней власти: местной, региональной и федеральной [26]).

- *D — сохранение специфичности актива.*

Сохранение специфичности актива (частично или полностью) возможно при поглощении (или слиянии) градообразующего предприятия фирмой, смежной в разрезе отраслевой деятельности. В подобной ситуации следует отталкиваться от отношений «бизнес — население», так как в первую очередь возникает вопрос о трудовых отношениях: требуется ли переквалификация, в какие сроки и для какого примерного количества трудовых единиц. Необходимо также определить будущее экономически неактивного населения: целесообразно ему оставаться в пределах города или разумнее сменить место жительства, что способствует уменьшению территории города.

- *E — специфический актив трансформируется в актив общего назначения.*

В данном случае следует рассмотреть два варианта:

- 1) трансформация части специфического актива в актив общего назначения (например, внутренняя диверсификация, т. е. в отраслевом разрезе в рамках города);

2) обесценивание специфического актива влечет за собой вынужденное репрофилирование в актив общего назначения (например, в случае внешней диверсификации, т. е. при поглощении градообразующего предприятия некоторой фирмой с последующей переориентацией деятельности).

Поскольку общей характеристикой данного варианта является смена специфического актива в сторону общего (в большей степени), то вполне логично предположение о перенаселении определенной части жителей условного моногорода (как по причине смены основного профиля, так и по иным причинам). Поэтому мы допускаем определенную степень миграции между городами (необязательно монопрофильного типа; важнее акцентировать внимание на наличии возможности обеспечения притока населения). Так как гарантом успеха диверсификации отраслевой структуры моногорода выступает устойчивый рынок труда, то действия структурного элемента «*бизнес — власть*» должны быть направлены на достижение данной цели в качестве первого приоритета. В этой связи следует стремиться к минимизации издержек переключения для группы «*население*». Соответственно действия подгруппы «*бизнес — власть*» должны быть согласованы и удовлетворять следующей логической структуре: *предоставление рабочих мест — инфраструктурное оснащение города (с учетом корректив на рынке жилья) — обеспечение безопасности и охрана прав собственности — предоставление социальных благ (образование, медицина и т. д.) — доступность коммунальных услуг — предоставление услуг, удовлетворяющих социально-культурные потребности.*

Иными словами, априори рассматривается ситуация потенциальной готовности «населения» предоставить трудовые ресурсы, но при этом действия как «власти», так и «бизнеса» (поэтому мы рассматриваем непосредственно их взаимодействие) должны быть направлены на создание максимально благоприятных условий для формирования устойчивого рынка труда.

Заключение

Исследование моногородов в рамках концепции, предложенной в данной статье, позволило сформулировать следующие выводы.

- Для того чтобы решать проблему моногородов с привлечением широкого диапазона различных инструментов, необходимо закрепление четкого определения понятия «моногород».

- Уязвимость моногородов — явление не точечное; напротив, это феномен, охватывающий множество аспектов: от системных взаимосвязей конкурентной и промышленной политики касательно продукции, предлагаемой градообразующими предприятиями, до исключительно дискретных, ситуативных мер государственной политики, принимаемых для сохранения жизнеспособности моногородов.

- Совокупность рисков различного рода может быть представлена комплексно и в рамках одной системы координат, если рассматривать и классифицировать их с точки зрения методологии сравнительного анализа институциональных соглашений.

- Исследование отношений, возникающих между основными группами интересов в моногороде, может и должно проводиться с учетом проблемы оппортунистического поведения, которая проявляется особенно остро в силу высоких издержек переключения.

- Зарубежный опыт показывает возможность добиться успеха в нивелировании рисков, сопутствующих моногородам. Вместе с тем истории успеха демонстрируют, как довольно типовые решения могут переплетаться с оригинальными находками (с учетом местной специфики), требующими значительных усилий по проектированию отношений между основными группами интересов.

- При абстрагировании от конкретных примеров, можно выделить общую схему взаимодействия контрагентов институционального соглашения в контексте моногорода и выявить общий механизм, направленный на решение проблемы моногородов.

Следует еще раз подчеркнуть, что предложенные меры направлены на разрешение ситуации в моногородах с особо уязвимым социально-экономическим положением и предполагают решение проблемы, альтернативное существующему на сегодняшний день: прямому вмешательству федеральной и региональной власти, выраженному в ликвидации и консервации наиболее уязвимых моногородов. Предложенный в работе подход предназначен для исследования и поиска вариантов решения проблем наиболее депрессивных моногородов, так как охватывает основные варианты развития событий и предполагает учет отношений между ключевыми группами интересов.

Тем не менее — ввиду отсутствия в российской практике комплексной и детализированной базы по решению проблем методом координации различных механизмов институциональных соглашений — предложенный данным исследованием метод при практическом применении нуждается в дальнейшей разработке как в направлении детализации, так и в применении к конкретным объектам — различным категориям моногородов.

Список литературы

1. *Аналитический доклад о результатах выполнения проекта «Монопрофильные города и градообразующие предприятия»*. URL: <http://www.union.invest.ru> (дата обращения: 04.09.2014).

2. *Анимца Е.Г., Медведева И. А., Сухих В. А.* Малые и средние города: научно-теоретические аспекты исследования. Екатеринбург ; Пермь, 2003.

3. *Базовый элемент «Моногорода. Перегрузка»*. URL: [http://www.basel.ru/bitrix/images/catalog/Моногорода Перегрузка \(2\).pdf](http://www.basel.ru/bitrix/images/catalog/Моногорода Перегрузка (2).pdf) (дата обращения: 04.03.2013).

4. *Воробьев М., Гусев В., Малый В.* Современный ресурсный моногород: территория доживания или проект социально-политической стабильности (на примере г. Вольска Саратовской обл.) // *Власть*. 2013. №4. С. 11—12.
5. *Вердикт профессионалов* // *Terra Sapiens*. 2009. № 1 (8). С. 4.
6. *Гуреева М.А.* Экономические проблемы моногородов в условиях мирового финансового кризиса // *Вестник Российского нового университета*. 2011. С. 37—45.
7. *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики : учебник для вузов. М., 2001.
8. *Казаржевская В.С.* Современные проблемы функционирования градообразующих предприятий. СПб., 2005.
9. *Крюкова О. Г., Арсенова Е.В.* Влияние мирового финансового кризиса на экономику моногородов // *Эффективное антикризисное управление*. 2010. № 1. С. 80—87.
10. *К ситуации в городе Пикалево*. Досье. URL: <http://itar-tass.com/info/853402> (дата обращения: 20.12.2014).
11. *Любовный В.Я., Кузнецова Г.Ю.* Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России // Библиотека местного самоуправления. Вып. 54. М., 2004.
12. *Манаева И.В.* Подходы к группировке моногородов Российской Федерации. URL: http://srastvortseva.professorjournal.ru/c/document_library/get_file?uuid=a67ed1e2-e8b1-455d-8155-43a3c7739f35&groupId=992555 (дата обращения: 20.10.2014).
13. *Маслова А.Н.* Моногорода в России: проблемы и решения // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2011. Вып. 5, т. 4.
14. *Медведев* проведет совещание по занятости в моногородах. URL: <http://er.ru/news/2013/9/9medvedev-provedet-soveshanie-po-zanyatosti-v-monogorodah/> (дата обращения: 28.04.2014).
15. *Михайлова Е.А., Рожков Ю.В.* Финансово-кредитные методы регулирования инвестиционных рынков. Л., 1991.
16. *Мировая экономика — экономика России*. URL: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=russia&table=ipecia> (дата обращения: 16.04.2014).
17. *Моногорода России: как пережить кризис?* Анализ социально-экономических проблем моногородов в контексте мирового финансово-экономического кризиса, влияющего на состояние градообразующих корпораций. М., 2008. URL: http://www.regionalistica.ru/projects/detail.php?ELEMENT_ID=385 (дата обращения: 16.04.2014).
18. *Моногорода в Чувашии: итоги и перспективы*. URL: <http://www.regnum.ru/news/1585282.html> (дата обращения: 25.03.2014).
19. *О несостоятельности (банкротстве)* : федеральный закон от 27.09.2002 г. № 127-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. *Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ*. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 26.11.2014).
21. *Пашинцева Н.И.* Официальная статистика для решения проблем моногородов России в условиях кризиса // *Вопросы статистики*. 2009. №2. С. 3.
22. *Постановление* Правительства РФ № 1001 от 29.08.1994 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
23. *Распоряжение* № 1398-р Правительства Российской Федерации от 29.07.2014 г. URL: <http://government.ru/media/files/41d4f68fb74d798eae71.pdf> (дата обращения: 08.12.2014).

24. *Столяров О.И.* Программный подход к развитию экономики моногородов. URL: http://www.megacities.ru/analitika/index.php?ELEMENT_ID=2010 (дата обращения: 08.12.2014).
25. *Терехова Т.* Управление рисками и стратегия управления. URL: <http://www.acg.ru/news2.phtml?m=816> (дата обращения: 08.12.2014).
26. *Файков Д.Ю.* Социальный контракт как инструмент стратегического развития муниципального образования // Проблемный анализ и государственного-управленческое проектирование. 2011. №4. С. 55—61.
27. *Федотова Н.Е.* Теоретические аспекты совместимости гипотезы Филлипса с российским рынком труда // Известия ИГЭА. 2009. №4 (66). С. 14.
28. *Чернова Г.В.* Практика управления рисками на уровне предприятия. СПб., 2010.
29. *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб., 1996.
30. *Шаститко А.Е.* Новая институциональная экономическая теория. Изд. 4-е. М., 2010.
31. *Agrawal A., Cockburn L., Rosell C.* Not invited here? Innovation in company towns // Journal of Urban Economics. 2010. Vol. 67, №1. P. 78—89.
32. *Barnes T.J., Hayter R.* Economic Restructuring, Local Development and Resource Towns: Forest Communities in Coastal British Columbia // The Canadian Journal of Regional Science. 2011. Vol. 17, №3. P. 289—310.
33. *Mawhiney A.-M., Pitblado J.* Boom town blues — Elliot Lake: Collapse and revival in a single-industry community. Toronto, 2009.
34. *Company Towns in the Americas: landscape, power, and working-class communities* /ed. by O. J. Dinius, A. Vergara. Athens, Ga, 2011.
35. *Dale B.* An institutional approach to local restructuring: the case of four Norwegian mining towns // European Urban and Regional Studies. 2002. Vol. 9, №1. P. 5—20.
36. *Davis L., North D.* Institutional Change and American Economic Growth. Cambridge, 1971.
37. *District of Tumbler Ridge business information package* URL: <http://www.pris.bc.ca/tumbler/tumbler.html> (дата обращения: 06.12.2014).
38. *Dignard L.A.* A comparative approach to the study of community and work in Canadian mining and forestry towns: a thesis submitted to the faculty of graduate studies and research. Ottawa, 1989.
39. *Gill A. M.* Respecting context in Northern resource town planning: the case of Tumbler Ridge // Western Geography. 2002. №12. P. 113—129.
40. *Green H.* The company town: the industrial Edens and satanic mills that shaped the American economy. N. Y., 2010.
41. *Hinderink J., M. Titus* // Small towns and regional development: major findings and policy implications from comparative research // Urban Studies. 2002. Vol. 39, №3. P. 379—391.
42. *Hopkin P.* Fundamentals of Risk Management: Understanding, evaluating and implementing effective risk management. 2nd ed. L., 2012.
43. *Rudacille D.* Roots of steel: boom and bust in an American mill town. N. Y., 2010.
44. *Tony C.* Company town syndrome Australian CPA // Proquest Abl./inform. 2002. №8. P. 28.
45. *Wood P., Taylor C.* Big Ideas for a Small Town: the Huddersfield Creative Town Initiative // Local Economy. 2004. Vol. 19, №4. Sp. is.: Cultural policy and urban regeneration. P. 380—395.

Об авторах

Андрей Евгеньевич Шашитко, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой конкурентной и промышленной политики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, директор Центра исследований конкуренции и экономического регулирования, Российская академия народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ.

E-mail: saedd@mail.ru

Аделя Фанисовна Фатихова, магистрант, экономический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

E-mail: afatikhoff9@gmail.com

MONOTOWNS: A NEW TAKE ON THE OLD PROBLEM

A. Shastitko *, A. * Fatikhova

** Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991 Russia.*

Submitted on December 18, 2014

The authors of this paper propose an approach to studying risk management in the most vulnerable monotowns that would account for the relations between major stakeholders and use the tools developed in the framework of the new institutional economic theory.

Having compared the existing definitions of the “monotown” concept, the authors present their own approach. They identify key reasons behind monotown vulnerability and systematize stakeholders’ risks. The authors then posit that a study of monotown-related issues would be incomplete without accounting for stakeholders’ interests and relations. Monotown problems become apparent in the context of institutional agreements carried out with high transition costs and increased risks of opportunistic behaviour encountered by the institutional agreement stakeholders. Solving these problems through the methods proposed in the article would help to identify a wider range of alternatives while still taking into account all the typical scenarios. The authors analyse the process of risk management in monotowns from the viewpoint of international practices; and identify structural alternatives of outweighing these risks by considering key relations affecting the implementation of each alternative.

Key words: monotown, risk management, stakeholders, structural alternatives, institutional agreements.

References

1. *Analiticheskii doklad o rezul'tatah vypolnenija proekta «Monoprofil'nye goroda i gradoobrazujushhie predpriyatija»* [Analytical report on the results of the project «company towns and town-forming enterprises»], available at: <http://www.union.invest.ru> (accessed 04.09.2014).

2. Animitsa, E. G. Medvedeva, I. A., Sukhih, V. A. 2003, *Malye i srednie goroda: nauchno-teoreticheskie aspekty issledovanija* [Small and medium-sized cities: scientific and theoretical aspects of the study], Ekaterinburg; Perm, 105 p.
3. *Bazovyy Jelement «Monogoroda. Perezagruzka»* [Basic Element «Monocities. Reloaded»], available at: [http://www.basel.ru/bitrix/images/catalog/Монгорода_Пerezagruzka_\(2\).pdf](http://www.basel.ru/bitrix/images/catalog/Монгорода_Пerezagruzka_(2).pdf) (accessed 04.03.2013).
4. Vorobyov, M., Gusev, V., Malyj, V. 2013, *Sovremennyy resursnyj monogorod: territorija dozhivaniya ili proekt social'no-politicheskoy stabil'nosti (na primere g. Vol'ska Saratovskoj obl.)* [Modern resource industry town: Living out area or project of social and political stability (for example, Volsk Saratov region)], *Vlast* [Power], no. 4, p. 11—12.
5. Verdikt professionalov [Verdict of professionals], 2009, *Terra Sapiens* [Terra Sapiens. Scientific Newsletter of the Union of Russian science cities], no. 1 (8), May, p. 4.
6. Gureeva, M. A. 2011, *Jekonomicheskie problemy monogorodov v usloviyah mirovogo finansovogo krizisa* [Economic problems of single-industry towns in the global financial crisis], *Vestnik Rossijskogo Novogo universiteta* [Bulletin of the Russian new university], p. 37-45.
7. Granberg, A. G. 2001, *Osnovy regional'noj jekonomiki* [Fundamentals of Regional Economy], Moscow, 495 c
8. Azarzhenskaya, V. S. 2005, *Sovremennye problemy funkcionirovanija gradoobrazujushhih predpriyatij* [Modern problems in the functioning of core enterprises], Saint Petersburg.
9. Kryukova, O. G. Arsenova, E. V. 2010, *Vlijanie mirovogo finansovogo krizisa na jekonomiku monogorodov* [The impact of the global financial crisis on the economy monocities], *Jeffektivnoe antikrizisnoe upravlenie* [Effective crisis management], no. 1, p. 80—87.
10. *K situacii v gorode Pikalevo. Dos'e* [By the situation in Pikalevo. Dossier], available at: <http://itar-tass.com/info/853402> (accessed 20.12.2014).
11. Ljubovnyj, V. Ya., Kuznetsova, G. Yu. 2004, *Puti aktivizacii social'no-jekonomicheskogo razvitiya monopofil'nyh gorodov Rossii* [Ways to enhance the socio-economic development of single-industry towns of Russia], *Biblioteka mestnogo samoupravlenija* [Library of local government], no. 54, Moscow, 224 p.
12. Manaeva, I. V. *Podhody k gruppировке monogorodov Rossijskoj Federacii* [Approaches to grouping monocities Russian Federation], available at: http://srastvortseva.professorjournal.ru/c/document_library/get_file?uuid=a67ed1e2-e8b1-455d-8155-43a3c7739f35&groupId=992555 (accessed 20.10.2014).
13. Maslova, A. N. 2011, *Monogoroda v Rossii: problemy i reshenija* [Monotown in Russia: Problems and Solutions], *Problemyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem analysis and public management design], Vol. 4, no. 5.
14. *Medvedev provedet soveshhanie po zanjatosti v monogorodah* [Medvedev will hold a meeting on employment in monocities], available at: <http://er.ru/news/2013/9/9medvedev-provedet-soveshanie-po-zanyatosti-v-monogorodah/> (accessed 28.04.2014).
15. Mikhailova, E. A., Rozhkov, Ю. B. 1991, *Finansovo-kreditnye metody regulirovanija investicionnyh rynkov* [Financial and credit management practices of the investment markets], Leningrad, 120 p.
16. *Mirovaja jekonomika — jekonomika Rossii* [The world economy — the economy of Russia], available at: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=russia&table=ipecia> (accessed 16.04.2014).

17. *Monogoroda Rossii: kak perezhit' krizis? Analiz social'no-jekonomicheskikh problem monogorodov v kontekste mirovogo finansovo-jekonomicheskogo krizisa, vlijajushhego na sostojanie gradoobrazujushhih korporacij* [Monocities Russia: How to survive the crisis? Analysis of the socio-economic problems of single-industry towns in the context of the global financial and economic crisis affecting the city-state corporations], 2008, Moscow, available at: http://www.regionalistica.ru/projects/detail.php?ELEMENT_ID=385 (accessed 16.04.2014).

18. *Monogoroda v Chuvashii: itogi i perspektivy* [Monocities in Chuvashia: results and prospects], available at: <http://www.regnum.ru/news/1585282.html> (accessed 25.03.2014).

19. «O nesostojatel'nosti (bankrotstve)» [«On Insolvency (Bankruptcy)»], *Federal'nyj zakon ot 27 sentjabrja 2002 g. № 127-FZ* [Federal Law of September 27, 2002 № 127-FZ].

20. Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki RF [The official website of the Federal State Statistics Service], available at: <http://www.gks.ru> (accessed 25.03.2014).

21. Pashitseva, N.I. 2009, Oficial'naja statistika dlja reshenija problem monogorodov Rossii v uslovijah krizisa [Official statistics to solve problems monocities Russia during the crisis], *Voprosy statistiki* [Statistical Issues], no. 2, p. 3.

22. *Postanovlenie Pravitel'stva RF №1001 ot 29 avgusta 1994 goda* [Resolution of the Government of the Russian Federation №1001 of 29 August 1994].

23. *Rasporjazhenie № 1398-r Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 ijulja 2014 goda* [Order number 1398-r of the Government of the Russian Federation dated July 29, 2014], available at: <http://government.ru/media/files/41d4f68fb74d798eae71.pdf/> (accessed 08.12.2014).

24. Stolyarov, O.I. *Programmnyj podhod k razvitiyu jekonomiki monogorodov* [Programmatic approach to the economic development of mono-towns], available at: http://www.megacities.ru/analitika/index.php?ELEMENT_ID=2010 (accessed 08.12.2014).

25. Terekhova, T. *Upravlenie riskami i strategija upravljenja* [Risk management and control strategy], available at: <http://www.acg.ru/news2.phtml?m=816> (accessed 08.12.2014).

26. Faikov, D.Yu. 2011, *Social'nyj kontrakt kak instrument strategicheskogo razvitiya municipal'nogo obrazovaniya* [Social contract as a tool for strategic development of the municipality], *Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravljencheskoe proektirovanie* [Problem analysis and public management design], no. 4, p. 55—61.

27. Fedotova, N.E. 2009, Teoreticheskie aspekty sovmestimosti gipotezy Filipisa s rossijskim rynkom truda [Theoretical aspects of compatibility hypothesis Philips with the Russian labor market], *Izvestija Irkutskoj gosudarstvennoj jekonomicheskoy akademii* [Proceedings of the Irkutsk State Academy of Economics], no. 4, p. 14.

28. Chernova, G.V. 2010, *Praktika upravljenja riskami na urovne predpriyatija* [Risk management practices at the enterprise level], Saint Petersburg, 389 p.

29. Williamson, O. 1996, *Jekonomicheskie instituty kapitalizma. Firmy, rynki, «otnoshencheskaja» kontraktacija* [Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, "relational" contracting], Saint Petersburg.

30. Shastitko, A.E. 2010, *Novaja institucional'naja jekonomicheskaja teorija* [New Institutional Economics], Moscow, 880 p.

31. Agrawal, A., Cockburn, L., Rosell, C. 2010, Not invited here? Innovation in company towns, *Journal of Urban Economics*, Vol. 67, no. 1. p. 78—89

32. Barnes, T.J., Hayter, R. 1994, Economic Restructuring, Local Development and Resource Towns: Forest Communities in Coastal British Columbia, *The Canadian Journal of Regional Science*, Vol.17. no. 3, p. 289—310.

33. Mawhiney, A.-M., Pitblado, J., 1999, *Boom town blues — Elliot Lake: Collapse and revival in a single-industry community*, Dundurn press, Toronto, Oxford publishing house, 346 p.
34. Dinius, O. J., Vergara, A. (eds.), 2011, *Company Towns in the Americas: landscape, power, and working-class communities*, Athens, Ga. [u. a.], Univ. of Georgia Press, XIV, 241 p.
35. Dale, B. 2002. An institutional approach to local restructuring: the case of four Norwegian mining towns, *European Urban and Regional Studies*, Vol. 9, no. 1, p. 5—20.
36. Davis, L., North, D. 1971, *Institutional Change and American Economic Growth*, Cambridge.
37. District of Tumbler Ridge business information package, available at: <http://www.pris.bc.ca/tumbler/tumbler.html> (accessed 08.12.2014).
38. Dignard, L. A. 1989, *A comparative approach to the study of community and work in Canadian mining and forestry towns*, a thesis submitted to the faculty of graduate studies and research, Carleton University Ottawa, Ontario Canada, Ottawa, 420 p.
39. Gill, A. M. 2002, Respecting context in Northern resource town planning: the case of Tumbler Ridge, *Western Geography*, no. 12, p. 113—129.
40. Green, H. 2010, *The company town: the industrial Edens and satanic mills that shaped the American economy*, New York, 248 p.
41. Hinderink, J., Titus, M. (eds.), 2002, Small towns and regional development: major findings and policy implications from comparative research, *Urban Studies*, Vol. 39, no. 3, p. 379—391.
42. Hopkin, P. *Fundamentals of Risk Management: Understanding, evaluating and implementing effective risk management*, 440 pg.
43. Rudacille, D. 2010, *Roots of steel: boom and bust in an American mill town*, 290 pg.
44. Tony, C. 2002, *Company town syndrome Australian CPA, Proquest Abl*, inform №8, 28 p.
45. Wood, P. Taylor, C. 2004, Big Ideas for a Small Town: the Huddersfield Creative Town Initiative, *Local Economy*, Vol. 19, no. 4, p. 380—395.

About the authors

Prof Andrei Shastitko, Head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Lomonosov Moscow State University; Director of the Centre for Competition and Economic Regulation Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: saedd@mail.ru

Adelya Fatikhova, MA student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: afatikhoff9@gmail.com

**МЕСТО СТРАН БАЛТИИ
В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
СЕКМЕНТАХ
КРУПНЕЙШИХ ТНК
ЕВРОПЫ**

А. В. Кузнецов*

Цель нашего исследования — определение места стран Балтии на корпоративной карте мира, которая во многих аспектах стала реальной альтернативой политической карте мира вследствие интенсивных потоков прямых иностранных инвестиций. В статье изучается географическое место стран Балтии с точки зрения его представления в документах транснациональных корпораций. Базу данных исследования формируют финансовые отчеты и презентационные материалы 60 ведущих европейских (в том числе российских) транснациональных корпораций, причем особое внимание уделено компаниям стран со значительными прямыми инвестициями в странах Балтии. Наше исследование является первым шагом в анализе интерпретации новых европейских границ международными инвесторами. Мы прослеживаем связь между эффектом соседства в распределении прямых иностранных инвестиций и спецификой географических сегментов в документах транснациональных корпораций. Некоторые компании дают многоуровневое членение (например, Европа и Восточная Европа), обычно признавая принадлежность стран Балтии к Европе (как с учетом России и Турции, так и без них). Тем не менее есть исключения — «домашний рынок» (для ряда шведских фирм), «бывший Советский Союз» (для ряда российских фирм) и даже «Северная Европа и Центральная Азия» либо «Ближний Восток и Восточная Европа». Разные взгляды бизнесменов на границы Европы отчасти объясняют их различное отношение к санкциям ЕС против России.

* Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. 117997, Россия, Москва, В-71, ГСП-7, ул. Профсоюзная, 23.

Поступила в редакцию 15.11.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-1-2

© Кузнецов А. В., 2015

Ключевые слова: страны Балтии, транснациональная корпорация, географический сегмент, границы Европы, прямые иностранные инвестиции

Кризис во взаимоотношениях Европейского союза и России, ярко проявившийся в 2014 г. из-за украинских событий, заставил более детально рассмотреть причины наблюдавшейся уже

многие годы пробуксовки в построении стратегического партнерства между ними. По-видимому, одной из важных причин стало восприятие России значительной частью политических и деловых элит в ЕС как «неевропейской» страны. Есть много параметров, по которым можно оценивать «европейский» характер стран, а следовательно, и границы Европы — физико-географические, этно-конфессиональные, исторические, административно-управленческие и т. д. (см., например, [6; 7]). При этом исследователи обычно мало уделяют внимания восприятию Европы бизнес-сообществом, хотя именно торгово-экономические отношения во многом обеспечивают успех европейского интеграционного проекта. В этой связи нами предложен новый подход к изучению современной картины мира — анализ так называемой *корпоративной карты*, контуры которой в условиях глобализации все чаще не совпадают с границами политической карты [8].

В данной статье для детального изучения восприятия бизнесменами границ Европы выбраны три страны Балтии — Эстония, Латвия и Литва. С одной стороны, еще четверть века назад они были частью Советского Союза, зато уже в 2004 г. стали членами ЕС. Для анализа водораздела между западной и восточной частями Европы важен не столько факт включения трех республик в СССР в 1940 г., сколько их длительное нахождение в составе Российской империи, а после Второй мировой войны — построение социалистической экономики (как и в других восточноевропейских странах, вступивших в ЕС в 2004 г.). С другой стороны, особый характер хозяйственных и культурных связей стран Балтии со Швецией, Финляндией и ФРГ определяет двойственный характер их интеграции в Западную Европу — как по линии формальных интеграционных институтов ЕС и зоны евро, так и в рамках неформальной субрегиональной интеграции в Северной Европе, Балтийском регионе [9].

Новый метод анализа — изучение географических сегментов в корпоративной отчетности

Восприятие бизнесменами пространства находит свое отражение в формальных требованиях к выделению географических сегментов в финансовой отчетности, которое проводится в странах Запада с 1960—1970-х гг. Уже с конца 1970-х гг. в научной литературе начинают изучать географические сегменты при анализе деятельности именно транснациональных корпораций (ТНК), однако в основном с точки зрения прибыльности в разных регионах мира и влияния контрастов между странами на финансовое положение всей компании [1]. К немногим исключениям относится появившаяся в середине 1980-х гг. работа, в которой дан анализ географических сегментов по 58 ТНК из США и 35 ТНК из Великобритании с точки зрения принципов членения пространства представителями бизнеса [2]. В этой статье было показано, что в зависимости от разных параметров фирмы выделяют от 3 до 9 географических сегментов, причем их границы могут быть самыми разными. Так, у американских ТНК применительно к Европе выделялись: 1) Европа, 2) Ев-

ропа и Ближний Восток, 3) Европа и Африка, 4) Восточное полушарие, 5) Европа и Азия, 6) Европа, Африка и Ближний Восток. У британских ТНК в силу нахождения их родины в самой Европе данная часть света не только не объединялась с другими регионами, но и подразделялась на несколько сегментов, а именно: 1) Великобритания — Западная Европа — прочие регионы (без Северной и Южной Америки), 2) Великобритания — прочая Европа, 3) Великобритания — Европа, 4) Великобритания — Германия — Бенилюкс — другие страны ЕЭС — прочая Европа, 5) Великобритания — Западная Европа — Восточная Европа.

Как бизнесмены выделяют регионы мира, оказывается важно не только для оценки доходности, например, зрелых и растущих рынков. Дело в том, что еще в 1970-е гг. представители Уппсальской школы интернационализации фирмы показали, насколько важен фактор информированности предпринимателей при определении характера и географических векторов экспансии ТНК [5]. Они установили, что знания о зарубежных рынках часто зависят от культурной и языковой близости соответствующих регионов, общности исторического развития и многих других неэкономических факторов. Более детальные исследования Г. Хофстеде выявили, как коллективные особенности поведения, определяемые культурой (в противовес индивидуальным и универсальным свойствам поведения), влияют на организацию фирм, их склонность активно вести бизнес в тех или иных регионах [3; 4]. При этом общая специфика территориального развития ТНК и конкретные географические предпочтения прямых инвесторов в силу асимметричной информированности обусловлены не только различиями между странами-реципиентами капитала, но и странами, где базируются головные штаб-квартиры ТНК [10]. В частности, для шведских или германских ТНК «домашним рынком» может оказаться разный набор близлежащих стран.

Помимо географических сегментов, в финансовой отчетности в качестве материала о восприятии бизнесменами границ регионов можно использовать различную справочную информацию и презентационные материалы, размещенные на официальных сайтах компаний. Нередко ТНК используют двух-трехуровневое членение мира: обычно на официальные сегменты в финансовой отчетности и на регионы для клиентов, использующих интерактивные ресурсы в сети Интернет, но также иногда дают сведения (например, в годовых отчетах) по отдельным странам или субрегиональным объединениям. Особенно это хорошо видно на примере стран Балтии, поскольку они находятся на стыке Западной Европы и Восточной, Северной Европы и Центральной, европейской интеграционной группировки и постсоветского пространства и т. д.

Страны Балтии как арена конкурентной борьбы ТНК из России, Северной и Западной Европы

По данным статистики центральных банков Литвы, Латвии и Эстонии, в странах Балтии инвесторы из 16 государств вложили более чем по 0,5 млрд дол. прямых инвестиций (табл. 1). При этом 15 стран были европейские, в том числе не входящие в ЕС Норвегия, Россия и Швейцария. Примечательно, что литовские и эстонские прямые инвесторы

довольно активны в своем регионе. Определенная часть прямых иностранных инвестиций (ПИИ), правда, использует европейские страны как перевалочные базы — это относится прежде всего к Кипру и Люксембургу. Вместе с тем такого рода капиталовложения все равно обычно европейские по происхождению — например, из России. Так, входящий в пятерку крупнейших российских инвестиционных проектов в Латвии терминал по перевалке удобрений и сходных химикатов в Риге, построенный в конце 2013 г. с участием компании «УралХим», получил капитал от кипрской «Uralchem Freight Ltd.».

Таким образом, страны Балтии стали ареной экспансии преимущественно ТНК нескольких соседних государств. Шведские ТНК лидируют по объемам накопленных прямых инвестиций во всех трех странах. Инвесторы из Финляндии наиболее активны в Эстонии, тогда как ТНК из Нидерландов на втором месте в Латвии и Литве. Далее следуют норвежские, германские и российские ТНК, хотя в Литве благодаря эффекту соседства выделяются также польские компании.

Таблица 1

**Накопленные ПИИ в Литве, Латвии и Эстонии
на конец первого полугодия 2014 г.**

Страна — источник ПИИ	ПИИ в Литве		ПИИ в Латвии		ПИИ в Эстонии		ПИИ в трех странах, млн евро
	млн евро	%	млн евро	%	млн евро	%	
<i>Всего</i>	12 148	100,0	11 690	100,0	15 720	100,0	39 558
<i>Европа</i>	11 538	95,0	9 831	84,1	14 680	93,4	36 049
Швеция	3 086	25,4	2 539	21,7	4 169	26,5	9 794
Финляндия	606	5,0	271	2,3	3 405	21,7	4 282
Нидерланды	1 117	9,2	954	8,2	1 775	11,3	3 846
Норвегия	778	6,4	612	5,2	717	4,6	2 107
Германия	1 043	8,6	687	5,9	320	2,0	2 050
Россия	356	2,9	721	6,2	791	5,0	1 868
Кипр	446	3,7	856	7,3	550	3,5	1 852
Дания	502	4,1	473	4,0	375	2,4	1 350
Эстония	668	5,5	538	4,6	—	—	1 206
Польша	1 188	9,8	4	0,0	– 24	—	1 168
Люксембург	252	2,1	286	2,4	390	2,5	928
Великобритания	221	1,8	322	2,8	359	2,3	902
Литва	—	—	411	3,5	433	2,8	844
Швейцария	250	2,1	170	1,5	215	1,4	635
Франция	281	2,3	53	0,5	172	1,1	506
<i>Прочие регионы</i>	610	5,0	1 859	15,9	1 040	6,6	3 509
США	176	1,4	117	1,0	351	2,2	644

Источники: Foreign Direct Investment in Lithuania by country. URL: http://www.lb.lt/stat_pub/statbrowser.aspx?group=8092&lang=en; FDI data by country tables (stocks). URL: <http://statdb.bank.lv/lb/Data.aspx?id=128>; Direct investment position in Estonia and abroad by country. URL: http://statistika.eestipank.ee/?lng=en#listMenu/2015/treeMenu/МАКСЕБИЛ_ЖА_ИНВПОС/146

При этом необходимо подчеркнуть, что даже для многих ТНК из соседних государств узкий внутренний рынок стран Балтии вкупе с низкими торговыми протекционистскими барьерами не создает стимулов для организации производственных дочерних фирм или сервисных филиалов. Это хорошо видно на примере 10 ведущих (по величине зарубежных активов) нефинансовых ТНК из России — лишь 4 из них имеют дочерние структуры в странах Балтии, причем только «Газпром» и «ЛУКОЙл» основали сбытовые компании сразу и в Эстонии, и в Латвии, и в Литве (табл. 2). Однако для целей нашего исследования отсутствие прямых инвестиций именно в данном регионе в большинстве случаев не является критичным — географические сегменты выделяются не только для привязки активов, но и для выручки. Правда, в случае компаний сферы услуг в странах Балтии может не быть даже сбыта продукции, так что при отсутствии единого сегмента «Европа» возможны вопросы о представлениях бизнесменов о географической привязке Эстонии, Латвии и Литвы к тому или иному региону.

Таблица 2

Ведущие российские нефинансовые ТНК по итогам 2013 г.

Компания	Отрасль специализации	Зарубежные активы, млн дол.	Наличие значительных активов в странах Балтии
Газпром	Нефтегазовая	40 128	По 37% «Lietuvos dujos» и «Amber Grid» в Литве, 34% «Latvijas Gāze» в Латвии, по 37% «Eesti Gaas» и «Vorguteenus Valdus» в Эстонии
Вымпелком	Телекоммуникации	36 948	—
ЛУКОЙЛ	Нефтегазовая	32 640	Дочерние фирмы, контролирующие сети АЗС в Литве, Латвии и Эстонии
Евраз	Черная металлургия	8 715	—
Роснефть	Нефтегазовая	8 399	«Itera Latvija» (младший партнер «Газпрома» в Латвии и Эстонии)
Совкомфлот	Транспорт	5 293	—
Северсталь	Черная металлургия	4 784	50,5% «Severstallat» в Латвии
РУСАЛ	Цветная металлургия	3 655	—
РЖД	Транспорт	3 222	—
Система	Конгломерат	2 966	—

Источник: расчеты автора на основе корпоративной отчетности.

В этой связи мы сконцентрировались на изучении ведущих компаний из пяти стран — членов ЕС (трех североευропейских, Нидерландов и Германии), а также Норвегии и России, которые, в отличие от ТНК из

других европейских государств, не только более активны в сфере прямого инвестирования в странах Балтии, но и почти всегда осуществляют в регионе по крайней мере сбыт своих товаров или услуг.

Варианты географической привязки стран Балтии

За основу ранжирования европейских компаний нами взят показатель их рыночной капитализации (табл. 3). Во-первых, он универсален для сопоставления нефинансовых и финансовых компаний. Во-вторых, по мере повсеместного внедрения в Европе элементов акционерной модели капитализма и довольно широкого использования для ПИИ такой формы, как обмен акциями, наблюдается рост зависимости между рыночной капитализацией компаний и их способностью стать ведущими ТНК [11]. При этом в первую десятку европейских фирм по величине рыночной капитализации, по данным «Financial Times», не вошла ни одна из компаний семи рассматриваемых нами стран (табл. 4). Из-за этого для сравнения мы у ведущих швейцарских, британских, французских и бельгийских фирм также посмотрели географическую привязку стран Балтии.

Наиболее типичным оказалось помещение Эстонии, Латвии и Литвы в регион Европа. Во многих случаях он включает в себя страны СНГ (но не всегда — например, в случае «Unilever»), иногда также Турцию. Тем не менее есть примеры отнесения к Европе только стран ЕС, ЕАСТ и Западных Балкан, а у германских «Deutsche Telekom» и «E. On» вообще рассматривается в качестве географического сегмента Евросоюза. В случае «Роснефти» разделение Европы и СНГ связано с традиционным членением зарубежья на ближнее и дальнее. Иногда страна базирования головной штаб-квартиры (например, Германия или Нидерланды) относится в отдельный (по сути, «домашний») рыночный сегмент. В нескольких случаях отдельно рассматриваются и другие значимые страны.

У ряда ТНК наблюдается выделение более обширного, нежели Европа, региона. Так, у «Siemens» это Европа, СНГ, Африка и Ближний Восток, у других германских ТНК (SAP и «Linde») идентичный регион назван Европой, Ближним Востоком и Африкой. Норвежская «Statoil» выделяет в качестве географического сегмента Евразию.

При наличии обширного географического сегмента у компаний (обычно германских) часть информации может даваться для субрегионального ареала, куда входят Эстония, Латвия и Литва. Для «Siemens» это Финляндия и страны Балтии, для «Daimler», «Deutsche Bank», «Henkel» — Восточная Европа, для BMW и «Allianz» — Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ). Норвежский банк DNB выделяет наряду с Европой без Норвегии также Восточную Европу и как часть этого региона — страны Балтии и Польшу. Шведская фирма «Hennes & Mauritz» вообще дает информацию по каждой из стран Балтии отдельно.

Место стран Балтии в географических сегментах 50 ведущих компаний Швеции, Финляндии, Нидерландов, Норвегии, Германии, России и Дании по величине рыночной капитализации (на 31 марта 2014 г.)

Компания	Капитализация, млрд дол.	Страна	Отрасль	Географический сегмент отчетности или неформальный регион, куда относят Балтию*
Volkswagen	119,2	Германия	Автомобильная	Европа без Германии
Unilever	118,8	Нидерланды	Пищевая	Европа (без СНГ)
Siemens	118,6	Германия	Электротехническая	Европа, СНГ, Африка и Ближний Восток (иногда без Германии) / Финляндия и страны Балтии
Bayer	112,1	Германия	Химическая	Прочие (без Германии, США и Китая) / Европа
BASF	102,1	Германия	Химическая	Европа без Германии
Daimler	101,6	Германия	Автомобильная	Прочие страны (без Западной Европы, Азии и Америки) / Восточная Европа (включая Турцию)
Novo Nordisk	100,8	Дания	Фармацевтическая	Европа (ЕС, ЕАСТ и Западные Балканы)
SAP	99,6	Германия	Информационные технологии	Европа, Ближний Восток и Африка (иногда без Германии и Франции)
Газпром	91,3	Россия	Нефтегазовая	Зарубежные страны / бывший Советский Союз без России
Statoil	90,0	Норвегия	Нефтегазовая	Евразия без Норвегии / Европа без Норвегии / мир без Норвегии, Швеции, Дании и США
BMW	81,2	Германия	Автомобильная	Европа без Германии / ЦВЕ
Allianz	77,5	Германия	Страховое дело	Прочая Европа без пяти ведущих стран Западной Европы и Швейцарии / ЦВЕ / растущие рынки (при выделении языковых ареалов в Западной Европе)
Deutsche Telekom	72,2	Германия	Мобильная связь	Европа без Германии / ЕС без Германии
Роснефть	70,7	Россия	Нефтегазовая	Страны дальнего зарубежья — Европа

Hennes & Mauritz	62,2	Швеция	Торговля	Европа / отдельная информация по Эстонии, Латвии и Литве
Nordea Bank	57,3	Швеция	Банковское дело	Страны Балтии
ING	54,4	Нидерланды	Страховое дело	Европа без Нидерландов и Бельгии (иногда также Германии)
Сбербанк	53,4	Россия	Банковское дело	ЦВЕ
AP Moller-Maersk	51,7	Дания	Транспорт и связь	Европа
Continental	48,2	Германия	Шинная	Европа (иногда без Германии, включая Турцию)
ЛУКойл	47,4	Россия	Нефтегазовая	Зарубежные страны / Балтия (отдельно от Европы и стран ближнего зарубежья)
Deutsche Bank	45,8	Германия	Банковское дело	Европа / Восточная Европа
Henkel	45,5	Германия	Химическая	Европа (включая Турцию) или растущие рынки / Восточная Европа
Deutsche Post	45,2	Германия	Транспорт и связь	Европа без Германии
Ericsson	43,8	Швеция	Электротехническая	Прочие (без Швеции и США) / Северная Европа и Центральная Азия (включая Россию, но Польша и Беларусь уже в Западной и Центральной Европе)
Asml Holding	41,4	Нидерланды	Электронная	Европа без Нидерландов
Heineken	40,1	Нидерланды	Пивоваренная	ЦВЕ
Munich Re	39,3	Германия	Страховое дело	Европа
E. On	39,0	Германия	Электроэнергетика	ЕС без Германии (иногда и без ряда других стран)
Linde	37,2	Германия	Химическая	Европа, Ближний Восток и Африка / Европа (включая Турцию) либо для газового сегмента Континентальная и Северная Европа (без Великобритании, но с Алжиром) — для Эстонии и Латвии, Ближний Восток и Восточная Европа — для Литвы
Atlas Copco	34,8	Швеция	Общее машиностроение	Европа
Volvo	33,9	Швеция	Автомобильная	Европа / Европа без Швеции и Франции
Telenor	33,6	Норвегия	Мобильная связь	Регион на границе Северной и Центральной Европы, дочерних структур нет
Reed Elsevier	33,5	Нидерланды	Издательское дело	Европа / Европа без Великобритании и Нидерландов

Компания	Капитализация, млрд дол.	Страна	Отрасль	Географический сегмент отчетности или неформальный регион, куда относят Балтию*
Philips Electronics	33,0	Нидерланды	Электронная	Растущие рынки
TeliaSonera	32,6	Швеция	Мобильная связь	Страны Балтии
Сургутнефтегаз	31,9	Россия	Нефтегазовая	Экспортные рынки
Svenska Handelsbanken	31,3	Швеция	Банковское дело	Прочая Европа (без Швеции, Норвегии, Финляндии, Дании, Великобритании и Нидерландов)
НОВАТЭК	30,3	Россия	Нефтегазовая	Европа без России
Swedbank	30,3	Швеция	Банковское дело	Домашние рынки (отдельно Швеция, Эстония, Латвия и Литва)
SEB	29,7	Швеция	Банковское дело	Страны Балтии (и отдельно по каждой из трех стран)
Sampo	29,0	Финляндия	Страховое дело	Страны Балтии (иногда отдельно по каждой стране)
DNB	28,3	Норвегия	Банковское дело	Европа без Норвегии / Восточная Европа / страны Балтии и Польша (иногда отдельно по каждой стране)
Danske Bank	28,2	Дания	Банковское дело	Страны даны отдельно, иногда страны Балтии отнесены к прочим
Nokia	27,8	Финляндия	Электронная	Европа
Investor	27,5	Швеция	Финансовые услуги	Выделяют только две страны — Швеция и Дания
ArcelorMittal	26,8	Нидерланды	Черная металлургия	Европа
Норильский никель	26,4	Россия	Цветная металлургия	Европа без СНГ
Beiersdorf	24,6	Германия	Химическая	Европа (включая Турцию)
RWE	24,5	Германия	Электроэнергетика	ЦВЕ

* У ряда ТНК в странах Балтии нет дочерних структур; если они даже не осуществляют туда поставки продукции, то географический сегмент нами определен по соседним странам. Если не указано иное, то сегменты «Европа» и «Восточная Европа» включают Россию.

Источники: корпоративная отчетность компаний; FT Europe 500 2014. URL: <http://im.ft-static.com/content/images/6fb64d7a-fded-11e3-bd0e-00144feab7de.xls>

Таблица 4

**Место стран Балтии в географических сегментах 10 ведущих компаний
других европейских стран по величине рыночной капитализации
(на 31 марта 2014 г.)**

Компания	Капитализация, млрд дол.	Страна	Отрасль	Географический сегмент отчетности или неформальный регион, куда относятся Балтию
Roche	258,5	Швейцария	Фармацевтическая	Европа / ЕС
Nestle	243,0	Швейцария	Пищевая	Европа / прочие страны
Shell	239,0	Великобритания	Нефтегазовая	Европа
Novartis	230,0	Швейцария	Фармацевтическая	Европа / остальной мир
HSBC	191,3	Великобритания	Банковское дело	Прочие страны
Anheuser-Busch InBev	168,6	Бельгия	Пивоваренная	ЦВЕ (с 2014 г. — Европа, включая Россию и Украину)
Total	156,0	Франция	Нефтегазовая	Европа и СНГ
BP	147,8	Великобритания	Нефтегазовая	Европа, кроме Великобритании
Sanofi	138,1	Франция	Фармацевтическая	Европа / Развивающиеся страны (то есть вне Западной Европы)
GlaxoSmithKline	128,9	Великобритания	Фармацевтическая	Европа / остальной мир

Источники: корпоративная отчетность компаний; FT Europe 500 2014. URL: <http://im.ft-static.com/content/images/6fb64d7a-fded-11e3-bd0e-00144feab7de.xls>

У некоторых фирм восточноевропейские субрегионы с участием Латвии, Литвы и Эстонии могут формировать самостоятельные географические сегменты. Например, сегмент «Страны Балтии» есть у шведских «Nordea Bank», «TeliaSonera» и SEB, российского нефтяного гиганта «ЛУКОЙЛ», финляндской фирмы «Sampro». Центральная и Восточная Европа выступает самостоятельным географическим сегментом для российского «Сбербанка», нидерландского «Heineken» и германского RWE.

Вместе с тем несколько компаний демонстрируют совсем нетипичное сегментирование. Так, «Газпром» относит страны Балтии не к Европе, а к бывшему Советскому Союзу, что обусловлено спецификой унаследованной с советского периода газотранспортной системы (несмотря на реформы ЕС в соответствии с Третьим энергетическим пакетом, которые уже затронули бизнес «Газпрома» в Литве и Эстонии). Шведский «Ericsson» относит страны Балтии к Северной Европе и Центральной Азии, а не к Центральной или Западной Европе. Это свя-

зано с расширенным восприятием рядом шведских компаний своего домашнего рынка. В предельном случае «Swedbank» относит Эстонию, Латвию и Литву, наряду со Швецией, к сегменту, который непосредственно называется «домашний рынок». Напротив, «Svenska Handelsbanken» относит страны Балтии к прочей Европе, поскольку из Скандинавии банк направил свою экспансию прежде всего в сторону Великобритании.

Нидерландский «Philips Electronics» относит страны Балтии к растущим рынкам. Подобный вариант, наряду с другими, есть и у германского «Henkel». Отнесение Эстонии, Латвии и Литвы к прочим или развивающимся странам более характерно для компаний из удаленных от Балтийского региона государств (табл. 4), при этом большинство ТНК все-таки признают европейский характер трех стран Балтии. Самые экзотические сегменты у германской газовой компании «Linde», которая не для всех своих направлений бизнеса выделяет Европу как целый регион: так, Эстония и Латвия вместе, например, с Алжиром могут относиться к Континентальной и Северной Европе, тогда как Литва оказывается на Ближнем Востоке и в Восточной Европе.

Таким образом, проведенное исследование показало различия в восприятии границ Европы и ее субрегионов европейскими инвесторами. Лишь отчасти они обусловлены национальной принадлежностью ТНК: шведские фирмы нередко склонны рассматривать страны Балтии как продолжение Северной Европы, а российские ТНК часто проводят водораздел между СНГ и ЕС, относя Эстонию, Латвию и Литву к тому или иному географическому сегменту довольно произвольно. Выявленное нами разное восприятие Европы отдельными ТНК, в том числе представителями разных отраслей, по-видимому, будет отражаться и на позициях европейских бизнесменов при решении проблем в отношениях между Россией и ЕС, что по мере развития «войны санкций» еще требует дальнейшего исследования.

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00097 «Оптимизация российских внешних инвестиционных связей в условиях ухудшения отношений с ЕС») в Институте мировой экономики и международных отношений РАН.

Список литературы

1. Boatsman J. R., Behn B. R., Patz D. H. A Test of the Use of Geographical Segment Disclosures // Journal of Accounting Research. 1993. Vol. 31, № 1. P. 46—64.
2. Gray S. J., Radebaugh L. H. International Segment Disclosures by U. S. and U. K. Multinational Enterprises: A Descriptive Study // Journal of Accounting Research. 1984. Vol. 22, № 1 (Spring). P. 351—360.
3. Hofstede G. Culture and Organizations // International Studies of Management and Organization. 1980/81. Vol. 10, № 4 (Winter). P. 15—41.
4. Hofstede G. Motivation, Leadership, and Organization: Do American Theories Apply Abroad? // Organizational Dynamics. 1980. Summer. P. 42—63.

5. *Johanson J., Vahlne J.-E.* The Internationalization Process of the Firm — A Model of Knowledge Development and Increasing Foreign Market Commitments // *Journal of International Business Studies*. 1977. Vol. 8, №1 (Spring-Summer). P. 23—32.

6. *Klaus E.* Europe's Borders: The Narrative Construction of the Boundaries of Europe // *European Journal of Social Theory*. 2006. Vol. 9, №2. P. 255—271.

7. *Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы* / под общ. ред. А. А. Громыко и В. П. Федорова. М., 2014.

8. *Кузнецов А. В.* Корпоративная карта мира // *Глобальная перестройка* / под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М., 2014. С. 53—70.

9. *Кузнецов А. В.* Трансграничная корпоративная интеграция в Балтийском регионе // *Балтийский регион*. 2012. №1. С. 17—26.

10. *Кузнецов А. В.* Мировоззественные связи германских компаний. М., 2004.

11. *Юданов Ю. И.* Особенности швейцарской предпринимательской модели // *Современная Европа*. 2003. №1. С. 60—69.

Об авторе

Алексей Владимирович Кузнецов, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора, руководитель Центра европейских исследований, Институт мировой экономики международных отношений РАН, Россия.

E-mail: kuznetsov@imemo.ru

THE BALTICS IN THE GEOGRAPHY OF THE LARGEST TRANSNATIONAL CORPORATIONS OF EUROPE

A. Kuznetsov *

** Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences.
23 Profsoyuznaya ul., Moscow, 117997 Russia*

Submitted on November 15, 2014

The aim of this study is to examine the place of the Baltic States on the corporate world map, a contemporary, foreign-investment-driven alternative to the more familiar political map. To this end, the author studies the geographical place of the Baltics in the documentation of transnational corporations. The research database consists of financial reports and presentations of 60 leading European (including Russian) transnational corporations. Special attention is paid to companies from countries with significant FDI stock in the Baltic States. This study is a first step towards analyzing international investors' interpretation of the new European borders. The connection between the neighborhood effect on FDI distribution and geographi-

cal segmentation in the corporate paperwork is established. Some companies use a multilevel division (e. g. Europe/Eastern Europe), where the Baltics is usually associated with “Europe” (with or without Russia and Turkey). However, in some cases the Baltic States are clustered under “home market” (as is the case with some Swedish companies), “former Soviet Union” (some Russian companies), “Northern Europe and Central Asia,” and even “Middle East and Eastern Europe.” Varying understanding of where exactly the borders of Europe lie could explain the plurality of attitudes of the European business establishment to the EU sanctions against Russia.

Key words: Baltic Sea States, transnational corporation, geographical segment, borders of Europe, foreign direct investment.

References

1. Boatsman, J.R., Behn, B.R., Patz, D.H. 1993, A Test of the Use of Geographical Segment Disclosures, *Journal of Accounting Research*, Vol. 31, no. 1, p. 46—64.
2. Gray, S.J., Radebaugh, L.H. 1984, International Segment Disclosures by U.S. and U.K. Multinational Enterprises: A Descriptive Study, *Journal of Accounting Research*, Vol. 22, no. 1, Spring, p. 351—360.
3. Hofstede, G. 1980/81, Culture and Organizations, *International Studies of Management and Organization*, Vol. 10, no. 4, Winter, p. 15—41.
4. Hofstede, G. 1980, Motivation, Leadership, and Organization: Do American Theories Apply Abroad? *Organizational Dynamics*, Summer, p. 42—63.
5. Johanson, J., Vahlne, J.-E. 1977, The Internationalization Process of the Firm — A Model of Knowledge Development and Increasing Foreign Market Commitments, *Journal of International Business Studies*, Vol. 8, no. 1, Spring-Summer, p. 23—32.
6. Klaus, E. 2006, Europe’s Borders: The Narrative Construction of the Boundaries of Europe, *European Journal of Social Theory*, Vol. 9, no. 2, p. 255—271.
7. Gromyko, A. A., Fedorov, V. P. (eds.), 2014, *Bol'shaja Evropa. Idei, real'nost', perspektivy* [Greater Europe. Ideas, Reality and Prospects], Moscow.
8. Kuznetsov, A. V. 2014, Korporativnaja karta mira [Corporate world map]. In: Dynkin, A. A., Ivanova, N. I. (eds.), *Global'naja perestrojka* [Global restructuring], Moscow, p. 53—70.
9. Kuznetsov, A. 2012, Transborder corporate integration in the Baltic Sea Region, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 11—18. DOI: 10.5922/2079-8555-2012-1-2.
10. Kuznetsov, A. V., 2004, *Mirohozjajstvennye svjazi germanskih kompanij* [International economic relations of German companies], Moscow.
11. Yudanov, Yu. I. 2003, Osobennosti shvejcarskoj predprinimatel'skoj modeli [Features Swiss business model], *Sovremennaja Evropa* [Modern Europe], no. 1, p. 60—69.

About the authors

Prof Alexey Kuznetsov, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (Econ.), deputy director of the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), head of the Center for European Studies of the IMEMO, Moscow

E-mail: kuznetsov@imemo.ru

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ
СРЕДА
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
ОЦЕНКА ВЕДУЩИМИ
ФИНСКИМИ
КОМПАНИЯМИ**

К. Лиухто*

В Беларуси наблюдается значительный приток иностранных инвестиций. В период с начала 2000 до конца 2012 г. общий объем иностранных инвестиций вырос в 10 раз и составил более 14 млрд долларов. Центральный банк Республики Беларусь оценивает инвестиции финских фирм почти в 100 млн долларов. Такой объем инвестиций ставит Финляндию на 16-е место в списке наиболее активных иностранных инвесторов в стране. Примерно 7 тыс. компаний с участием иностранного капитала были зарегистрированы в Беларуси к началу 2013 г., из них 30—40 иностранных фирм были основаны финскими компаниями.

Цель статьи — выявление мнения руководителей финских компаний, работающих в Беларуси, о бизнес-климате в стране. В сентябре-октябре 2013 г. автор провел серию тематических интервью с руководителями 10 финских корпораций. Автор использовал PEST-анализ для выявления оценки финскими бизнесменами бизнес-среды в Беларуси. Основные результаты эмпирического исследования могут быть обобщены словами одного из директоров финских компаний: «Беларусь — такой же рынок, как и любая другая страна в мире, за тем исключением, что иностранные фирмы не хотят афишировать свою деятельности в этой стране в связи с непривлекательным общественным имиджем Беларуси».

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции в Беларуси, предпринимательская среда в Беларуси, интернационализация финских предприятий

**1. Предпосылки
и цель исследования**

Существует очень небольшое количество обзоров предпринимательской среды в Республике Беларусь (РБ), которые в основном представ-

* Университет Турку
20500, Финляндия, Турку
ул. Рехторинпеллонкату, 3

Поступила в редакцию 19.10.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-1-3

© Лиухто К., 2015

ляют собой макроэкономические анализы, основанные на статистических данных [3; 6; 7; 23; 24], деловые путеводители по объектам торговли [9; 10; 15] или общие описания предпринимательской среды, не относящиеся к научным исследованиям, подкрепленным эмпирическими данными [8; 27; 28].

Мне удалось найти только одно исследование, представляющее интерес. Несмотря на то что оно не является научно-практическим по сути, это исследование дает представление о том, как западные (немецкие) компании весной 2013 г. воспринимали предпринимательскую среду в Беларуси [13].

В исследовании приняли участие около 50 предприятий Германии; были охарактеризованы три пункта как самые слабые в предпринимательской среде Беларуси: 1) предсказуемость экономической политики; 2) прозрачность тендеров и 3) качество финансовых услуг. Также произведена оценка наиболее сильных сторон: инфраструктура, профессионализм работников и платежная дисциплина.

Еще один анализ, заслуживающий внимания, — это отчет, опубликованный Всемирным банком [25]. В данном обзоре Беларусь занимает 58-е место среди 185 стран по такому критерию, как «легкость ведения бизнеса». Примечательно, что Польша в этом списке находится лишь на три пункта выше, чем Беларусь. По оценке Всемирного банка, РБ занимает третье место в мире среди стран, предпринимательская среда которых улучшилась с 2005 г. Причина такого впечатляющего развития — относительно низкая стартовая позиция (табл. 1).

Таблица 1

Оценка предпринимательской среды в Республике Беларусь

<i>Открытие бизнеса (рейтинг)* 9</i>	<i>Регистрация собственности (рейтинг) 3</i>	<i>Заграничная торговля (рейтинг) 151</i>
Процедуры (количество) 5	Процедуры (количество) 2	Оформление документов для экспорта (количество) 9
Время (дни) 5	Время (дни) 10	Время (дни), затраченное на экспорт 15
Затраты (% дохода на душу населения) 2,3	Затраты (% дохода на душу населения) 0,0	Затраты на экспорт (доллары США) 1,510
Минимальный капитал (% дохода на душу населения) 2,3	<i>Получение кредита (рейтинг) 104</i>	
<i>Доступность строительных площадей (рейтинг) 30</i>	Показатель соблюдения законодательства (0—10) 3	<i>Оформление документов для импорта (количество) 10</i>
Процедуры (количество) 12	Индекс глубины кредитной информации (0—6) 5	Время (дни), затраченное на импорт 30
Время (дни) 130	Охват реестра юридических лиц (% взрослого населения) 56,2	Затраты на импорт (доллары США) 2,315
Затраты (% дохода на душу населения) 24,8	Охват частных компаний (% взрослого населения) 0,0	Исполнительные договоры (рейтинг) 13

Выработка электроэнергии (рейтинг) 171	Защита инвесторов (рейтинг) 82	Процедуры (количество) 29
Процедуры (количество) 7	Показатель передачи сведений (0—10) 1	Время (дни) 275
Время (дни) 179	Показатель степени защищенности инвестора (0—10) 5,3	Затраты (% от удовлетворения жалоб) 23,4
Затраты (% дохода на душу населения) 838,8	Уплата налогов (рейтинг)** 129	Разрешение трудностей (рейтинг)** 56
	Платежи (количество в год) 10	Время (в годах) 3,0
	Время (часы в год) 338	Затраты (% от собственности) 22
	Общая налоговая ставка (% от прибыли) 60,7	Процент возврата при дефолте (центы к доллару) 43,0

* Реформы, усложняющие ведение бизнеса.

** Реформы, упрощающие ведение бизнеса.

Источник: [25].

Беларусь всегда привлекала довольно небольшой объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ). В конце 2013 г. этот показатель в РБ составил всего 17 млн долларов, что соответствует объему инвестиций в соседней Литве, население которой при этом в три раза меньше, чем Беларуси. Еще одна бывшая союзная республика, Азербайджан, практически равная по населению РБ, получила 14 млн долларов ПИИ — меньше, чем Беларусь. С другой стороны, Чехия, население которой несколько больше, чем в РБ, привлекла почти 140 млрд долларов ПИИ к концу 2013 г. [20].

Большая часть ПИИ поступает в Беларусь не из западных стран. Согласно данным Национального банка РБ (2014), более 60% общего объема ПИИ в стране осуществлены российскими компаниями. Кипр — второй крупный инвестор, при этом следует учитывать, что большая часть кипрских ПИИ в Беларусь либо российского, либо белорусского происхождения. Австрия является крупнейшим «подлинным» западным инвестором, доля ее инвестиций составляет 4% от общего объема ПИИ в РБ.

Финляндия занимает 16-ю строчку в списке инвесторов с объемом инвестиций около 90 млн долларов, что составляет около 1% от общего объема ПИИ Беларуси (табл. 2).

Таблица 2

20 крупнейших иностранных инвесторов в Беларусь к началу 2013 г.

Место	Страна	Общий объем инвестиций (млн долларов США)	Доля (%)
1	Россия	9037	62
2	Кипр	1638	11
3	Турция	527	4
4	Австрия	474	3
5	Нидерланды	355	2

Окончание табл. 2

Место	Страна	Общий объем инвестиций (млн долларов США)	Доля (%)
6	Германия	263	2
7	Соединенное Королевство	218	1
8	Иран	217	1
9	Италия	178	1
10	США	168	1
11	Эстония	135	1
12	Латвия	131	1
13	Литва	108	1
14	Китай	93	1
15	Ливан	92	1
16	Финляндия	86	1
17	Швейцария	85	1
18	Польша	68	0
19	Украина	61	0
20	Швеция	48	0

Источник: [11].

Большинство инвесторов привлекает собственно торговля, и более чем 1/3 общего объема инвестиций в Беларусь приходится именно на нее. Концентрация на торговле — это общая черта большинства стран, проходящих долгий период экономической трансформации. Когда инвестиционный климат в РБ станет более зрелым, объемы инвестиций в промышленность возрастут соответствующим образом, однако в настоящее время он составляет менее 1/4. Доля инвестиций в транспорт и коммуникации составляет 1/3, что неожиданно много. Возможно, данный факт объясняется крупными инвестициями со стороны российского газового гиганта «Газпром» в «Белтрансгаз» — компанию, осуществляющую поставку природного газа в Беларусь. «Газпром» имеет контрольный пакет «Белтрансгаз» (рис. 1).

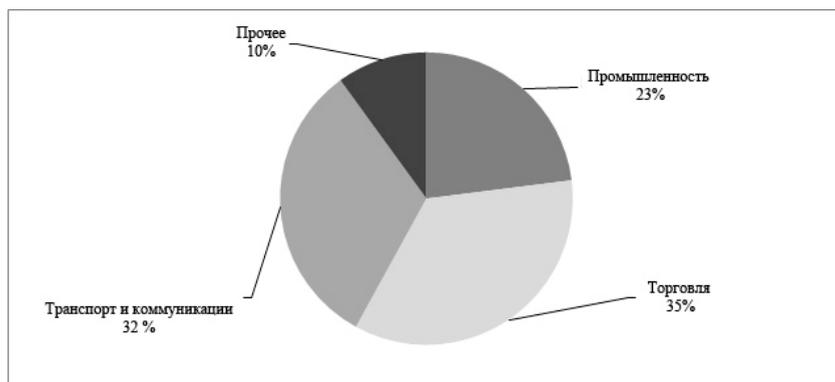

Рис. 1. Распределение иностранных инвестиций в РБ по секторам к концу 2013 г.

Источник: [17].

Три четверти иностранных инвестиций географически локализованы в столице Беларуси Минске, несмотря на то, что доля этого города в ВВП страны составляет лишь 1/4. Минская область имеет менее десятой части всех ПИИ. Остальные пять областей — Брестская, Гомельская, Гродненская, Могилевская и Витебская — вместе привлекают около 15% всего иностранного капитала в страну. То, что подавляющее большинство иностранных инвестиций приходится на столицу и прилегающую к ней область, может быть названо еще одним индикатором незрелого состояния инвестиционного климата в Беларуси. Такая чрезмерная концентрация инвестиций в столице характерна для всех стран, переживающих переходный период, на ранних этапах формирования ПИИ (рис. 2).

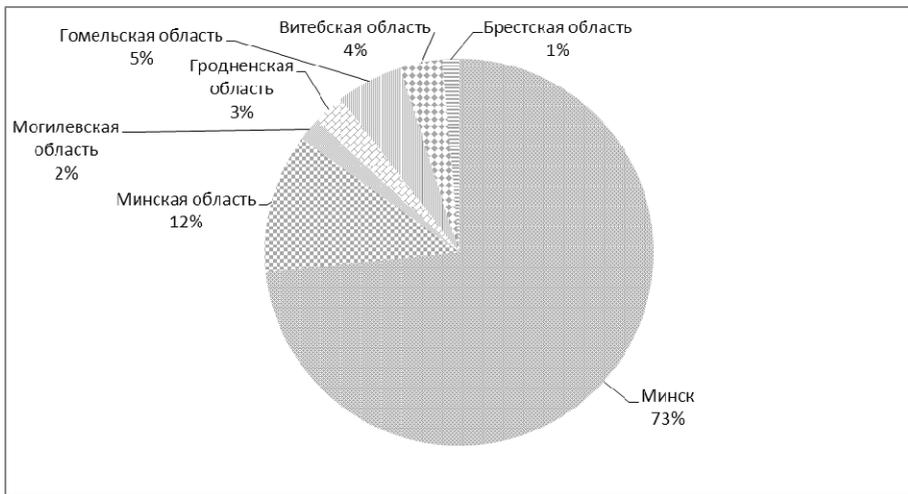

Рис. 2. Распределение иностранных инвестиций по областям РБ к концу 2012 г.

Источник: [16].

Поскольку поток западных ПИИ в Беларусь остается минимальным, то и число проводившихся исследований экономического взаимодействия западных компаний и предпринимательской среды в РБ незначительно.

Отметим, что политическая система Беларуси далека от европейских идеалов, а государство играет руководящую роль в экономике страны; тем не менее оценка, данная предпринимательской среде в РБ Всемирным банком, показывает, что она намного стабильнее, чем заставляют нас думать западные СМИ.

Именно это противоречие побудило меня к практическому исследованию с привлечением финских предприятий, поскольку иностранные предприниматели могут предоставить более объективные данные, чем иностранные журналисты, проводящие в стране, о которой они пишут, гораздо меньше времени.

Таким образом, главной целью данного исследования является характеристика отношения западных (финских) предприятий, ведущих свою деятельность на территории Республики Беларусь, к предпринимательской среде в этой стране.

2. Теоретические основы характеристики предпринимательской среды компании

Исследование, проведенное Асли и ван де Веном [1] — одно из наиболее цитируемых в области взаимоотношений среда — организация. Эти взаимоотношения ученые разделяют на детерминистически ориентированные и волюнтаристически ориентированные. Детерминистические сосредоточены не только на индивидуумах, но и на структурном своеобразии контекста, в котором разворачивается деятельность, а само индивидуальное поведение определяется и формируется в соответствии с рамками структуры.

При описании поведения индивидуума как волюнтаристически ориентированного индивидуума и организации характеризуются как автономные, инициативные и самоуправляемые агенты. Индивидуумы и организации выступают источниками изменений.

Учитывая такую ориентированность, а также макро- и микроуровневые подходы, Асли и ван де Вен разделяют существующие теории в соответствии с четырьмя основными подходами: 1) с точки зрения естественного отбора; 2) с точки зрения коллективной деятельности на макроуровне; 3) с точки зрения структурно-системного подхода и 4) с точки зрения стратегического выбора на микроуровне.

Многие ученые уже предпринимали попытки описать, охарактеризовать и структурировать предпринимательскую среду [1; 4; 5; 12; 21; 22]. Рамки моего исследования не позволяют сделать обзор всех этих работ, остановлюсь только на той, которая имеет прикладное отношение к цели данной статьи.

Ф. Черунилам пишет: «Термин "предпринимательская среда" обычно применяется в отношении тех внешних факторов, которые влияют на характер бизнеса. Однако иногда этот термин используется в более широком смысле для описания как внутренних, так и внешних факторов, которые влияют на принятие стратегических решений в бизнесе» [5, р. 1].

В данной статье внутренняя предпринимательская среда не является объектом внимания, главная цель здесь — описать общую предпринимательскую среду в Беларуси и то, как иностранные компании могут с ней сотрудничать.

Ф. Черунилам разделяет внешнюю предпринимательскую среду на макро- и микросреду. Микросреда, по его мнению, состоит из акторов ближайшей среды компании — поставщиков, посредников, конкурентов, клиентов и общественности.

Макросреду составляют более крупные общественные факторы, которые влияют на всех акторов микросреды компании, а именно политических, экономических, социокультурных, технологических, демографических и природных.

По мнению Ф. Черулинама, «экономические условия, экономическая политика и экономические системы — это важные внешние факторы, которые составляют экономическую среду бизнеса. <...> Политическая и правительственная среда... является важным фактором среды, который необходимо учитывать при формировании бизнес-стратегий. Игнорирование обычаев, традиций, запретов, вкусов и предпочтений общества может стоить слишком дорого. <...> Для бизнеса важны технологии, уровень их развития, скорость развития и внедрения технологий, политика в области развития технологий и т. д. Не менее важной является и технологическая среда применения и использования средств и площадей» [5, р. 8—26].

Некоторые исследователи фокусируют свое внимание на международной предпринимательской среде [14] и на ее культурном аспекте [18]. Другие изучают влияние предпринимательской среды на экономическое развитие страны [26], однако в своей статье мы не будем анализировать их работы, поскольку их исследования не подкрепляются репрезентативными данными.

Настоящее исследование характеризует предпринимательскую среду в Беларуси с точки зрения волонтаристического подхода на микроуровне с учетом ограничений, вызванных преобладанием роли системы над ролью компании. Кроме того, данный анализ сконцентрирован на внешней предпринимательской среде в РБ, а точнее на ее макроуровне, поскольку задачей данного исследования стал анализ не конкретной работы внешней бизнес-сети компаний, а общей макросреды в Беларуси, влияющей на все компании, ведущие свою деятельность в этой стране.

Далее уточним методы получения эмпирических данных для данного исследования.

3. Ход исследования

Перед началом практического исследования был проведен тщательный статистический «кабинетный» анализ иностранных фирм, работающих в РБ. Оказалось, что к началу 2013 г. в Беларуси было зарегистрировано около 7 тыс. компаний с иностранным капиталом (Национальный статистический комитет Республики Беларусь). Чтобы получить более точную картину о действующих на территории РБ финских компаниях, мы опросили двух экспертов из Финляндии, которые имеют большой опыт работы в Беларуси. Один из них был главой отдела связи при Министерстве иностранных дел Финляндии в Минске, а другой — председателем правления Финско-Белорусской торговой палаты. Упомянутые интервью проводились в конце августа и в начале сентября 2013 г.

В результате данного предварительного анализа выяснилось, что финские компании учредили порядка 30—40 дочерних компаний в Беларуси. Первые финские фирмы появились в РБ уже в 1990 г., но основная их масса начала работу в стране в 2006 г. Тенденция расширения их

влияния продолжалась до 2008 г., однако глобальный экономический кризис снизил темпы интернационализации финских компаний в Беларуси. Тем не менее в начале нынешнего десятилетия интернационализация вновь набирает обороты.

Несмотря на то что в РБ зарегистрировано около 30—40 финских компаний, настоящий анализ показал, что в действительности только одна пивоваренная компания «Олви» основала в стране значимое производство.

Следует отметить, что мелкие компании также заинтересовались возможностями бизнеса в Беларуси. Заслуживает внимания и деятельность нескольких финских фирм, работающих в области промышленных химикатов, а также некоторых семейных предприятий, открывших дочерние компании в Республике Беларусь.

В целях исследования были опрошены руководители 10 крупных финских компаний, работающих на территории РБ. Краткое их описание приводится в таблице 3 (расположение компаний в таблице соответствует хронологии открытия их дочерних подразделений в Беларуси).

Таблица 3

Краткая характеристика компаний

Название	Характеристика
<i>Bang & Bonsomer</i>	Компания <i>Bang & Bonsomer</i> принадлежит семье Гертелл, продает промышленные химикаты. Компания открыла свой офис продаж в Беларуси в середине 1990-х гг. Компания арендует склад в РБ, 15 из 200 сотрудников <i>Bang & Bonsomer Group</i> работают в РБ
Schetelig	В 2006 г. компания открыла дочернее предприятие <i>ChUP Schetelig Bel</i> в Беларуси. Кроме торговли семенами, растениями и садовыми инструментами компания также строит теплицы, отопительные системы, системы холодного хранения и ирригации. На дочернем предприятии <i>Schetelig</i> в РБ трудится около 40 человек
<i>Rautakesko</i> (часть Kesko Group)	В 2007 г. <i>Rautakesko</i> стала первой крупной компанией, которая вошла на белорусский рынок, ее дочерняя компания <i>Senukai</i> в Литве приобрела компанию <i>UAB Romas Holdings</i> , которая владела магазинами ОМА, торгующими стройматериалами в РБ. В середине 2013 г. в Беларуси работало около 10 магазинов. В первой половине 2013 г. сумма чистых продаж составила 50 млн евро, на 30% больше, чем в предыдущем году
Юридическая фирма <i>Sorainen</i>	В начале 2008 г. юридическая фирма <i>Sorainen</i> открыла офис в Минске. Как сказано на сайте компании, «офис начал работать с нуля и стал первой юридической фирмой, вышедшей на белорусский рынок». На сегодняшний день в белорусском офисе работает около 30 сотрудников

Окончание табл. 3

Название	Характеристика
<i>Olvi</i>	В конце 2008 г. <i>Olvi</i> приобрела 51% акций белорусской компании «Лидское пиво» за 16 млн долларов и в последствии увеличила свою долю акций до 90%. Компания производит пиво и безалкогольные напитки. На предприятии трудятся около 800 рабочих. С января по июнь 2013 г. объем чистых продаж составил около 35 млн евро, что на 30% выше показателей предыдущего года. Компания производит около 50 млн литров напитков, 15% которых уходит на экспорт. Основные рынки экспорта — Россия, Украина, Литва
<i>Tikkurila</i>	<i>Tikkurila</i> продает на экспорт в Беларусь краски и промышленные покрытия с начала 2000 г. В августе 2008 г. компания открыла офис продаж в Минске и склад в РБ. На предприятии в Беларуси работают около 20—30 сотрудников
<i>Kiilto</i>	<i>Kiilto</i> — семейное предприятие, производящее химические продукты. <i>Kiilto</i> производит адгезивы и сопутствующие продукты. В 2009 г. компания основала офис продаж <i>Kiilto Klei</i> в Беларуси. На предприятии в РБ работает лишь несколько сотрудников; компания также имеет склад на территории Беларуси
<i>Nokian Tyres</i>	Компания уже поставляла товары в РБ на протяжении нескольких лет, прежде чем в 2010 г. открыла представительство в этой стране. В представительстве работают несколько человек; кроме того, у компании имеется около 10 торговых точек <i>Vianor</i> , работающих в РБ по франшизе
<i>Peikko BelRus</i>	<i>Peikko Group</i> — семейный бизнес, специализирующийся на продаже стройматериалов. С 2009 г. компания экспортирует товары в Беларусь. В 2011 г. компания открыла офис продаж в этой стране и планирует основать здесь промышленное производство в будущем
<i>Lindström</i>	Компания открыла дочернее предприятие в Беларуси в 2012 г., начав с продажи спецодежды. На момент интервью в компании работали менее 10 сотрудников

Десять опрошенных компаний представляют 90% всех финских ПИИ в Беларуси, и некоторые имеют довольно долгий опыт работы в стране. Например, *Bang & Bonsomer* — старейшая финская фирма, работающая на территории Беларуси.

Интервью с названными компаниями дало значительную репрезентативную базу для исследования работы финских фирм в Беларуси. Однако следует учитывать, что мнения представителей финских компаний не всегда совпадают с мнениями представителей других западных фирм, ведущих свою деятельность в РБ. С другой стороны, то, что

взгляды финских предпринимателей практически совпадают со взглядами руководителей немецких предприятий, работающих в Беларуси, вызывает оптимизм [13].

Необходимо также понимать, что предпринимательская среда в РБ постоянно меняется, а соответственно, изменяются и отношения к ней. Так, украинский кризис мог изменить мнение директоров иностранных предприятий о политической и экономической стабильности в Беларуси. То есть следует еще раз подчеркнуть, что упомянутые интервью проводились в сентябре-октябре 2013 г.

В ходе интервью использовался заранее разработанный план, который был разослан респондентам до начала интервью, чтобы они могли заранее подготовиться к ответам.

План интервью представлен в приложении.

В интервью приняли участие в основном руководители предприятий, управляющие директора и старшие менеджеры, т.е. ответы респондентов отражают официальную позицию компаний (табл. 4).

Таблица 4

**Должности интервьюируемых, названия компаний
и даты проведения интервью**

Должность	Название компании	Дата интервью
Генеральный директор	<i>Peikko Group</i>	13.09.2013
Генеральный директор	<i>Olvi</i>	23.09.2013
Директор проекта	<i>Rautakesko</i>	08.10.2013
Управляющий директор	<i>Kiilto</i>	10.10.2013
Генеральный директор	<i>Bang & Bonsomer</i>	10.10.2013
Генеральный директор	<i>Schetelig Group</i>	15.10.2013
Генеральный директор	<i>Nokian Tyres</i>	16.10.2013
Старший партнер	Юридическая фирма <i>Sorainen</i>	16.10.2013
Управляющий директор	<i>Tikkurila Belarus and Ukraine</i>	17.10.2013
Старший вице-президент — европейские и азиатские дочерние компании	<i>Lindström</i>	22.10.2013

Можно предположить, что официальная позиция содержит скрытый подтекст, поскольку некоторые респонденты неохотно выражали свое мнение относительно политической обстановки в Беларуси, боялись критически высказываться в отношении руководства этой страны, чтобы их мнение не повлияло на деятельность их компании в РБ.

Чтобы не создавать сложности в работе опрошенных компаний, результаты исследований приводятся таким образом, что ответы респондентов остаются анонимными.

Поскольку цель данной статьи — описание предпринимательской среды в Беларуси, а не теоретический вклад, то в исследовании применялся парадигматический метод — PEST-анализ (см. прил.).

PEST-анализ помогает описать факторы макросреды организации. Анализ политической среды (P) направлен на выявление степени вмешательства правительства в экономику. Анализ экономической среды (E) описывает темпы экономического роста, процентные ставки и курсы валют, что наряду с другими экономическими факторами влияет на развитие предприятия на изучаемом рынке. Исследования социокультурной среды (S) описывают социальные тенденции в экономике, а характеристика технологической среды (T) анализирует факторы, имеющие ключевое значение для технологического развития рынка, такие как исследования и разработки, инновации и технологические изменения. Некоторые ученые дополняют PEST-анализ исследованиями законодательных, экологических, демографических и управленческих факторов. В настоящем исследовании законодательные и управленческие элементы были проанализированы в составе факторов политической среды, а демографические — как часть факторов социокультурной среды. Экологические факторы в данном исследовании не учитывались.

Кроме PEST-анализа был также проведен SWOT-анализ указанных компаний. Кроме того, респонденты отвечали на вопрос о предполагаемом развитии их компании в Беларуси, а также были собраны рекомендации и советы респондентов правительству Республики Беларусь и предпринимательскому сообществу Финляндии.

4. Краткое описание результатов практического исследования

4.1. Политическая среда (P)

Ответы директоров финских компаний указывают на негативные моменты в имидже белорусской политической системы, что является причиной неактивного извещения остальных зарубежных компаний о своей деятельности в Беларуси, чтобы избежать ослабления своей репутации на Западе.

При этом в целом представители финских компаний считают политическую среду в Беларуси стабильной благодаря авторитарному правлению в этой стране, но они одновременно признают, что сильно централизованная власть может привести к непредсказуемому развитию ситуации, в том числе и потому, что законодательство может быстро меняться без соответствующих общественных обсуждений.

Некоторые из опрошенных не исключают даже серьезных политических изменений. Один руководитель компании предположил, что сами по себе политические изменения и даже возможные социальные движения, которые они породят, не представляют большого риска, но они могут повлечь ослабление экономики, например сокращение частного потребления.

Руководители финских компаний полагают, что Беларусь еще не создала образ страны, благоприятной для иностранных инвестиций, однако правительство РБ постоянно работает над улучшением своего имиджа на Западе. Некоторые респонденты отметили, что отношение

верховой власти к иностранным компаниям гораздо более благоприятное, чем отношение чиновников и местных фирм. Разница может объясняться тем, что иностранные компании воспринимаются руководством страны как источник реформ, а местным бизнесом — как возможные конкуренты.

Некоторые руководители финских фирм отметили, что местное деловое сообщество иногда прибегает к влиянию чиновников, чтобы замедлить развитие иностранных компаний на территории страны.

Другие высказали опасение о том, что чрезмерная зависимость Беларуси от России, в частности в области поставок энергии, может дестабилизировать экономику РБ, т.е. отношения между Беларусью и Россией могут представлять риск для деятельности иностранных компаний в РБ. Данная позиция справедлива и для взаимоотношений Беларуси и ЕС.

Финские предприниматели считают, что законодательная система РБ прозрачна, однако законы быстро меняются и иногда совершенно неожиданно. При этом почти все респонденты разделяют мнение о том, что руководство страны работает более эффективно, надежно и предсказуемо, чем администрации соседних восточноевропейских стран.

Большинство опрошенных полагают, что чиновники в Беларуси не поддерживают местные фирмы или российские корпорации; напротив, современная политика правительства РБ скорее благоволит западным компаниям, поскольку руководство страны стремится ограничить растущее влияние российских корпораций на белорусском рынке.

В то же время некоторые финские компании отмечают, что Таможенный союз укрепил конкурентную позицию российских компаний. Некоторым финским фирмам оказалось крайне трудно поставлять товары государственным предприятиям, которые все больше отдают предпочтение товарам, произведенным в стране по заказу правительства Беларуси.

Руководители финских компаний отметили, что некоторые импортные пошлины оказались намного выше, чем предусмотрено рамками Таможенного союза. Кроме того, они замечают, что таможня работает оперативно, однако задержки — не исключение.

Отдельные финские фирмы вынуждены были тратить большое количество времени на белорусских границах, и логично, что многие из них стремятся стать частью такой системы, которая позволит им декларировать товары у себя на складах. Прохождение таможи на собственном складе, являясь желательной практикой, требует, разумеется, надежной репутации самой компании.

Одни из респондентов считают Беларусь идеальной базой для создания хаба внутри Таможенного союза, поскольку логистическое географическое расположение РБ между Западной Европой и Москвой очень выгодно. Другие полагают, что Таможенный союз открывает финским компаниям дополнительные возможности для бизнеса. Например, он уже помог финским компаниям привлечь новых клиентов из Казахстана.

С другой стороны, Таможенный союз, по мнению некоторых предпринимателей, на бумаге функционирует гораздо лучше, чем на практике: процедура сертификации, в частности, осуществляется с затруднениями.

При этом ни одна из финских компаний в Беларуси не сталкивалась с нарушениями прав собственности, как это иногда происходит в странах Восточной Европы, граничащих с РБ. Также никто из респондентов не сталкивался с открытыми ограничительными мерами, направленными против них, но некоторые компании встретились с непрямыми ограничениями, поскольку на некоторые государственные белорусские корпорации были наложены экономические санкции со стороны США, а европейские банки не обслуживают финансовые операции таких компаний. Ввиду того, что такие белорусские компании являются клиентами финских фирм, бизнес-сообщество Финляндии попало под не прямое воздействие санкций США, направленных против РБ.

4.2. Экономическая среда

Ответы респондентов показывают, что белорусский рынок считается оптимальным для финских компаний, поскольку благодаря небольшим объемам его легче контролировать, а крупные привилегированные конкуренты на нем отсутствуют. При этом для ряда финских компаний Россия и страны Прибалтики стали трамплином к белорусскому рынку.

В целом конкуренция в Беларуси оценивается как нормальная и даже как гораздо менее жесткая по сравнению с другими постсоветскими странами, которые приложили большие усилия при приватизации и привлечении иностранных фирм.

Таким образом, финские компании положительно оценивают возможности роста в Беларуси.

Покупательская способность среднего класса, по прогнозам, должна укрепиться, несмотря на то, что в целом в результате кризиса 2011 г. в Беларуси она снизилась.

Финские фирмы инвестируют в РБ собственные доходы либо финансовые поступления от компании-учредителя. Белорусские банки редко выступают источником финансирования из-за своих высоких процентных ставок и непрозрачности владельцев. Некоторые финские фирмы проводили финансовые операции в целях инвестирования через международные финансовые организации.

Курс белорусского рубля, по мнению респондентов, представляет постоянный риск. Они подчеркнули необходимость всегда быть в режиме готовности из-за нестабильности курса белорусского рубля. Некоторые компании проводят сделки в евро (твердой валюте) во избежание подобного риска. Другие не предпринимают никаких действий по предупреждению риска девальвации белорусского рубля, при этом двое руководителей финских компаний высказали предположение о том, что Беларусь в скором времени перейдет на российские рубли.

В целом, по мнению руководителей финских компаний, платежная система в РБ хорошо отлажена, а платежная дисциплина очень высока. Платежи в Беларусь поступают вовремя (к примеру, Россия в этом отношении считается менее надежным партнером). С другой стороны, многие предсказывают ослабление платежной дисциплины в РБ в результате усиления конкуренции: белорусские клиенты получают возможность требовать более длительных сроков платежей благодаря растущему числу поставщиков.

Респонденты отмечают, что переводение прибыли из Беларуси в Финляндию происходит в рабочем режиме, однако платежи из РБ в другие страны иногда проходят с затруднениями, что сокращает объемы иностранной торговли. Кроме того, компании вынуждены проводить часть (30%) их экспортной прибыли через белорусские банки, что замедляет развитие бизнеса в целом.

Данные анализа показали, что налоговая ставка в Беларуси не вызывает осложнений в работе финских компаний, несмотря на то, что процедура подачи налоговых деклараций в этой стране весьма длительная. Злоупотребления полномочиями при налоговых проверках респондентами не отмечались.

Транспортная система в РБ также не называлась в ряду проблем финскими предпринимателями, хотя логистическая система здесь гораздо менее разработана, чем на Западе. Товары перемещаются по белорусским дорогам гораздо медленнее, чем в Северных странах, но при этом сеть дорог в Беларуси развита гораздо больше, чем в соседних странах Восточной Европы. Особенной популярностью у финских компаний пользуются небольшие частные транспортные компании с более гибкими услугами, а не крупные государственные предприятия.

Большинство респондентов отметили, что сети розничной торговли в Беларуси отстают в развитии от западных стран: здесь в масштабах всей страны функционирует лишь несколько розничных сетей. Неожиданно высока роль небольших магазинов и рыночных торговых площадей, что расценивается респондентами как явный показатель неразвитости розничной сети.

В крупных белорусских городах и Минске не возникает затруднений с поиском офисных помещений, однако найти соответствующие площади для открытия производства сложнее. Финские предприниматели предпочитают новые, ранее не использовавшиеся площадки для открытия производства, поскольку предприятия и фабрики, оставшиеся после советских времен, и их оборудование сильно устарели, а замена оборудования и реконструкция зданий окажутся весьма затратными. Выбор складских помещений весьма ограничен, и цена на них велика.

Некоторые респонденты подчеркнули тот факт, что в последние несколько лет увеличилась доля субподрядов, а система аутсорсинга значительно расширилась. Положительной оценки заслужил опыт обращения в белорусские суды, поскольку большинство финских компаний выигрывали дела.

4.3. Социокультурная среда (S)

Опыт финских компаний показывает, что поиск персонала занимает много времени, однако в этом случае помогает хорошая репутация иностранной фирмы. Несмотря на то что в Беларуси функционируют рекрутинговые агентства, руководство дочерних финских компаний вынуждено задействовать личные связи при поиске персонала.

Респонденты отмечают, что технологические знания и умения белорусских работников очень высоки, но большинству не хватает управленческих навыков. Существует явный дефицит управленцев с опытом работы в иностранных фирмах и владеющих иностранными языками (за исключением русского).

Обычно финские компании проводят собственные курсы повышения квалификации, однако некоторые задействуют для этих целей местные университеты.

Результаты исследования показывают, что в Беларуси текучесть кадров выше, чем в Финляндии, но данный факт не представляет проблему; обязательства местных работников перед иностранными компаниями соблюдаются очень хорошо, особенно за пределами Минска, поскольку рабочие места здесь ограничены.

Респонденты указывают на то, что разрыв в размере зарплат простых рабочих и директоров компаний в Беларуси гораздо выше, чем в Северных странах. Уровень зарплат местных руководителей может иногда быть таким же, как у финских руководителей, в то время как зарплаты простых рабочих остаются низкими. Финские компании обычно платят несколько более высокие зарплаты, чем их местные конкуренты. Некоторые финские предприниматели считают, что уровень заработной платы растет быстрее, чем производительность, и это снижает будущие доходы компании.

Никто из респондентов не сообщил об использовании теневых схем в выплате зарплат. Платежные документы обычно проверяются несколько раз в течение года из-за девальвации белорусского рубля. Респонденты не имели претензий к работе профсоюзов, однако отмечали случаи применения устаревшего законодательства на местах. Кроме того, профсоюзы накладывают больше ограничений на работу компании в Финляндии, чем в Беларуси: например, увольнение в случае невыполнения трудовых обязанностей в РБ происходит проще.

Большинство респондентов отметили, что общее отношение к Финляндии, финским компаниям и товарам в Беларуси весьма благоприятное. С другой стороны, финские компании не получают никакого конкурентного преимущества на рынке от того, что они являются именно финскими. Единственное преимущество, которое они имеют, — то, что Финляндию считают надежным партнером, а финские продукты высококачественными.

Некоторые финские руководители предприятий высказали мысль о том, что дела у литовских и немецких компаний в Беларуси обстоят лучше, поскольку политические отношения между этими странами более тесные.

Представители финских фирм не считают, что коррупция представляет проблему при ведении бизнеса, хотя они признают, что она существует в стратегически важных секторах экономики и при публичных тендерах¹. Криминальные отношения также не мешали ведению бизнеса в Беларуси, хотя серый импорт в некоторых областях нарушает здоровую конкуренцию.

Некоторые финские компании создали эффективную систему минимизации потерь, используя стандартизированные методы внутреннего контроля и демонстрируя, таким образом, что обычные для Запада методы контроля подходят и для Беларуси.

4.4. Технологическая среда (Т)

Поскольку из всех опрошенных компаний только одна основала в Беларуси значительное промышленное производство, можно констатировать, что у финских фирм нет существенного опыта работы в технологической среде в РБ, а значит, следует с оговорками воспринимать отношение руководителей финских предприятий к ее технологической среде.

В целом интервью подводит следующий итог оценки технологической среды в Беларуси. Основой создания финских дочерних предприятий в этой стране является трансфер финских технологий. Активно импортируется система ИКТ, однако белорусские и российские системы также присутствуют; работа интернет-сетей нареканий не вызвала.

Технологические изобретения и инновации, получающие всемирное признание, Беларусь производит редко и в целом не имеет имиджа высокотехнологичной страны, поэтому многие финские компании отказались от научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в РБ. Таможенные сборы на импорт технологий нареканий не вызвали.

Директора некоторых финских предприятий считают, что белорусская предпринимательская среда развита недостаточно и поэтому не может задействовать все современные технологии западных компаний. Тем не менее некоторые финские предприятия применяют стратегию постепенного импорта современных западных технологий управления в РБ.

Те финские компании, которые сотрудничают в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ с белорусскими клиентами, считают, что такое сотрудничество укрепило деловые взаимоотношения и дало им дополнительное преимущество.

Краткое описание эмпирических данных приведено в таблице 5.

¹ Несмотря на то что директора финских компаний не сталкивались в РБ со случаями коррупции, «Трансперенси Интернешнл» (2013) ставит Беларусь на 123-е место из 176 в рейтинге самых коррумпированных стран. Даже если ответ респондентов был искренним, такое противоречие, возможно, объясняется тем, что коррупция в РБ сосредоточена в высших кругах общества и бизнеса.

Краткие итоги практического исследования

<p>Политическая среда (P)</p> <ul style="list-style-type: none"> * Централизованная власть и авторитарный политический режим создают стабильность, но смена лидера может привести к дестабилизации. * Законодательная система Беларуси прозрачна, однако законы быстро меняются, и иногда совершенно неожиданно. * Администрация работает надлежащим образом, однако медленнее, чем на Западе. * Были обнаружены недостатки в проведении приватизации и публичных тендеров. * Соблюдение прав собственности не вызывает замечаний. * Финские компании не сталкивались с нарушениями прав нематериальной собственности. * Стратегическая выгода Таможенного союза очевидна, но его работа требует совершенствования. * Политические разногласия между ЕС и Россией могут создать дополнительные проблемы в работе финских компаний в Беларуси 	<p>Экономическая среда (E)</p> <ul style="list-style-type: none"> * Прибалтика и Россия являются трамплином перед рынком Беларуси. * Возможности роста в РБ высокие, несмотря на то, что покупательная способность среднего класса снизилась после финансового кризиса 2011 г. * Беларусь представляется нормальной предпринимательской средой. * Поиски офисных площадей не вызывают затруднений, однако найти промышленные площади сложнее. * Белорусские банки редко выступают источниками финансирования. * Перевод прибыли в Финляндию не представляет проблем, но предварительные платежи за границу не всегда проходят должным образом. * Обязательная продажа части экспортной прибыли является особенностью белорусской экономической среды. * Риск девальвации белорусского рубля очевиден, особенно в условиях скрытой «долларизации» страны. * Субподряды и аутсорсинг распространены. * Достоверная информация о рынке ограничена
<p>Социокультурная среда (S)</p> <ul style="list-style-type: none"> * Набор персонала не представляет сложностей. * Технологические навыки местных сотрудников высокие, но их навыки работы в международных компаниях требуют совершенствования. * Текучка кадров в Беларуси выше, чем на Западе, но это не представляет проблему для финских компаний. * Разница между зарплатами руководителей и простых рабочих очень велика. * Работа профсоюзов не представляет проблемы, напротив, финские профсоюзы препятствуют прогрессу в большей степени. * Имидж Финляндии сугубо положительный, финские товары считаются качественными, а финские партнеры — надежными 	<p>Технологическая среда (T)</p> <ul style="list-style-type: none"> * Трансфер технологий из Финляндии в Беларусь является основой технологической базы дочерних предприятий в РБ. * Системы ИТ зачастую импортируются из Финляндии, однако используются также российские и белорусские ИТ-системы. * Создание передовых технологий в Беларуси происходит редко. * Белоруссия не имеет имиджа высокотехнологичной страны, поэтому многие финские компании отказались от научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в этой стране. * Таможенные сборы на импорт технологий нареканий не вызвали. * Те финские компании, которые ведут сотрудничество в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ с белорусскими клиентами, считают, что такое сотрудничество укрепило их деловые взаимоотношения и дало им дополнительное преимущество

Заключение

Объем западных инвестиций в Беларусь невелик, что объясняет отсутствие практических исследований со стороны западных ученых того, как западные компании адаптируются в предпринимательской среде в РБ. Тем не менее стоит отметить одно значимое исследование [13], в котором 50 руководителей немецких предприятий, осуществляющих свою деятельность в Беларуси, оценивают предпринимательскую среду в этой стране. Практические данные этого исследования в целом совпадают с выводами, сделанными в настоящей статье.

В данном исследовании для оценки бизнес-среды в Беларуси был применен PEST-анализ, с помощью которого получены данные от 10 ведущих финских предприятий, работающих на территории РБ. При ответе на вопрос о политической среде (Р) руководители финских компаний были довольно осторожны в своих высказываниях, поскольку в условиях авторитарного режима политические лидеры могут сильно осложнить работу их компании в этой стране. Поэтому при оценке взглядов финских предпринимателей данный факт необходимо принимать во внимание. В целом руководители финских компаний оценивают законодательную среду в Беларуси и работу администрации положительно, однако указывают на некоторые недостатки в сфере приватизации и публичных тендеров. Также положительно финские предприниматели оценили соблюдение прав собственности в РБ и не отметили ни одного случая нарушения прав нематериальной собственности. С другой стороны, они считают, что белорусская экономика слишком зависит от экономики России (энергетика), и это может осложнить управление страной на макроэкономическом уровне и создать нестабильность на белорусском рынке. В интервью финские предприниматели отмечали, что Таможенный союз приносит очевидную стратегическую пользу, однако его функционирование все еще требует доработок.

Политические разногласия между ЕС и Россией могут косвенным образом негативно сказаться на Беларуси. В целом, по их мнению, создается ощущение, что в РБ нынешняя политическая стабильность может внезапно обернуться социальной дестабилизацией.

Директора финских компаний оценивают экономическую среду в Беларуси (Е) как нормальную, поскольку они не сталкивались с осложнениями в таких сферах, как конкуренция, налогообложение, платежные системы, транспорт и законодательство. Возможно, нестандартной ситуацией для предпринимателей из ЕС является принудительная продажа части экспортной выручки и скрытая «долларизация» экономики. Такая ситуация заставляет задуматься о возможном риске падения курса белорусского рубля, однако в целом экономика РБ воспринимается финскими предпринимателями как более нормальная, чем ее представляют на Западе. Как отметил один финский руководитель, «белорусский рынок похож на все остальные рынки мира, с тем исключением, что иностранные компании не хотят афишировать подробности своей деятельности в этой стране из-за того, что ее имидж в мире не совсем положительный».

Что касается социокультурной среды (S), то финские предприниматели отметили некоторые особенности функционирования профсоюзов в Беларуси, однако их роль не стоит переоценивать. Текучка кадров в РБ намного больше, чем на Западе, а разница в зарплатах руководителей и простых рабочих намного более значительна, чем в Финляндии, однако этот факт, по мнению финских предпринимателей, не представляет проблему. Заметно отсутствие деловых и управленческих навыков у белорусских сотрудников, особенно опыта работы с иностранными компаниями, но технологические навыки белорусских сотрудников были оценены высоко. Неудивительно, что в условиях авторитарного режима уровень криминала в предпринимательской деятельности не вызывает опасений, а вот отсутствие коррупционной составляющей вызывает удивление, поскольку в закрытых системах коррупция, как правило, процветает.

Что касается технологической среды (Т), то основой создания финских дочерних предприятий в Беларуси является трансфер финских технологий. Технологические изобретения и инновации, получившие всемирное признание, РБ производит редко и в целом не имеет имиджа высокотехнологичной страны, поэтому многие финские компании отказались от научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в этой стране. Таможенные сборы на импорт технологий нареканий не вызвали. Абсолютно очевидно, что технологическая среда в Беларуси привлекает иностранных инвесторов в настоящий момент в последнюю очередь.

Чтобы получить более полную картину предпринимательской среды в РБ, я настоятельно рекомендую западным экспертам и ученым проводить практические исследования деятельности иностранных компаний в стране, поскольку Беларусь может оказаться более благоприятной предпринимательской средой для западных фирм, чем ее политический имидж, изображенный в западных СМИ. Современный кризис на Украине вынуждает западных ученых обращать особое внимание и на Беларусь.

Список литературы

1. *Astley W. G., Ven A. H. van de.* Central Perspectives and Debates in Organization Theory// *Administrative Science Quarterly.* 1983. №28. P. 245—273.
2. *Aswathappa K.* Essentials of Business Environment. Mumbai, 2009.
3. *Belokon M.* Belarus slide package for a foreign investor Pan-European Institute, University of Turku. Turku, 2014.
4. *Cherunilam F.* Business Environment. Mumbai, 2009.
5. *Cherunilam F.* Elements of Business Environment. Mumbai, 2010.
6. *EBRD.* Belarus — Country assessments, Transition Reports. 2012. URL: <http://www.ebrd.com/downloads/research/transition/assessments/belarus.pdf> (дата обращения: 12.09.2014).
7. *EIU.* Belarus, Country Report. Economist Intelligence Unit. L., 2013.

8. *Heikkilä M.* Suomalaisinvestointien poliittis-hallinnolliset riskit Venäjällä, Ukrainassa ja Valko-Venäjällä// Pan-European Institute 1/2010. University of Turku. Turku, 2010.
9. *KPMG.* Investment in Belarus. URL: <http://www.kpmg.com/BY/en/IssuesAndInsights/ArticlesPublications/Press-Releases/Documents/Investment%20in%20Belarus%20WEB.pdf> (дата обращения: 12.09.2014).
10. *Ministry of the Economy of the Republic of Belarus/Revera Consulting Group (2013):* Doing Business in Belarus. URL: http://www.economy.gov.by/dad-FILES/001713_783132_Doing_Business_ENG.pdf (дата обращения: 12.08.2014).
11. *National Bank of the Republic of Belarus:* Foreign direct investments. URL: <http://www.nbrb.by/eng/statistics/ForeignDirectInvestments/> (дата обращения: 22.09.2014).
12. *Pearce J. A., Robinson R. B.* Strategic Management. Chicago, 1994.
13. *RDWB:* Opros “Delovoy klimat v Respublike Belarus 2013”, Repräsentanz der Deutschen Wirtschaft in Belarus. Berlin, 2013.
14. *Sharma V.* Business Environment: Concepts and techniques. Jaipur, 2008.
15. *Sorainen,* Priorbank and RZB Bank: Belarus Investment Guide 2012. URL: http://www.priorbank.by/download/info/BIG_2012-08-21-eng.pdf (дата обращения: 14.03.2014).
16. *Statistical Committee of Belarus.* Statistical yearbook Republic of Belarus 2013. URL: http://www.belstat.gov.by/en/bgd/katalog-publikatsii/public_compilation/index_94/ (дата обращения: 14.09.2014).
17. *Statistical Committee of Belarus (2014):* Statistical review of Belarus 2013. URL: http://www.belstat.gov.by/en/bgd/katalog-publikatsii/public_bulletin/index_102/ (дата обращения: 14.09.2014).
18. *Terpstra V., Kenneth D.* The Cultural Environment of International Business. Cincinnati, 1985.
19. *Transparency International:* Corruption Perceptions 2012. URL: http://issuu.com/transparencymagazine/docs/cpi_2012_report?e=2496456/2010281 (дата обращения: 14.09.2014).
20. *UNCTAD:* World Investment Report 2014, United Nations Conference on Trade and Development. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2014_en.pdf (дата обращения: 14.09.2014).
21. *Wetherley P., Otter D.* The business environment: themes and issues. Oxford, 2008.
22. *Worthington I., Britton C.* The business environment // Financial Times & Prentice Hall. Harlow, 2009.
23. *Wilk P.* Belarus slide package for a foreign investor // Pan-European Institute, University of Turku. Turku, 2012.
24. *World Bank:* World Bank Group — Belarus Partnership: Country Program Snapshot. URL: <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/Belarus-Snapshot.pdf> (дата обращения: 12.08.2014).
25. *World Bank:* Doing Business. URL: <http://www.doingbusiness.org/~media/GIAWB/Doing%20Business/Documents/Annual-Reports/English/DB13-full-report.pdf> (дата обращения: 12.08.2014).
26. *Xu L. C.* The Effect of Business Environments on Development: Surveying New Firm-level Evidence // The World Bank Research Observer. 2011. №26. P. 310—340.
27. *Yeremeyeva I.* Russian investments in Belarus / Pan-European Institute 13/2009, University of Turku. Turku, 2009.
28. *Zashev P.* Belarus as a business opportunity?// Pan-European Institute 3/2006, University of Turku. Turku, 2006.

Об авторе

Кари Лиухто, профессор, директор Пан-Европейского института, Школа экономики, Университет г. Турку (Финляндия).

Email: Kari.Liuhto@utu.fi

THE BELARUS BUSINESS ENVIRONMENT AS ASSESSED BY THE MANAGEMENT OF LEADING FINNISH COMPANIES OPERATING IN THE COUNTRY

Kari T. Liuhto*

**University of Turku*

3 Rehtorinpellonkatu, Turku, 20500 Finland

Submitted on October 19, 2014

Inward foreign investment stock has grown remarkably in Belarus. It increased tenfold since 2000 to reach over \$14 billion by the end of 2012. According to the Central Bank of Belarus, Finnish firms have invested nearly \$100 million in Belarus making Finland the sixteenth most active foreign investor in the country. Approximately 7,000 companies with foreign capital were registered in Belarus by the beginning of 2013. Finnish companies founded three dozen of these foreign firms. A lack of scientific reports on the perception of foreign businesspeople in the Belarusian business environment necessitated an empirical study. This article studies the attitudes of the directors of Finnish firms operating in Belarus on the Belarusian business environment. In September-October 2013, the author conducted interviews with directors of 10 Finnish corporations. The PEST model was used to describe the perception of the Belarusian business milieu by Finnish businesspeople. The main empirical finding can be summarised by quoting a Finnish CEO, “Belarus is like any other market on the globe with the exception that foreign firms do not want to attract publicity about their activities in the country due to the poor public image of Belarus.”

Key words: direct foreign investment in Belarus, Belarusian business environment, internationalisation of Finnish companies.

References

1. Astley, W. G., Van de Ven, A. H. 1983, Central Perspectives and Debates in Organization Theory, *Administrative Science Quarterly*, no. 28, p. 245—273.
2. Aswathappa, K. 2009, *Essentials of Business Environment*, Himalaya Publishing House, Mumbai.

3. Belokon, M. 2014, *Belarus slide package for a foreign investor*, Pan-European Institute, University of Turku.
4. Cherunilam, F. 2009, *Business Environment*, Himalaya Publishing House, Mumbai.
5. Cherunilam, F. 2010, *Elements of Business Environment*, Himalaya Publishing House, Mumbai.
6. EBRD. *Belarus — Country assessments*, 2012, Transition Reports, available at: <http://www.ebrd.com/downloads/research/transition/assessments/belarus.pdf> (accessed 12.09.2014).
7. EIU, 2013, *Belarus, Country Report*, Economist Intelligence Unit, London.
8. Heikkilä, M. 2010, *Suomalaisinvestointien poliittis-hallinnolliset riskit Venäjällä, Ukrainassa ja Valko-Venäjällä*, Pan-European Institute, no. 1, University of Turku.
9. KPMG. *Investment in Belarus*, available at: <http://www.kpmg.com/BY/en/IssuesAndInsights/ArticlesPublications/Press-Releases/Documents/Investment%20in%20Belarus%20WEB.pdf> (accessed 12.09.2014).
10. Ministry of the Economy of the Republic of Belarus, 2013, Revera Consulting Group, *Doing Business in Belarus*, available at: http://www.economy.gov.by/dadvfiles/001713_783132_Doing_Business_ENG.pdf (accessed 12.08.2014).
11. Foreign direct investments, *National Bank of the Republic of Belarus*, available at: <http://www.nbrb.by/eng/statistics/ForeignDirectInvestments/> (accessed 22.09.2014).
12. Pearce, J. A., Robinson, R. B. 1994, *Strategic Management*, Chicago.
13. Opros “Delovoy klimat v Respublike Belarus 2013”, *RDWB*, 2013, Repäsentanz der Deutschen Wirtschaft in Belarus.
14. Sharma, V. 2008, *Business Environment: Concepts and techniques*, BookEnclave, Jaipur.
15. *Belarus Investment Guide*, 2012, Sorainen, Priorbank and RZB Bank, available at: http://www.priorbank.by/download/info/BIG_2012-08-21-eng.pdf (accessed 14.03.2014).
16. Statistical Committee of Belarus. Statistical yearbook Republic of Belarus 2013. URL: http://www.belstat.gov.by/en/bgd/katalog-publikatsii/public_compilation/index_94/ (accessed 14.09.2014).
17. Statistical Committee of Belaru, 2014, *Statistical review of Belarus*, available at: http://www.belstat.gov.by/en/bgd/katalog-publikatsii/public_bulletin/index_102/ (accessed 14.09.2014).
18. Terpstra, V., Kenneth, D. Sorainen, Priorbank and RZB Bank, *The Cultural Environment of International Business*, South-Western Publishing C., Cincinnati.
19. *Transparency International: Corruption Perceptions*, 2012, available at: http://issuu.com/transparencyinternational/docs/cpi_2012_report?e=2496456/2010281 (accessed 14.09.2014).
20. UNCTAD: World Investment Report, 2014, *United Nations Conference on Trade and Development*, available at: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2014_en.pdf (accessed 14.09.2014).
21. Wetherley, P., Otter, D. 2008, *The business environment: themes and issues*, Oxford University Press, Oxford.
22. Worthington, I., Britton, C. 2009, The business environment, *Financial Times & Prentice Hall*, Harlow.
23. Wilk, P. 2012, *Belarus slide package for a foreign investor*, Pan-European Institute, University of Turku.

24. *World Bank: World Bank Group — Belarus Partnership: Country Program Snapshot*, available at: <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/Belarus-Snapshot.pdf> (accessed 12.08.2014).

25. *World Bank: Doing Business*, available at: <http://www.doingbusiness.org/~media/GIAWB/Doing%20Business/Documents/Annual-Reports/English/DB13-full-report.pdf> (accessed 12.08.2014).

26. Xu, L. C. 2011, The Effect of Business Environments on Development: Surveying New Firm-level Evidence, *The World Bank Research Observer*, no. 26, p. 310—340.

27. Yermeyeva, I. 2009, Russian investments in Belarus, *Pan-European Institute*, no. 13, University of Turku.

28. Zashnev, P. 2006, Belarus as a business opportunity? *Pan-European Institute*, no. 3, University of Turku.

About the author

Prof Kari Liuhto, Director of the Pan-European Institute, School of Economics, University of Turku (Finland)

Email: Kari.Liuhto@utu.fi

Приложение

П л а н и н т е р в ь ю

1. Как давно Вы работаете в Беларуси/с Беларусью?

2. История и нынешнее положение Вашего предприятия в Беларуси

* основные события

* основные показатели (товарооборот, объем иностранных продаж, сотрудники, инвестиции)

3. Ваша оценка предпринимательской среды в Беларуси (модель PEST)

Политическая среда (P)

Смена руководства и влияние на экономическую политику

Политическая нестабильность за последние 10 лет

Четкость и стабильность прав собственности

Уважение прав собственности

Уважение к правам интеллектуальной собственности

Изменения в законодательстве в области иностранной торговли

Взаимоотношения ЕС и Беларуси и их влияние на торговое законодательство

Влияние Таможенного союза на торговое законодательство

Ограничения для иностранных компаний

Свобода доступа к публичным тендерам

Свобода доступа к приватизации

Социокультурная среда (S)

Сокращение и старение населения

Присутствие квалифицированного персонала

Эмиграция квалифицированного персонала

Доступность качественных образовательных услуг
Социальная мобильность внутри страны
Общественное отношение (в том числе СМИ) к иностранным /финским

компаниям

Роль профсоюзов
Потребительские предпочтения
Этнические вопросы (дискриминация)
Этические вопросы (коррупция)
Изменения в образе жизни

Экономическая среда (Е)

Общее экономическое развитие (ВВП и Ваша отрасль)
Уровень покупательной способности
Налогообложение
Свобода конкуренции (роль белорусских олигархов, роль российских компаний)

Рост зарплат
Доступность финансирования (в том числе иностранных займов)
Рост процентных ставок
Курс белорусского рубля
Инфляция
Осуществление платежных операций
Работа судов
Доступность квалифицированной юридической помощи
Доступность качественной информации о рынке
Доступность качественных транспортных услуг
Доступность офисных и производственных площадей

Технологическая среда (Т)

Распространение современных технологий в стране
Таможенные пошлины на импорт технологий
Инфраструктура (автодороги, железные дороги)
Функционирование сети ИТ
Инновационный потенциал
Доступность финансирования НИОКР
Прочее

4. SWOT-анализ Вашего предприятия в Беларуси

* современная ситуация и история развития

5. Прогноз развития Вашего предприятия в Беларуси до 2020 года

6. Обращение к правительству и бизнес-сообществу Беларуси

УДК 327

**ЛАТВИЯ
В ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ
СИСТЕМЕ
ЕВРОПЕЙСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ:
ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ
И ИЗВНЕ**

*Д. А. Ланко**
*Е. Долженкова**

Анализируется вклад Латвии в безопасность в Европе, которая рассматривается в качестве территориальной системы безопасности. Под территориальной системой безопасности понимается совокупность взаимно влияющих друг на друга и действующих в сфере европейской безопасности институтов, в работе которых участвует и Латвия, сотрудничество Латвии с другими европейскими странами в сфере обеспечения безопасности, а также представления европейцев о важнейших вызовах и угрозах собственной безопасности, которые разделяются и в Латвии, однако лишь частично. Применение системного подхода к исследованию места Латвии в территориальной системе европейской безопасности требует опоры на широкую теоретическую базу; различные теории международных отношений, на которых основывается статья, можно условно разделить на те, которые рассматривают формирование территориальной системы безопасности в регионе как результат действия внешних по отношению к данному региону факторов, и те, которые выводят на первый план внутренние региональные факторы. Соответственно и методология исследования, результаты которого представлены в статье, опирается на широкий набор исследовательских методов, одни из которых характерны для классических теорий международных отношений — реализма и либерализма, другие же чаще применяются в исследованиях в русле социального конструктивизма. Авторами делается вывод о том, что уровень сотрудничества Латвии с институтами и отдельными странами, составляющими территориальную систему европейской

* Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9.

Поступила в редакцию 25.11.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-1-4

© Ланко Д. А., Долженкова Е., 2015

безопасности, невысок, что может свидетельствовать как о недостаточной интегрированности Латвии в эту систему, так и о кризисе самой системы. Важнейший результат исследования — апробация подхода к изучению региональной безопасности с позиций системного подхода, благодаря чему у исследователей появляется инструмент, позволяющий идентифицировать кризисы территориальных систем безопасности в различных регионах мира.

Ключевые слова: *международные отношения, Латвия, Европа, безопасность, системный подход, регионализм, территориальная система*

Важнейшими в науке международных отношений являются вопросы войны и мира, однако на практике мы зачастую наблюдаем подмену понятий: вместо обсуждения вопросов войны и мира ученые-международники и практические участники международной политики говорят о безопасности. Мир и безопасность зачастую рассматриваются в качестве синонимических понятий, в результате чего в научной литературе и документах по международной политике обеспечение безопасности чаще, чем достижение мира, упоминается в качестве цели международной политики. В условиях, когда обеспечение безопасности на глобальном уровне, за исключением вопросов стратегического разоружения, представляется проблематичным, ученые-международники и практики международной политики обращаются к проблематике региональной безопасности. Международные регионы — Европа и Азия, Ближний Восток и Африка, Северная и Латинская Америка, а также регионы меньшего масштаба — становятся территориальными системами безопасности, и это понятие — ключевое для данной статьи.

Регион как территориальная система складывается из взаимно влияющих друг на друга политических, экономических и социально-культурных составляющих этой системы. Аналогично регион как территориальная система безопасности формируется из таких элементов, как региональные международные институты, призванные обеспечивать региональную безопасность, сотрудничество стран региона в сфере обеспечения региональной безопасности, наконец, оценки жителями важнейших для нее вызовов и угроз. Все эти компоненты региональной системы безопасности взаимно влияют друг на друга, формируя территориальную систему безопасности в регионе. Регион Европы не является в данном случае исключением: здесь действуют региональные институты безопасности, такие как ОБСЕ и НАТО; европейские страны в той или иной мере сотрудничают друг с другом в вопросах обеспечения безопасности; у европейцев существуют представления о важнейших вызовах и угрозах для континента.

Особенности функционирования региональной системы безопасности, включая ее сильные и слабые стороны, наиболее четко проявляются при рассмотрении места отдельной страны в этой системе. В данной статье приводятся результаты анализа места Латвии в территориальной системе европейской безопасности. В теоретическом плане рассматриваются различные подходы к исследованию международных отношений: такие, где уделяется наибольшее внимание формированию регио-

на под влиянием внешних по отношению к нему факторов, и такие, где формирование регионов полагается результатом внутренних процессов во взаимоотношениях между странами региона. В практическом плане место Латвии в территориальной системе европейской безопасности анализируется комплексно, с точки зрения всех указанных подходов. Так, участие Латвии в НАТО — военно-политическом блоке, сформировавшемся под влиянием внешней угрозы, — будет здесь проанализировано с позиции того, в какой мере вступление этой страны в НАТО способствовало углублению ее сотрудничества с ближайшими соседями в военно-политической сфере.

При анализе участия Латвии в ОБСЕ во внимание будут приняты три аспекта. Во-первых, это участие страны в усилиях, которые данная организация предпринимала в вопросах контроля за обычными вооружениями в Европе. Во-вторых, сотрудничество Латвии с ОБСЕ в области демократизации, включая равный доступ национальных меньшинств к участию в демократическом процессе. В-третьих, это восприятие данной организации внутри Латвии. Наконец, в качестве элемента территориальной системы европейской безопасности здесь будет рассмотрен и Европейский союз. Более полувека назад одной из целей европейской интеграции стало стремление избежать повторения событий второй четверти XX века путем добровольного отказа участников европейского интеграционного проекта от части государственного суверенитета в пользу наднациональных институтов. Сегодня же актуален вопрос, в какой мере стремление избежать повторения ужасов Второй мировой войны как цель европейского интеграционного проекта находит отклик среди элиты и населения Латвии.

Территориальные системы безопасности: взгляд извне

Традиция рассматривать международную политику с точки зрения системного подхода неразрывно связана с деколонизацией, начавшейся после окончания Второй мировой войны. В конце 1960-х гг. О. Янг одним из первых предложил рассматривать международную политику с точки зрения взаимодействия глобальной системы, с одной стороны, и региональных подсистем — с другой [1]. Эту работу следует считать новаторской хотя бы потому, что в ней впервые делается предположение, что принятое в то время деление мира по имперскому принципу на «британскую», «французскую» и другие части вскоре станет не столь важным с точки зрения анализа международной политики, но значимость приобретет деление мира на регионы: Европу и Азию, Ближний Восток и Африку, Северную и Латинскую Америку. За почти полвека, прошедшие с момента публикации статьи О. Янга, это и произошло: хотя представляется, что сегодня пока рано говорить о завершении процесса деколонизации, значимость регионов для анализа международной политики многократно возросла.

Еще больше значение регионов как территориальных подсистем международной политики возросло после окончания холодной войны,

когда кризис суверенитета как в странах третьего мира, так и в Европе привел к возникновению ожиданий скорого уменьшения роли государств в международной политике и увеличения роли акторов мировой политики, в том числе регионов. И если у большинства сторонников этой теории такие ожидания связывались с перспективой формирования новой системы международной политики, характеризующейся доминированием мирного взаимодействия над вооруженными конфликтами, то другие исследователи высказывали опасения относительно увеличения роли регионов [2]. Хотя в настоящее время можно констатировать, что ожидания двадцатилетней давности, связанные с уменьшением роли государств в международной политике в пользу регионов, не оправдались, в свое время эти ожидания способствовали увеличению числа исследований, посвященных роли регионов в международной политике.

Ф. Тассинари выявил в теоретических работах по международным отношениям четыре типа регионов [3]. С одной стороны, он отделил регионы, формирующиеся (по мнению авторов одних теорий) «изнутри», от регионов, формирующихся (по мнению авторов других теорий) «извне». Например, с точки зрения классического реализма в теории международных отношений регионы создают основу для военно-политических союзов, а соответственно, они формируются «извне» — под влиянием внешней угрозы, которая и заставляет страны данного региона объединяться в военно-политический союз. Х. Моргентгау писал, что «альянсы, характерные для предыдущих исторических периодов, не исчезли, но приобрели тенденцию принимать вид региональных договоренностей внутри всеобъемлющей международно-правовой организации» [4, р. 104]. В качестве примера региона, лежащего в основе военно-политического союза, можно привести Северо-Атлантический регион.

С другой стороны, Ф. Тассинари отделил теории, согласно которым регионы формируются «сверху», под влиянием региональных институтов, от теорий, согласно которым регионы формируются «снизу», под влиянием представлений как проживающих в данном регионе людей, так и не имеющих к нему непосредственного отношения. Институты и представления взаимно влияют друг на друга: институты, являясь неотъемлемым элементом процессов социализации, влияют на формирование представлений, однако и представления влияют на институты, при этом изменение доминирующих представлений может привести к изменению институтов. Если в классическом реализме регионы формируются «извне» и «сверху», то в качестве примера теории, предполагающей, что регионы формируются «извне», но «снизу», можно назвать теорию, сформулированную Д. А. Ланко, который ввел понятие *регионального подхода* — разновидности двойных стандартов, когда дискриминационные практики применяются к странам, относимым к тому или иному региону мира в представлениях людей, использующих двойные стандарты [5].

Территориальные системы безопасности: взгляд изнутри

Угроза, заставляющая некую группу стран создавать региональный военно-политический союз, и акторы, применяющие двойные стандарты к некой группе стран, являются внешними по отношению к данным группам стран факторами, способствующими регионализации внутри групп. Другие теории международных отношений рассматривают регионализацию в качестве процесса, происходящего «изнутри»: под влиянием региональных институтов сотрудничества, то есть «сверху», или под влиянием представлений людей, проживающих в регионе, то есть «снизу». Именно регионализацию «изнутри» имеет в виду Г. М. Федоров, когда пишет о регионах как о «территориальных системах» [6]. Он выделяет различные виды регионов по иерархическому уровню — от глобального до локального уровня, а также по функциональному типу — политические, экономические и социально-культурные регионы. Регион Европы, который выступает объектом нашего исследования, относится по данной классификации к мегарегионам.

С точки зрения данной классификации регион Европы можно рассматривать и как политический, и как экономический и социально-культурный регион. Благодаря многочисленным институтам европейского сотрудничества можно говорить о Европе как о политическом регионе, а с учетом представлений европейцев о Европе как о едином регионе можно считать ее социально-культурным регионом, причем названные институты и представления взаимно влияют друг на друга. Экономическое сотрудничество в Европе, с одной стороны, способствует укреплению региональных политических институтов, а также представлений о Европе как о едином регионе, с другой — оно обуславливает изоляцию Европы от остального мира. Именно о такой изоляции предупреждал Д. Митрани, когда писал, что «континентальные союзы обладают большим потенциалом, чем отдельные государства, чтобы практиковать автаркию, способствующую отделению» [7, р. 27]. Именно такую самоизоляцию группы стран Европейского союза мы наблюдаем сегодня, когда процесс расширения ЕС фактически остановлен, а вместо этого в Европе выстраиваются новые разделительные линии.

Институты европейского сотрудничества, причем не только институты Евросоюза, а также крайне высокий уровень европейского экономического сотрудничества способствуют и формированию представлений о Европе как о едином регионе; эти представления, в свою очередь, стимулируют интенсификацию политического и экономического сотрудничества в регионе. Социальный конструктивизм в теории международных отношений выводит на первый план эти представления и их роль в процессе регионализации; наиболее ярко данный тезис представлен в работе Б. Бузана и О. Вэвера, в которой они вводят понятие *регионального комплекса безопасности* [8]. Под этим комплексом понимается регион, жители которого имеют схожие представления об основных вызовах собственной безопасности. В частности, в Европе в ка-

честве основного вызова региональной безопасности воспринимается возможность повторения опыта Второй мировой войны, и европейская интеграция является проектом, направленным на минимизацию вероятности наступления такого сценария путем отказа государств Европы от части суверенитета.

Исследование места Латвии в территориальной системе европейской безопасности, которое предпринимается в данной статье, проводится комплексно, с учетом различных теоретических подходов к формированию регионов как территориальных систем безопасности. В первую очередь, будет рассмотрено место Латвии в НАТО — военно-политическом союзе, объединяющем почти половину ныне существующих европейских государств. При этом акцент мы сделаем на сотрудничестве Латвии в рамках НАТО со своими соседями — также членами альянса, в первую очередь со странами Балтии. Далее будет проанализировано сотрудничество Латвии с ОБСЕ — институтом европейской безопасности, объединяющим подавляющее большинство европейских стран. Наконец, в качестве элемента территориальной системы безопасности в Европе будет проанализирован и Европейский союз, при этом особое внимание будет уделено тому, в какой мере население Латвии разделяет вышеназванные представления о главных вызовах европейской безопасности, на основе которых сформировался процесс европейской интеграции.

Военно-политическое сотрудничество Латвии со странами Балтии до и после вступления в НАТО

Если сразу после провозглашения независимости Латвии в стране велась дискуссия, быть ей нейтральной — по примеру соседних Швеции и Финляндии — или выстраивать свою оборонную политику, исходя из цели присоединения к НАТО в ближайшем будущем, то после 1995 г. сменявшие друг друга правительства Латвии последовательно проводили курс на вступление в альянс. При этом и в Латвии существовало недоверие в отношении НАТО, и в НАТО — в отношении Латвии. Как пишет Ж. Озолиня, латвийская элита не была уверена в том, что страны Запада, даже после присоединения Латвии к НАТО, будут защищать ее любыми средствами в случае агрессии против нее со стороны третьих государств [9, р. 117]. Одновременно русскоязычное население Латвии опасалось, что присоединение к альянсу приведет к ухудшению и без того непростых отношений между Латвией и Россией. Именно эти опасения стали причиной того, что 26 февраля 2004 г. при голосовании в Сейме Латвии по вопросу о присоединении к НАТО за высказались лишь 77 из 100 депутатов [10].

Против проголосовали представители Социалистической партии Латвии, пользующейся поддержкой, главным образом, русскоязычного населения страны; представители Партии за права человека в единой Латвии, также поддерживаемой в основном русскоязычным населением страны, воздержались при голосовании. Все без исключения предста-

вители партий, пользующихся поддержкой преимущественно этнических латышей, проголосовали за вступление в НАТО. Таким образом, если в 1990-х гг. у них и были сомнения относительно целесообразности вступления в этот альянс, то к 2004 г. сомнения исчезли. В свою очередь, сомнения в отношении Латвии существовали и в НАТО: руководство альянса не было уверено, что эта страна сможет обеспечить должный уровень международного сотрудничества как на этапе подготовки к вступлению, так и после того, как оно произойдет. Продемонстрировать готовность Латвии, а также двух других стран Балтии — Эстонии и Литвы — к сотрудничеству в военно-политической сфере были призваны соответствующие проекты трех прибалтийских стран.

Еще в конце 1994 г. было положено начало формированию БАЛТБАТа — миротворческого батальона, службу в котором несли представители всех трех стран Балтии, в том числе в ходе миротворческой миссии в Боснии и Герцеговине. По мнению Р. Сапронаса, создание батальона не только продемонстрировало способность трех государств Балтии к сотрудничеству, но и сделало значимый вклад в создание вооруженных сил в этих странах, ведь после распада СССР и вывода российских войск с территорий Литвы, Латвии и Эстонии им пришлось создавать вооруженные силы «с нуля» [11]. В 1996 г. был запущен проект БАЛТНЕТ, предполагавший создание совместной системы мониторинга воздушного пространства трех стран Балтии. В 1997 г. начал реализовываться проект БАЛТРОН, позволивший скоординировать усилия представителей вооруженных сил трех прибалтийских государств в спасательных операциях на Балтийском море. Наконец, в 1998 г. был основан Балтийский оборонный колледж, целью которого стала подготовка офицерских кадров для Литвы, Латвии и Эстонии.

Колледж разместился на территории Эстонии, координационный центр БАЛТНЕТа — в Литве, а база БАЛТБАТа и координационный центр БАЛТРОНа — в Латвии. Благодаря этим проектам в военно-политической сфере страны Балтии, включая Латвию, смогли доказать НАТО свою способность к сотрудничеству, что и привело к принятию их в этот альянс в 2004 г. После этого, казалось бы, военно-политическое сотрудничество трех государств Балтии должно было выйти на новый, более высокий уровень. Однако на практике их сотрудничество в этой сфере снизилось [12]. Еще до формального вступления Литвы, Латвии и Эстонии в НАТО БАЛТБАТ был распущен. Более того, опыт координации представителей вооруженных сил этих стран, приобретенный до присоединения к НАТО, не был востребован в последующем. Так, в ходе операции НАТО в Афганистане Литва возглавила собственную Команду по реконструкции провинций (КРП), а Латвия и Эстония отказались примкнуть к литовской КРП, присоединившись вместо этого к голландской КРП.

Снижению уровня военно-политического сотрудничества стран Балтии после вступления в НАТО способствовала, как представляется, растущая конкуренция между этими странами за размещение на своей территории военных баз западных партнеров по НАТО. С одной сторо-

ны, размещение военных баз способствует формированию у части местного населения чувства защищенности, хотя у других оно вызывает противоположное чувство: ведь в случае начала вооруженного конфликта эти базы подвергнутся атакам в первую очередь, создавая угрозу для проживающего в непосредственной близости от них мирного населения. С другой стороны, западные партнеры Латвии по НАТО готовы платить значительные средства за аренду этих военных баз, что может сыграть значимую роль в наполнении латвийского бюджета. Не случайно возможность создания новых баз на территории Латвии стала одной из наиболее обсуждаемых в этой стране тем в дни саммита НАТО 4—5 сентября 2014 г. [13].

Латвия и ОБСЕ: проблемы обычных вооружений и прав меньшинств

В период после завершения холодной войны краеугольным камнем политического измерения территориальной системы европейской безопасности стала Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Этот статус ОБСЕ приобрела благодаря своей универсальности: это была организация, не делившая страны Европы на «западные» и «восточные», как НАТО, и не требовавшая от государств, желающих присоединиться к ней, выполнения иных условий, кроме стремления к миру и сотрудничеству на континенте. В результате участниками организации стали 57 государств, включая не только подавляющее большинство стран Европы, но и евразийские Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркмению и Узбекистан, а также североамериканские США и Канаду. В сентябре 1991 г., сразу после провала августовского путча в СССР, участниками ОБСЕ стали и страны Балтии: Эстония, Литва и Латвия. Важнейшими направлениями работы организации в 1990-х гг. стали контроль за обычными вооружениями стран-участниц, а также контроль за соблюдением в государствах-участниках демократических процедур, включая равноправное участие национальных меньшинств в демократическом политическом процессе.

В контексте контроля за обычными вооружениями в Европе значение Латвии и других стран Балтии оказалось крайне велико. С одной стороны, эти государства планировали вступить в НАТО и, таким образом, изменить баланс сил на континенте в пользу альянса. С другой стороны, они не только не ратифицировали, но и не подписали Соглашение об адаптации Договора об обычных вооружениях в Европе 1999 г. И в случае превышения НАТО определенных в Соглашении квот по обычным вооружениям эти вооружения могли быть размещены на территории Латвии и других стран Балтии, что вызывало беспокойство со стороны России. Накануне расширения НАТО страны альянса еще пытались найти компромиссное решение; так, в 2003 г. было обещано, что после присоединения к НАТО страны Балтии присоединятся и к Соглашению [14]. Однако после того как расширение НАТО состоялось, эти обещания оказались забытыми; в итоге Соглашение было ратифицировано лишь четырьмя странами и так и не вступило в силу.

В самой Латвии, причем среди латвийской элиты, представленной преимущественно этническими латышами, наблюдается двойственное отношение к ОБСЕ. В ряде ситуаций, когда позиция Латвии совпадает с позицией этой организации, ОБСЕ рассматривается в качестве прозападной, и ее эффективность оценивается с точки зрения того, в какой мере она способствует налаживанию диалога между прозападным «большинством» (в латвийской терминологии) стран-участниц ОБСЕ и Россией [15, р. 41]. В других же случаях, когда ОБСЕ подвергает Латвию критике, организация рассматривается в качестве пророссийской. Особенно часто ОБСЕ называли пророссийской в 1990-е гг., когда организация подвергла жесткой критике положение русскоязычного населения Латвии, большинство представителей которого были тогда (а многие остаются и сегодня) лишены избирательных прав. В отличие от НАТО, где «соблюдение прав человека... полностью подчинено политическим и экономическим интересам США и его союзников» [16], в работе ОБСЕ контроль за соблюдением прав человека являлся важнейшим вопросом как в годы холодной войны, так и после ее завершения. В 1993—2001 гг. в Латвии (а также в Эстонии) действовала миссия ОБСЕ, которая была призвана на месте контролировать ход процесса интеграции русскоязычного населения в политическое пространство страны.

В 1990-х гг. критика со стороны ОБСЕ в адрес Латвии была более жесткой, чем в адрес Эстонии. В данной связи показательно название статьи, опубликованной в 1996 г. праворадикальным эстонским политиком М. Нуттом, которая была озаглавлена «Если Латвия сломается, они придут и в Эстонию» [17]. Работа миссии ОБСЕ в Латвии воспринималась в качестве результата стремления России не допустить вступления Латвии в НАТО и Европейский союз, а закрытие миссии в 2001 г., несмотря на возражения России, — в качестве важнейшего шага на пути в эти международные организации. Однако и после вступления в НАТО и ЕС ОБСЕ продолжала восприниматься в Латвии в качестве пророссийской организации в случаях, когда она критиковала Латвию за недостаточную волю к полной интеграции русскоязычного населения. Так, в 2013 г. эксперт латвийского Центра исследований восточноевропейской политики М. Цепурис обвинил ОБСЕ в пророссийской ориентации лишь на том основании, что организация выслушала представителей русскоязычного населения Латвии [18].

Латвия в социально-культурной системе Евросоюза: общие ценности и общие угрозы

Представление о том, что Европейский союз основывается не только на сотрудничестве между странами-участницами и общих институтах, но и на общих ценностях, то есть представляет собой социально-культурную территориальную систему (в терминологии Г.М. Федорова), широко распространено. Предполагается, что общие для стран Евросоюза ценности включают в себя и западноевропейскую трактовку

ценности прав человека. Однако институтами ЕС было выработано сравнительно мало документов, определяющих стандарты в сфере соблюдения прав человека, принятые в Евросоюзе. Поэтому, когда перед ЕС ставится задача определить, в какой мере то или иное государство соответствует данным стандартам, Евросоюз использует оценки, которые дают международные организации, занимающиеся контролем за соблюдением прав человека в Европе, в первую очередь оценки, даваемые ОБСЕ и Советом Европы. Именно таким образом ЕС в 1990-х гг. принимал решение о том, соответствует ли Латвия стандартам в сфере соблюдения прав человека в достаточной мере, чтобы стать кандидатом на вступление в Евросоюз [19].

Проблематика сотрудничества Латвии с ОБСЕ в сфере соблюдения прав национальных меньшинств была уже рассмотрена выше; здесь же необходимо уделить внимание вопросам взаимодействия Латвии с Советом Европы. В данном контексте Латвия представляет собой особый случай среди других стран Балтии, поскольку, в отличие от Эстонии и Литвы, ставших полноправными участниками Совета Европы уже в 1993 г., путь Латвии в эту организацию был более сложным. Литва предоставила гражданство всем жителям республики, проживавшим в ней на момент распада СССР. Эстония, хотя она и не предоставила гражданства тем, кто переехал сюда на постоянное жительство после 1940 г., однако наделила этих людей статусом иностранца, имеющим четкое определение в международном праве, что удовлетворило Совет Европы. Латвия также не предоставила гражданства жителям республики, переехавшим в нее на постоянное жительство после 1940 г., но этим людям был предоставлен статус «негражданина», не определенный в международном праве и, следовательно, открывающий широкие возможности для нарушения их прав.

Лишь после принятия в 1994 г. нового Закона о гражданстве в Латвии, четко определяющего порядок предоставления гражданства этим людям, Парламентская ассамблея Совета Европы приняла решение пригласить Латвию стать полноправным членом этой организации [20]. Европейскому союзу потребовалось еще пять лет для того, чтобы признать Латвию соответствующей стандартам в сфере соблюдения прав человека. В 1997 г. Европейский совет в Люксембурге заключил, что ЕС готов начать переговоры с Эстонией о вступлении, но не с Литвой и Латвией [21]. Причем если в случае Литвы отказ от начала переговоров был мотивирован недостаточным уровнем ее экономического развития, то в случае Латвии в качестве основной причины называлась ситуация в сфере соблюдения прав меньшинств. Лишь два года спустя Европейский совет в Хельсинки заключил, что ЕС готов начать переговоры о вступлении и с Латвией [22].

Показательно, что Европейский союз согласился вести переговоры с Латвией о присоединении на два года позже, чем с Эстонией, то есть ровно на тот же срок, на который Эстония вступила в Совет Европы раньше Латвии. Также показательно, что само вступление Латвии в Европейский союз состоялось лишь в 2004 г., то есть после того, как и

ОБСЕ признала ситуацию в сфере соблюдения прав меньшинств в Латвии удовлетворительной, а мандат миссии ОБСЕ в Латвии истек. После принятия Латвии в Евросоюз проблемы в области прав меньшинств в этой стране сохранялись, что неоднократно вызывало критику с российской стороны. Аналогично критике с российской стороны подвергались и попытки героизации нацизма в Латвии. В данном контексте следует, в первую очередь, упомянуть установку в 2012 г. в латвийском городе Бауска памятника «защитникам» города, препятствовавшим освобождению Латвии от немецких захватчиков в 1944 г., что вызвало дискуссию не только в России и среди русскоязычного населения Латвии, но и среди этнических латышей [23].

Выше восприятие возможности повторения Второй мировой войны в качестве основного вызова европейской безопасности было названо общей ценностью, объединившей, по мнению авторов теории региональных комплексов безопасности, в свое время западноевропейские страны Евросоюза. Опасаясь повторения событий второй четверти XX в., западноевропейские страны намеренно отказались от значительной части государственного суверенитета в пользу наднациональных институтов европейской интеграции. Как показывает практика, значительная часть населения Латвии не разделяет представлений о Второй мировой войне, характерных для Западной Европы. Более того, национальный суверенитет для большинства жителей Латвии является более значимой ценностью, чем европейская интеграция; так, по данным опроса 2012 г., 56 % жителей страны выступали в поддержку суверенитета и против углубления европейской интеграции [24]. Таким образом, интеграцию Латвии в социально-культурную территориальную систему Евросоюза нельзя считать завершенной.

Заключение

Важнейшими политическими элементами территориальной системы европейской безопасности, в которых участвует Латвия, являются ОБСЕ, НАТО и Европейский союз. Однако уровень сотрудничества Латвии как с другими странами в рамках названных международных институтов, так и с ними самими оставляет желать лучшего. Например, уровень сотрудничества Латвии с соседними Эстонией и Литвой даже снизился после вступления трех этих стран в НАТО. Хотя ОБСЕ давно не предъявляет Латвии серьезных претензий по вопросам, связанным с равным участием русскоязычного населения этой страны в демократическом политическом процессе, даже отдельные попытки ОБСЕ оценить ситуацию в Латвии в данной области встречаются «в штыхки» латвийской элитой, представленной, главным образом, этническими латышами. Государственный суверенитет остается для жителей Латвии значимой ценностью, а идеи отказа от части суверенитета в пользу институтов Европейского союза ради достижения мира на европейском континенте не принимаются большинством населения страны.

Эта ситуация может свидетельствовать о том, что Латвия остается сравнительно «молодой» участницей территориальной системы европейской безопасности. Хотя страна стала полноправной участницей ОБСЕ с 1991 г., а НАТО и Евросоюза — с 2004 г., ее элитам и населению еще предстоит пройти значительный путь до полной интеграции в территориальную систему европейской безопасности, в первую очередь в социально-культурном плане. Однако такая ситуация может свидетельствовать и о том, что сама территориальная система европейской безопасности переживает сегодня болезненный процесс трансформации, обусловленный, в числе прочего, и фактором участия в ней Латвии. Когда этот период трансформации завершится, территориальная система европейской безопасности уже не будет такой, как раньше. Вскрыть механизмы функционирования новой системы также поможет системный подход, т. е. подход к анализу проблематики безопасности в Европе, которая будет выступать в качестве территориальной системы, образованной такими взаимно влияющими друг на друга компонентами, как институты, международное сотрудничество и восприятие важнейших вызовов и угроз.

Список литературы

1. *Young O.R.* Political Discontinuities in the International System // *World Politics*. 1968. Vol. 20, No. 3. P. 369—392.
2. *Käkönen J., Lähteenmäki K.* Regionalization and the Theory of International Relations. Tampere, 1995.
3. *Tassinari F.* Mare Europaeum: Baltic Sea Region Security and Cooperation from Post-Wall to Post-Enlargement Europe. Copenhagen, 2004.
4. *Morgenthau H.* Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. N. Y., 1993.
5. *Ланко Д. А.* Региональный подход в политике Российской Федерации в отношении Эстонской Республики // *Балтийский регион*. 2013. №3 (17). С. 52—64.
6. *Федоров Г. М.* Регион как территориальная система // *Балтийский регион*. 2010. №1. С. 20—27.
7. *Mitrany D.* A Working Peace System. Chicago : Quadrangle Books, 1966. 221 p.
8. *Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, 2003.
9. *Ozaliņa Ž.* European Security and Defense Policy: The Latvian Perspective // *New Security Issues in Northern Europe: The Nordic and Baltic States and the ESDP* / ed. by C. Archer. N. Y., 2008. P. 115—138.
10. *Latvijas Republikas Saeima.* Par Ziemeļatlantijas līgumu (2.lasījums. Steidzams). 26.02.2004. 09:36:48 bal013 // Arhivs: [сайт]. URL: http://www.saeima.lv/steno/2002_8/st_040226/Balsoj/013.htm (дата обращения: 09.11.2014).
11. *Sapronas R.* BALTBAT and Development of Baltic Defense Forces // *Baltic Defense Review*. 1999. No. 2. P. 55—70.
12. *Kolga M.* Quo Vadis, Baltic Defense Cooperation? // *Estonian Foreign Policy Yearbook*. Tallinn : Eesti välispoliitika instituut, 2006. P. 119—136.
13. *МИД Латвии* исключил размещение «гигантских баз НАТО» на территории страны // *DELFI. LV*. 2014. 5 сент. URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/mid-latvii-isklyuchil-razmeschenie-gigantskih-baz-nato-na-territorii-strany.d?id=44932342> (дата обращения: 09.11.2014).

14. *Российские* эксперты: страны Балтии приближат экономику России к европейской // DELFI. LV. 2003. 16 мая. URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/rossijskie-eksperty-strany-baltii-priblizyat-ekonomiku-rossii-k-evropejskoj.d?id=5419154> (дата обращения: 09.11.2014).

15. *Lieģis I.* Conditions Affecting Tactical Nuclear Weapons in Europe // Latvian Foreign Policy Yearbook, 2013 / ed. by A. Sprūds. Riga, 2014. P. 36—43.

16. *Гущин В.* Международное право на службе США и... русофобии // Стратегия России. 2014. № 7. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1404219598&archive=1403878805&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 09.11.2014).

17. *Nutt M.* Kui Läti murdub, asutakse Eesti kallale // Eesti Päevaleht. 1996. 20. juuni.

18. *Māris Ceurītis:* Ieskats Latvijas publiskā tēla veidošanā: EDSO piemērs // DELFI. LV. 2013. 25 oktobris. URL: <http://www.delfi.lv/news/comment/comment/maris-ceuritis-ieskats-latvijas-publiska-tela-veidosana-edso-piemers.d?id=43758238> (дата обращения: 09.11.2014).

19. *Birkenbach H.M.* Is there a Role for International Organizations? The Case of the Russian Exclave Kaliningrad // New Security Challenges as Challenges to Peace Research / ed. by K. K. Khudoley. St. Petersburg : St. Petersburg University Press, 2004. P. 300—311.

20. *Parliamentary* Assembly of the Council of Europe. Opinion No. 183 (1995) on the Application by Latvia for Membership of the Council of Europe. Text adopted by the Assembly on January 31, 1995. URL: <http://assembly.coe.int/Documents/AdoptedText/TA95/Eopi183.htm> (дата обращения: 09.11.2014).

21. *Luxembourg* European Council. Presidency Conclusions. 1997. 12 and 13 December. No. SN400/97. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/032a0008.htm. (дата обращения: 09.11.2014).

22. *Helsinki* European Council. Presidency Conclusions. 1999. 10 and 11 December. No. 00300/1/99. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/ACFA4C.htm (дата обращения: 09.11.2014).

23. *Lūk,* tā izskatās piemineklis Bauskas aizstāvjiem pret otrreizējo padomju okupāciju. DELFI. LV. 2012. 18 septembris. URL: <http://www.delfi.lv/aculiecinieks/news/novados/luk-ta-izskatas-piemineklis-bauskas-aizstavjiem-pret-otreizejo-padomju-okupaciju.d?id=42678042> (дата обращения: 09.11.2014).

24. *56% латвийцев* хотят сохранения суверенитета, а не более тесной интеграции в ЕС и НАТО // DELFI. LV. 2012. 15 апр. URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/56-latvijcev-hotyat-sohraneniya-suvereniteta-a-ne-bolee-tesnoj-integracii-v-es-i-nato.d?id=42283262#ixzz3L1noH5ww> (дата обращения: 09.11.2014).

Об авторах

Дмитрий Александрович Ланко, кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: dimpra@hotmail.com

Екатерина Долженкова, аспирант кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: skinx@inbox.lv

LATVIA IN THE SYSTEM OF EUROPEAN TERRITORIAL SECURITY:
A VIEW FROM THE INSIDE AND OUTSIDE

D. Lanko*
J. Dolženková*

* Saint Petersburg State University
7—9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034 Russia.

Submitted on November 25, 2014

This article focuses on Latvian contribution to European security, which, for the purposes of this study, is understood as a territorial system of regional security. Such system is a combination of interconnected institutions with Latvian participation operating in the field of security, Latvian cooperation with other European countries in the field of security, and the European perception of major security challenges and threats (that Latvia may or may not agree with). A systemic approach to studying the role of Latvia in the territorial system of European security requires a solid theoretical framework. The theories of international relations discussed in this article fall into two categories: those where territorial security systems are viewed as a product of external factors, and those that focus on internal regional factors. In this article, the authors rely on a variety of methods, including those that are characteristic of classical theories of international relations (such as realism and liberalism), and those employed in social constructivism studies. It is concluded that Latvian cooperation with institutions and countries of the territorial system of European security is rather limited, which indicates either a lack of the country's integration into the system or a crisis of the system itself. An important result of the study is the validation of a systemic approach to studying regional security systems. This angle proves particularly useful in identifying crises of territorial systems of regional security in various regions of the world.

Key words: international relations, Latvia, Europe, security, systemic approach, regionalism, territorial systems.

References

1. Young, O.R. 1968, Political Discontinuities in the International System, *World Politics*, Vol. 20, no. 3, p. 369—392.
2. Käkönen, J., Lähteenmäki K., 1995, *Regionalization and the Theory of International Relations*, Tampere, TAPRI, 49 s.
3. Tassinari, F. 2004, *Mare Europaeum: Baltic Sea Region Security and Cooperation from Post-Wall to Post-Enlargement Europe*, Copenhagen, University of Copenhagen, 343 p.
4. Morgenthau, H. 1993, *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*, New York, McGraw-Hill, 419 p.
5. Lanko, D. 2013, The regional approach in the policy of the Russian Federation towards the Republic of Estonia, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 37—45. DOI: 10.5922/2079-8555-2013-3-4.

6. Fedorov, G. M. 2010, Region kak territorial'naja sistema [Region as a territorial system], *Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University*, no. № 1, p. 20–27.
7. Mitrany, D. 1966, *A Working Peace System*, Chicago, Quadrangle Books, 221 p.
8. Buzan, B., Wæver, O. 2003, *Regions and Powers: The Structure of International Security*, Cambridge, Cambridge University Press, 564 p.
9. Ozaliņa, Ž. 2008, European Security and Defense Policy: The Latvian Perspective. In: Archer, C. (ed.), *New Security Issues in Northern Europe: The Nordic and Baltic States and the ESDP*, New York, Routledge, p. 115—138.
10. Latvijas Republikas Saeima. Par Ziemeļatlantijas līgumu (2.lasījums. Steidzams). — 26.02.2004. 09:36:48 bal013, *Arhivs*, available at: http://www.saeima.lv/steno/2002_8/st_040226/Balsoj/013.htm (accessed 09.11. 2014).
11. Saproņas, R. 1999, BALTBAT and Development of Baltic Defense Forces, *Baltic Defense Review*, no. 2, p. 55—70.
12. Kolga, M. 2006, Quo Vadis, Baltic Defense Cooperation? *Estonian Foreign Policy Yearbook*, Tallinn, Eesti välispoliitika instituut, p. 119—136.
13. MID Latvii isključil razmeshhenie «gigantskih baz NATO» na territorii strany [Ministry of Foreign Affairs of Latvia ruled accommodation "giant NATO bases" in the country], 2014, *DELFI.LV*, 5 September, available at: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/mid-latvii-isklyuchil-razmeschenie-gigantskih-baz-nato-na-territorii-strany.d?id=44932342> (accessed 09.11.2014).
14. Rossijskie jeksperty: strany Baltii priblizjat jekonomiku Rossii k evropejskoj [The Russian experts: the Baltic countries will bring the Russian economy to the European], 2003, *DELFI.LV*, 16 May, available at: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/rossijskie-eksperty-strany-baltii-priblizyat-ekonomiku-rossii-k-evropejskoj.d?id=5419154>. (accessed 09.11. 2014).
15. Lieģis, I. 2014, Conditions Affecting Tactical Nuclear Weapons in Europe, *Latvian Foreign Policy Yearbook 2013*, Riga, Latvian Institute of International Affairs, p. 36—43.
16. Gushchin, V. 2014, Mezhdunarodnoe pravo na sluzhbe SShA i... rusofobii [International law in the service of the United States and... russophobia], *Strategija Rossii* [Strategy of Russia], no. 7, July, available at: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1404219598&archive=1403878805&start_from=&ucat=14& (accessed 09.11. 2014).
17. Nutt, M. 1996, Kui Läti murdub, asutakse Eesti kallale, *Eesti Päevaleht*, no. 20, Juuni.
18. Māris Cepurītis: Ieskats Latvijas publiskā tēla veidošanā: EDSO piemērs, 2013, *DELFI.LV*, 25 oktobris, available at: <http://www.delfi.lv/news/comment/comment/maris-cepuritis-ieskats-latvijas-publiska-tela-veidosana-edso-piemers.d?id=43758238>. (accessed 09.11.2014).
19. Birckenbach, H.M. 2004, Is there a Role for International Organizations? The Case of the Russian Exclave Kaliningrad. In: Khudoley, K. K. *New Security Challenges as Challenges to Peace Research*, St. Petersburg University Press, p. 300—311.
20. *Parliamentary Assembly of the Council of Europe*, 1995, Opinion No. 183 (1995) on the Application by Latvia for Membership of the Council of Europe. Text adopted by the Assembly on January 31, available at: <http://assembly.coe.int/Documents/AdoptedText/TA95/Eopi183.htm>. (accessed 09.11.2014).
21. *Luxembourg European Council*, 1997, Presidency Conclusions, 12 and 13 December, no. SN400/97, available at: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/032a0008.htm (accessed 09.11.2014).
22. *Helsinki European Council*, 1995, Presidency Conclusions, 10 and 11 December, no. 00300/1/99, available at: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/ACFA4C.htm (accessed 09.11.2014).

23. Lūk, tā izskatās pieminēklis Bauskas aizstāvjiem pret otrreizējo padomju okupāciju. DELFI.LV. 2012. 18 septembris. URL: <http://www.delfi.lv/aculiecinieks/news/novados/luk-ta-izskatas-piemineklis-bauskas-aizstavjiem-pret-otrzeizejo-padomju-okupaciju.d?id=42678042> (accessed 09.11.2014).

24. 56% latvijcevu hotjat sohraneniya suvereniteta, a ne bolee tesnoj integracii v ES i NATO [56% of Latvians wish to preserve the sovereignty, rather than closer integration into the EU and NATO], 2012, *DELFI.LV*, 15 April, available at: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/56-latvijcevu-hotyat-sohraneniya-suvereniteta-a-ne-bolee-tesnoj-integracii-v-es-i-nato.d?id=42283262#ixzz3L1noH5ww> (accessed 09.11.2014).

About the authors

Dr Dmitry Lanko, Associate Professor, Department of European Studies, School of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
E-mail: dimppa@hotmail.com

Jekaterina Dolženkova, PhD student, Department of European Studies, School of International Relations, St. Petersburg State University, Russia.
E-mail: skinx@inbox.lv

**ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ
МЕРЫ ЕС
В ОТНОШЕНИИ РОССИИ:
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА
И ПРОБЛЕМА
ИМПЛЕМЕНТАЦИИ**

В. В. Войников*

Рассматриваются вопросы, связанные с принятием Европейским союзом в отношении России ограничительных мер.

Основная цель статьи состоит в изучении правовой природы санкций ЕС против России, процедуры их имплементации, пересмотра, отмены, а также судебного контроля. Автором проведены систематизация и классификация ограничительных мер в отношении России, анализ действующего законодательства ЕС, регламентирующего введение и имплементацию ограничительных мер, а также судебной практики Европейского союза, связанной с оспариванием актов ЕС о введении санкций.

Кроме того, с использованием метода сравнительно-правового исследования проведен анализ ограничительных мер, применяемых Европейским Союзом по отношению к другим странам.

В ходе исследования автор предложил следующую классификацию ограничительных мер по отношению к России: индивидуальные санкции; санкции против Крыма и Севастополя; антироссийские экономические санкции. На основе изучения характера ограничительных мер автор приходит к выводу о том, что действующие санкции ЕС в отношении России не соответствуют природе ограничительных мер, поскольку являются скорее наказанием, нежели инструментом проводимой политики.

Автор полагает, что в нынешних политических условиях Европейскому союзу будет крайне сложно прийти к единогласию как по вопросу досрочной отмены санкций, так и по вопросу их продления после истечения срока действия.

Статья подготовлена по результатам участия автора в международной конференции «Россия — Европа: укрепление доверия», прошедшей 28—29 ноября 2014 г. в Люксембурге.

* Балтийский федеральный университет им. И. Канга, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 20.11.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-1-5

© Войников В. В., 2015

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, ограничительные меры, санкции

Политика Европейского союза по принятию ограничительных мер (санкций) в отношении третьих стран имеет длительную историю [1]. ЕС устанавливает ограничительные меры в отношении третьих стран, негосударственных образований, физических и юридических лиц в качестве ответной меры на их политические действия.

В соответствии с принципами, содержащимися в Руководстве по имплементации и оценке ограничительных мер (санкций) в рамках общей внешней политики и политики безопасности [2] (далее — Руководство по применению ограничительных мер) ограничительные меры (санкции) можно определить как меры, применяемые Советом ЕС (далее — Совет) в рамках общей внешней политики и политики безопасности в отношении определенных государств, организаций и граждан с целью изменения политики или деятельности данного государства, части государства, правительства, организаций или физических лиц в соответствии с целями внешней политики Евросоюза, установленными статьей 21 Договора о функционировании ЕС (далее — ДФЕС).

Правовой основой для принятия санкций ЕС служат положения главы 2 раздела V Договора о Европейском союзе (далее — ДЕС), а также статьи 75, 215 ДФЕС.

Необходимо отметить, что в правовом лексиконе ЕС наряду с понятием «ограничительные меры» используется также понятие «санкции». При этом акты первичного и вторичного права оперируют только таким понятием, как «ограничительные меры». В настоящей статье оба понятия будут использоваться как синонимы.

В соответствии с действующим законодательством ЕС принятие санкций осуществляется в два этапа. На первом этапе Совет принимает решение в рамках общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) в соответствии со статьей 29 ДЕС. Указанное решение содержит перечень конкретных мер, субъектов, в отношении которых принимаются санкции, а также основания для их принятия.

На втором этапе меры, предусмотренные указанным выше решением, вводятся в действие либо на уровне Евросоюза, либо на национальном уровне. В частности, такие меры, как запрет на поставку вооружения, визовые ограничения и запрет на въезд, подлежат имплементации непосредственно государствами — членами ЕС, для которых решение Совета имеет обязательный характер [2].

Другие меры, предусматривающие полное или частичное приостановление или сокращение экономических и финансовых отношений с одной или несколькими третьими странами, вводятся в действие в соответствии со статьей 215 ДФЕС посредством регламентов Совета, принятых квалифицированным большинством по совместному предложению Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности, а также Комиссии.

По статье 288 ДФЕС регламенты об ограничительных мерах имеют общее действие, являются обязательными в полном объеме и подлежат прямому применению во всех государствах-членах.

Как и любые акты Союза, такие регламенты могут быть предметом судебного контроля со стороны Суда ЕС.

Две тысячи четырнадцатый год можно охарактеризовать как знаковый применительно к санкционной политике ЕС. Европейский союз принимает пакет ограничительных мер в отношении Российской Федерации, выступающей для ЕС третьим в мире торговым партнером. Принимая во внимание уровень отношений Россия — ЕС в предсанкционный период, можно отметить, что принятие ограничительных мер в экономической сфере оказалось серьезным вызовом как для России, так и для Европейского союза.

Основная цель данной статьи состоит в изучении правовой природы санкций ЕС против Российской Федерации, процедуры их имплементации, пересмотра, отмены, а также судебного контроля.

В настоящее время мы можем выделить три вида санкций, касающихся России.

Первый вид, который можно обозначить как индивидуальные санкции, касается конкретных граждан и организаций, виновных, по мнению ЕС, в нарушении суверенитета и территориальной целостности Украины. Первый пакет индивидуальных санкций был принят 17 марта 2014 г. Индивидуальные санкции содержат запрет на въезд, выдачу виз, заморозку активов конкретных физических и юридических лиц.

Второй вид санкций представляет собой ограничительные меры в отношении Крыма и Севастополя, которые были приняты 23 июня 2014 г. в ответ на присоединение и полную интеграцию полуострова в состав Российской Федерации.

Третий вид санкций — это, строго говоря, антироссийские экономические санкции, введенные с 31 июля 2014 г., после крушения малазийского «боинга». Указанные санкции могут быть квалифицированы как антироссийские, поскольку их принятие основано на официальном обвинении России со стороны ЕС в кризисе на Украине.

По состоянию на начало декабря 2014 г. Совет ЕС принял около 30 актов, содержащих ограничительные меры в отношении РФ. Все акты Совета, устанавливающие санкции в отношении России, можно условно поделить на две группы: основные и дополнительные. К основным актам относятся решения и регламенты, запускающие тот или иной вид санкций (индивидуальные, санкции против Крыма и Севастополя, экономические). Дополнительные акты — решения и регламенты, посредством которых вносятся изменения и дополнения в основные акты.

Исходя из указанной выше классификации можно выделить следующие основные акты.

1. Решение Совета 2014/145/CFSP от 17 марта 2014 г. [3, р. 16—21] и Регламент Совета (EU) N 269/2014 от 17 марта 2014 г. [4, с. 6—15], которые ввели индивидуальные санкции.

2. Решение Совета 2014/386/CFSP от 23 июня 2014 г. [5, р. 70—71] и Регламент Совета (EU) N 692/2014 от 23 июня 2014 г. [6, р. 9—14], запрещающие импорт продуктов из Крыма и Севастополя, а также любые инвестиции на полуострове.

3. Решение Совета 2014/512/CFSP от 31 июля 2014 г. [7, р. 3—17] и Регламент Совета (EU) N 833/2014 от 31 июля 2014 г. [8, с. 1—11], предусматривающие введение антироссийских экономических санкций.

Все остальные акты (Решение Совета, Имплементационное решение Совета; Регламент Совета; Имплементационный регламент Совета) представляют собой дополнительные акты.

В соответствии с основными принципами, содержащимися в Руководстве по применению ограничительных мер, санкции представляют собой превентивный инструмент, не имеющий характер наказания. Таким образом, ограничительные меры в принципе не могут служить наказанием за те или иные действия. Иными словами, исходя из их природы, ограничительные меры вводятся с тем, чтобы изменить политику или характер деятельности той или иной страны, части страны, правительства, организаций или физических лиц.

Что касается санкционной политики в отношении России, то принятие ограничительных мер было осуществлено без учета данного принципа. С самого начала санкционной политики в отношении РФ было абсолютно очевидно, что ограничительные меры не смогут изменить ее политику. Поэтому санкции вводились не как превентивная мера, а как наказание за действия России в Крыму и на Юго-Востоке Украины, которые — с точки зрения ЕС — нарушают принципы международного права. В частности, указанный вывод следует из преамбулы Регламента Совета (EU) N 833/2014 (параграф 2), в которой сказано: «по этой причине следует признать оправданным принятие дополнительных ограничительных мер с целью увеличения цены действий России по нарушению территориальной целостности Украины, суверенитета и независимости, а также содействия мирному разрешению кризиса». Указанное обоснование демонстрирует то, что главной целью ограничительных мер было не изменение политики России, а ее наказание.

По состоянию на начало декабря 2014 г. санкции Европейского союза в отношении России предусматривали следующие виды ограничений.

1. Ограничение на въезд в ЕС и выдачу виз в отношении определенных физических лиц.

2. Заморозка активов и экономических ресурсов в отношении физических и юридических лиц.

3. Запрет на импорт в ЕС товаров, происходящих из Крыма или Севастополя, а также запрет на инвестиции в указанные субъекты.

4. Запрет на продажу, поставку, передачу или экспорт товаров и технологий для военной и нефтяной промышленности.

5. Запрет на импорт и экспорт вооружения из/в Россию (эмбарго вооружения).

6. Запрет компаниям ЕС предоставлять финансовые услуги российским банкам и другие ограничения в финансовой сфере.

Меры, касающиеся эмбарго вооружений, запрет на въезд в ЕС и выдачу виз подлежат имплементации на национальном уровне. Визовые ограничения реализуются посредством внесения сведений о конкретных гражданах в базу данных Шенгенской информационной системы в соответствии со статьей 26 Регламента Совета и Парламента ЕС № 1987/2006 [9, р. 4—23].

Согласно Руководству по применению ограничительных мер ответственность по внесению запроса о недопуске в Шенгенскую информационную систему возлагается на государство, которое председательствует в ЕС на момент принятия санкций. Это государство также отвечает за дальнейшее внесение необходимых изменений в данный запрос о недопуске или его отмену.

С целью снижения негативных последствий для европейских компаний Совет ЕС включил в текст Регламентов N 833/2014 (статья 11) и N 692/2014 (статья 6) норму, согласно которой установлен запрет на удовлетворение исковых требований физических и юридических лиц к европейским контрагентам в рамках заключенных контрактов, затронутых ограничительными мерами. К тому же в соответствии с положениями указанных выше регламентов в рамках судебного разбирательства бремя доказывания того, что исполнение договора не затрагивается санкциями, возлагается на физическое или юридическое лицо, требующее исполнение данного обязательства. Иными словами, бремя доказывания того факта, что ограничительные меры не запрещают исполнять ту или иную сделку, возлагается не на европейскую компанию, которая ссылаясь на санкции, отказывается исполнять контракт, а на то лицо, которое требует исполнение договора.

Несомненно, такие положения нарушают базовые принципы гражданского права [10].

В соответствии со сложившейся практикой Европейский союз вводит ограничительные меры на определенный период времени или без определения срока, с условием их пересмотра при изменении ситуации. При этом срок действия ограничительных мер устанавливается только в решениях Совета, в регламентах такие сроки не содержатся. В отношении России ограничительные меры были введены на срок от 6 месяцев до 1 года.

Первая группа санкций была введена в соответствии с Решением Совета № 2014/145/CFSP от 17 марта 2014 г. на срок до 17 сентября 2014 г. Решением Совета № 2014/658/CFSP от 8 сентября 2014 г. период действия санкций был продлен до 15 марта 2015 г.

Вторая группа санкций, введенная в отношении Крыма и Севастополя Решением Совета № 2014/386/CFSP, действует до 23 июня 2015 г.

Третья группа экономических санкций введена на срок до 31 июля 2015 г. (Решение Совета № 2014/512/CFSP от 31 июля 2014 г.).

Более того, как сказано в решениях Совета, ограничительные меры должны регулярно пересматриваться с учетом анализа текущей ситуации.

Действующее законодательство ЕС предусматривает возможность оспаривания введенных санкций в судебном порядке.

В соответствии со статьей 263 ДФЕС Суд ЕС проверяет законность законодательных актов и актов Совета. Согласно общему порядку (статья 275 ДФЕС) Суд ЕС не имеет полномочий по проверке законности актов Совета, принятых в рамках общей внешней политики и политики безопасности. Однако указанное правило не распространяется на тре-

бования физических и юридических лиц по пересмотру ограничительных мер. Это означает, что решения и регламенты Совета о введении ограничительных мер могут быть оспорены в судебном порядке по искам физических и юридических лиц, в отношении которых были приняты соответствующие меры. Иными словами, истцами по данной категории дел могут быть компании и граждане, но не Россия как государство, в отношении которого применяются санкции.

В настоящее время ряд российский компаний и физических лиц подали заявления в Суд ЕС о признании недействительными решений Совета о наложении санкций («Внешэкономбанк» против Совета, дело T-737/14; «Газпром нефть» против Совета, дело T-735/14; ВТБ против Совета, дело T-734/14; «Сбербанк России» против Совета, дело T-732/14; нефтяная компания «Роснефть» против Совета, дело T-715/14; Ротенберг против Совета, дело T-720/14 и дело T-717/14).

По указанным выше делам истцами выступают компании и физическое лицо, которые были включены в санкционный список. В соответствии со статьями 263 и 275 ДФЕС правом на подачу иска о признании санкций недействительными обладают также иные лица, если санкции напрямую и индивидуально касаются их. То есть для обращения в Суд лицу, непосредственно не включенному в санкционный список, необходимо доказать, во-первых, что санкции напрямую затрагивают его, и, во-вторых, что санкции имеют индивидуальный характер по отношению к указанному лицу.

Так, в деле Плауманн и С^о против Комиссии [11] Суд пришел к выводу о том, что лица, напрямую не указанные в оспариваемом акте, имеют право на его обжалование в случае, если соответствующий акт затрагивает данное лицо по причине определенных обстоятельств, особенных для этого лица, либо определенных характеристик, отличающих его от всех других лиц и выделяющих его индивидуально таким же образом, как и адресата оспариваемого акта.

Как было отмечено выше, Россия не является первой страной, против которой ЕС ввел ограничительные меры. В настоящее время Судом ЕС сформирована обширная судебная практика по делам об оспаривании санкций. В ряде случаев Суд ЕС соглашался с доводами истцов и удовлетворял требования о признании недействительным решений Совета о применении санкций.

В качестве примеров можно привести дела об оспаривании санкций со стороны иранских компаний: дело T 496/10 «Банк "Меллат" (Bank Mellat, Iran) против Совета» [12] и дело T-565/12 «Национальная иранская танкерная компания (National Iranian Tanker Company) против Совета» [13].

В деле T-496/10 Суд пришел к выводу об отсутствии достаточных оснований для принятия ограничительных мер против заявителя. Более того, Суд посчитал, что Совет в нарушение своих обязательств не разъяснил заявителю (как заинтересованному лицу) доказательств наличия против него обвинений.

В деле T-565/12 Суд пришел к выводу о том, что установление обоснованности выводов о наличии доказательств, выдвинутых против конкретного лица, является обязанностью компетентных властей Европейского союза, а не указанного лица. В конечном итоге Суд посчитал, что материалы дела не содержат доказательств выдвинутых Советом обвинений о том, что деятельность истца контролируется Правительством Ирана, а истец оказывает ему финансовую поддержку. При таких обстоятельствах Суд принял решение о признании недействительными актов Совета, устанавливающих санкции против истца.

Учитывая особенности рассмотренных выше дел, можно утверждать, что приведенные Судом аргументы вряд ли будут применены в российских делах.

Основанием для включения российских компаний в санкционный список стала их тесная связь с государством (доля государства в уставном капитале 50% и более). Среди обстоятельств, обосновывающих принятие ограничительных мер в отношении этих компаний, отсутствует указание на их прямое вовлечение в украинские события. Основной целью включения данных организаций в санкционный список стало нанесение вреда российской экономике.

Принимая во внимание тот факт, что все указанные выше организации — наиболее крупные участники ключевых отраслей российской экономики, в ходе судебного разбирательства Совету будет значительно легче, чем в иранских делах, обосновать причины их включения в санкционный список.

Главные вопросы: почему ЕС считает Россию ответственной за украинский кризис и насколько обоснованы доказательства этого — рассматриваться Судом не будут, поскольку вопросы внешней политики и политики безопасности не входят в компетенцию Суда.

Что касается дела Ротенберга, думается, истец имеет хорошую судебную перспективу. Как указано в решении Совета 2014/508/CFSP от 30 июля 2014 г., Ротенберг обвиняется, во-первых, в том, что он — старый знакомый Путина и его бывший спарринг-партнер по дзюдо, во-вторых, в том, что российские власти способствуют ему в получении выгодных государственных контрактов. В частности, компании Ротенберга получили ряд высокодоходных контрактов в рамках подготовки к Олимпийским играм в Сочи. В-третьих, Ротенберг является акционером ОАО «Гипротрансмост», получившего контракт на разработку технико-экономического обоснования строительства моста в Крым, что способствует интеграции полуострова в Российскую Федерацию и тем самым подрывает территориальную целостность Украины.

Первые две причины внесения Ротенберга в санкционный список в принципе, не могут служить обоснованием применения ограничительных мер в отношении физического лица, поскольку дружба с Президентом России и получение государственных контрактов с точки зрения здравого смысла не могут рассматриваться как противоправная де-

тельность. Что касается третьей причины, связанной с получением контракта на разработку технико-экономического обоснования, то она также малоубедительна. ОАО «Гипротрансмост» — уникальное предприятие с 75-летней историей, и разработку технико-экономического обоснования строительства моста в Крым вряд ли можно рассматривать как нарушение территориальной целостности Украины. Тем более что в силу общих принципов гражданского законодательства акционеры несут ответственность за деятельность общества только в установленных законом случаях. Таким образом, в этом случае можно усмотреть отсутствие достаточных оснований для применения ограничительных мер в отношении заявителя.

В любом случае, независимо от результатов рассмотрения дел об оспаривании антироссийских санкций, указанные дела будут иметь большое значение как в политическом, так и в правовом смысле.

Необходимо отметить, что подготовка санкционного списка была осуществлена в очень сжатые сроки, с использованием открытой и непроверенной информации. В связи с этим качество санкционного списка оказалось на достаточно низком уровне.

К примеру, в Руководстве по применению ограничительных мер сказано, что перечень лиц, в отношении которых применяются санкции, должен включать в себя детальную информацию (имя, в том числе на языке данного лица, псевдоним, дата и место рождения, гражданство, паспортные данные, пол, адрес, место работы и профессия). Санкционный же список, утвержденный Решением Совета 2014/658/CFSP от 8 сентября 2014 г., содержит информацию о конкретных гражданах без указания достаточных данных, позволяющих их идентифицировать (полное имя, дата и место рождения). К примеру, в списке есть следующая информация: Олег Береза, Александр Караман и т. д. Очевидно, что под такие данные может попасть значительное число граждан России, Украины, Беларуси и других постсоветских стран.

Особо отметим ошибку, допущенную в отношении Владимира Жириновского. Разработчики Решения Совета, очевидно, скопировали его данные из Википедии, не разобравшись в них. В результате решение Совета 2014/658/CFSP от 8 сентября 2014 г. содержит следующую информацию: Владимир Вольфович Жириновский, родился 10.06.1964 г. в г. Эйдельштейне, Казахстан. В действительности В.В. Жириновский родился 25.04.1946 г. в Алма-Ате, а Эйдельштейн — это фамилия, которую политик носил до 10.06.1964 г. Ошибка была исправлена только в ноябре 2014 г. в соответствии с Решением Совета № 2014/801/CFSP от 17 ноября 2014 г. [14].

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы.

1. Санкции в отношении России формально были приняты в соответствии с компетенцией ЕС, в рамках установленной процедуры, но при отсутствии достаточных доказательств и на основе субъективных оценок.

2. Санкции в отношении России следует разделить на три группы: индивидуальные; против Крыма и Севастополя; антироссийские экономические санкции.

3. Санкции в отношении России не соответствуют природе ограничительных мер, поскольку являются наказанием, а не средством изменения политики.

4. Санкции в отношении конкретных лиц были приняты при отсутствии достаточного обоснования, без объяснения причин и на основе непроверенной информации.

5. Анализ текущей политической ситуации, а также особенностей принятия санкций позволяет сделать вывод о том, что Европейский союз вряд ли пойдет на досрочную отмену ограничительных мер. Невелики также судебные перспективы российских компаний, попавших в санкционный список. В связи с этим можно предположить, что ограничительные меры в отношении России останутся в силе до истечения срока их действия, соответственно до марта, июня и июля 2015 г.

Список литературы

1. Саргсян А. М. Европейские санкции: от национальных до коллективных // Современная Европа. 2014. № 3.

2. *Guidelines on implementation and evaluation of restrictive measures (sanctions) in the framework of the EU Common Foreign and Security Policy*. Brussels, 15 June 2012. URL: <http://europeansanctions.files.wordpress.com/2013/03/eu-guidelines-on-sanctions-2012.pdf> (дата обращения: 23.09.2014).

3. *Council Decision 2014/145/CFSP of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine* // OJ L 78. 17.03.2014. P. 16—21.

4. *Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine* // OJ L 78. 17.03.2014. P. 6—15.

5. *Council Decision 2014/386/CFSP of 23 June 2014 concerning restrictions on goods originating in Crimea or Sevastopol, in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol* // OJ L 183. 24.06.2014. P. 70—71.

6. *Council Regulation (EU) No 692/2014 of 23 June 2014 concerning restrictions on the import into the Union of goods originating in Crimea or Sevastopol, in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol* // OJ L 183. 24.06.2014. P. 9—14.

7. *Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine* // OJ L 229. 31.07.2014. P. 13—17.

8. *Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine* // OJ L 229. 31.07.2014. P. 1—11.

9. *Regulation (EC) No 1987/2006 of the European Parliament and of the Council of 20 December 2006 on the establishment, operation and use of the second generation Schengen Information System (SIS II)* // OJ L 381. 28.12.2006. P. 4—23.

10. Гудков И. Санкции ЕС в отношении России: неэффективность и незаконность? // Вся Европа. 2014. Вып. 9 (91). URL: <http://www.allegorpa.mgimo.ru/sanktsii-es-v-otnoshenii-rossii-neeffectivnostj-i-nezakonnostj-1> (дата обращения: 25.10.2014).

11. *Judgment* of the Court of 15 July 1963. — *Plaumann & Co. v Commission of the European Economic Community*. — Case 25—62. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61962CJ0025> (дата обращения: 22.09.2014).

12. *Case T-496/10*. Judgment of the General Court (Fourth Chamber) of 29 January 2013. *Bank Mellat v Council of the European Union*. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/SUM/?uri=CELEX:62010TJ0496&qid=1416228906371> (дата обращения: 218.09.2014).

13. *Case T-565/12*. Judgment of the General Court (Seventh Chamber, extended composition) of 3 July 2014. *National Iranian Tanker Company v Council of the European Union*. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:62012TJ0565> (дата обращения: 23.09.2014).

14. *Council Decision 2014/801/CFSP* of 17 November 2014 amending Decision 2014/145/CFSP concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // OJ L 331. 18.11.2014. P. 26—27.

Об авторе

Вадим Валентинович Войников, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: voinicov@yandex.ru

THE EU VS. RUSSIA: LEGAL NATURE AND IMPLEMENTATION OF THE UNION'S RESTRICTIVE MEASURES

V. Voinikov*

* *Immanuel Kant Baltic Federal University*
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on November, 20 2014

The author proposes his take on the EU sanctions against Russia. He aims to understand the legal nature of the EU restrictions, the exact procedure of their implementation, revision, and repeal, as well as their judicial review. To this end, he proposes a system of sanction classification, analyses current EU legislation on the imposition and implementation of sanctions, as well as the case law on the sanction policy.

The author also examines EU sanctions imposed on other countries and compares them to the Russian ones. He thus comes up with the following classification of sanctions against Russia: individual sanctions, those targeted at Crimea and Se-

vastopol, and anti-Russian economic sanctions. He concludes that the EU sanctions against Russia are inconsistent with the legal nature of restrictive measures, since they are a punishment rather than a policy tool.

The author believes that in the current political conditions it may be difficult for the European Union to reach a unanimous agreement to repeal or prolong the sanctions.

This article is inspired by the discussions that took place during the international conference “Russia and the EU: the Question of Trust” held in Luxembourg on November, 28—29 (2014).

Key words: Russia, European Union, restrictive measures, sanctions.

References

1. Sargsyan, A.M. 2014, Evropejskie sankcii: ot nacional'nyh do kollektivnyh [European sanctions: from national to collective], *Sovremennaja Evropa* [Modern Europe], no. 3.
2. *Guidelines on implementation and evaluation of restrictive measures (sanctions) in the framework of the EU Common Foreign and Security Policy*, 2012, Brussels, 15 June, available at: <http://europeansanctions.files.wordpress.com/2013/03/eu-guidelines-on-sanctions-2012.pdf> (accessed 23.09.2014).
3. Council Decision 2014/145/CFSP of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine, 2014, *OJ*, L 78, 17.03.2014, p. 16—21.
4. Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine, 2014, *OJ*, L 78, 17.03.2014, p. 6—15.
5. Council Decision 2014/386/CFSP of 23 June 2014 concerning restrictions on goods originating in Crimea or Sevastopol, in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol, 2014, *OJ*, L 183, 24.06.2014, p. 70—71.
6. Council Regulation (EU) No 692/2014 of 23 June 2014 concerning restrictions on the import into the Union of goods originating in Crimea or Sevastopol, in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol, 2014, *OJ*, L 183, 24.06.2014, p. 9—14.
7. Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine, 2014, *OJ*, L 229, 31.07.2014, p. 13—17.
8. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine, 2014, *OJ*, L 229, 31.07.2014, p. 1—11.
9. Regulation (EC) No 1987/2006 of the European Parliament and of the Council of 20 December 2006 on the establishment, operation and use of the second generation Schengen Information System (SIS II), 2006, *OJ*, L 381, 28.12.2006, p. 4—23.
10. Gudkov, I. 2014, Sankcii ES v otnoshenii Rossii: nejeffektivnost' i nezakonnost'? [EU sanctions against Russia: inefficient, and illegal?], *Vsja Evropa* [All of Europe], no. 9 (91), available at: <http://www.alleuropa.mgimo.ru/sanktsii-es-v-otnoshenii-rossii-neeffectivnostj-i-nezakonnostj-1> (accessed 25.10.2014).
11. Judgment of the Court of 15 July 1963, 1963, *Plaumann & Co. v Commission of the European Economic Community*, Case 25-62, available at: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61962CJ0025> (accessed 22.09.2014).

12. Case T-496/10, 2013, Judgment of the General Court (Fourth Chamber) of 29 January 2013, *Bank Mellat v Council of the European Union*, available at: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/SUM/?uri=CELEX:62010TJ0496&qid=1416228906371> (accessed 21.09.2014).

13. Case T-565/12, 2014, Judgment of the General Court (Seventh Chamber, extended composition) of 3 July 2014, *National Iranian Tanker Company v Council of the European Union*, available at: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:62012TJ0565> (accessed 23.09.2014).

14. Council Decision 2014/801/CFSP of 17 November 2014 amending Decision 2014/145/CFSP concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine, 2014, *OJ*, L 331, 18.11.2014, p. 26—27.

About the author

Dr Vadim Voinikov, Associate Professor, Department of International and European Law, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: voinicov@yandex.ru

УДК 911.3:911.7

ЭФФЕКТИВНЫЕ ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Г. М. Федоров*

В анализе экономико-демографических отношений в регионах РФ преобладает экономический аспект. Между тем количество и качество трудовых ресурсов является одним из важнейших факторов размещения и развития производства. В эксклавной Калининградской области этот фактор должен играть особенно важную роль. Цель исследования — показать во многом решающую роль количества и качества трудовых ресурсов в развитии экономики эксклавной Калининградской области.

В ходе исследования использованы метод передвижки возрастов, сценарные прогнозы формирования и использования трудовых ресурсов, эконометрические расчеты сравнительной эффективности использования рабочей силы в различных видах экономической деятельности.

Результатом исследования стали рекомендации по более эффективному использованию трудовых ресурсов путем реструктуризации отраслевой структуры экономики (которая должна иметь более высокую норму добавленной стоимости и в большей мере соответствовать местным природным, трудовым и инновационным ресурсам) и совершенствования системы подготовки кадров.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, экономическое развитие, экономико-демографические отношения, Калининградская область, реструктуризация экономики

Введение

Взаимоотношение между трудовыми ресурсами и экономическим развитием имеет количественные и

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 20.11.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-1-6

© Федоров Г. М., 2015

качественные аспекты. И в обоих из них взаимоотношение двустороннее. В количественном плане оно заключается в следующем. С одной стороны, с экономическим ростом увеличивается потребность в трудовых ресурсах, и наоборот: с кризисными явлениями в экономике потребность в них снижается. С другой стороны, наличие трудовых ресурсов становится фактором размещения трудоемких отраслей экономики.

В качественном отношении речь идет о требованиях экономики к определенному профессиональному составу и уровню подготовки кадров. Существует и обратная связь: наличие кадров определенного уровня и качества подготовки выступает фактором, способствующим развитию тех или иных отраслей и производств.

Трудовые ресурсы как фактор экономического развития пока учитываются недостаточно. При определении приоритетов регионального развития потребность в них рассматривается в последнюю очередь, причем если в данном регионе их оказывается недостаточно для прогнозируемого количества новых рабочих мест, то предполагается заимствование специалистов из других российских регионов и стран ближнего зарубежья. Тем более слабо учитывается образовательный и профессиональный состав трудовых ресурсов.

Все отмеченные недостатки в полной мере присущи прогнозированию социально-экономического развития Калининградской области. Лишь в последние годы стало обращать внимание на профессиональную структуру подготовки кадров, которая не соответствует потребностям экономики региона и требует серьезного совершенствования.

Для эксклавной Калининградской области экономико-демографическая проблематика, соответствие развития экономики и трудовых ресурсов особенно актуальны, поскольку она не только территориально удалена от других российских регионов, но и имеет трудности в доступности (при наземных перемещениях населения между областью и другими частями страны требуется визовое разрешение других государств). В данной статье делается попытка показать исключительно важную роль трудовых ресурсов как фактора развития экономики региона и наметить пути решения экономико-демографических проблем Калининградской области.

Экономико-демографическое развитие региона с начала 1990-х годов

В 1990-е гг. в России в целом и в Калининградской области в частности определяющим во взаимоотношениях экономики и трудовых ресурсов был глубокий экономический кризис. В Калининградской области прекратилось производство почти во всех отраслях промышленности и основной части сельского хозяйства. Неудачная приватизация уничтожила высокоэффективный рыбопромышленный комплекс области, причем более двух третей ставших объектами частой собственности судов ушли под чужой флаг или были проданы на металлолом. Обанкротились крупные предприятия машиностроения, началась завершившаяся в 2000-е гг. ликвидация предприятий целлюлозно-бумажной промышленности. Больших размеров достигла безработица, размеры

которой возрастали и из-за массового притока мигрантов из стран ближнего зарубежья (сначала из Прибалтики и Закавказья, затем из Казахстана и Средней Азии), а также из восточных районов страны (рис. 1).

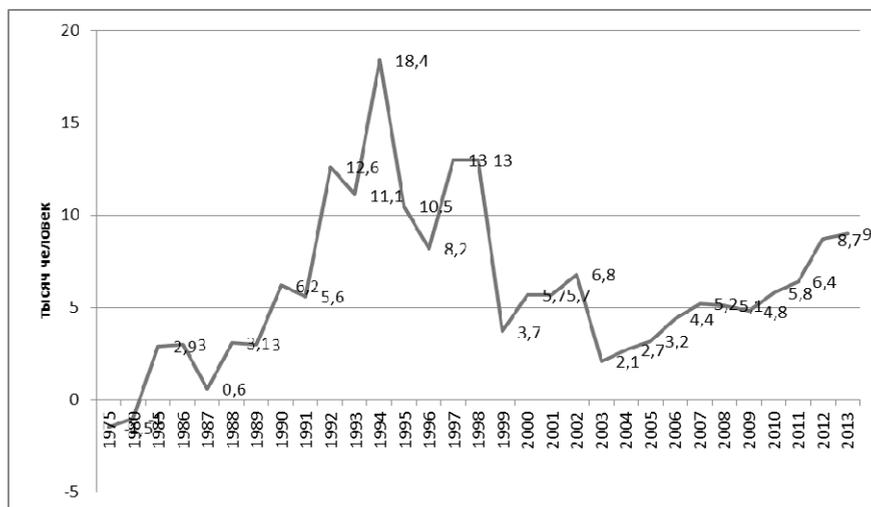

Рис. 1. Миграционный прирост населения Калининградской области, 1975—2013 гг., тыс. человек в год

Составлено автором на основе данных: [4; 8].

Квалифицированные кадры рабочих и служащих с высоким уровнем образования и профессиональной подготовки были вынуждены превратиться в «челноков» и мелких торговцев. В результате образовался исключительно обширный по сравнению с большинством других российских регионов «серый» сектор калининградской экономики, стимулировавшийся и режимом Свободной экономической зоны «Янтарь». Положение о СЭЗ «Янтарь» (1991 г.) [12] первоначально допускало беспошлинный импорт даже подакцизных товаров (переправлявшихся в значительных масштабах и в другие регионы России). Система профессионального образования резко сократила подготовку квалифицированных рабочих в связи с закрытием большинства крупных и средних предприятий или резким сокращением производства на них, развалом колхозов и совхозов, уменьшением объемов строительных работ.

Становление новой экономики Калининградской области происходило после дефолта 17 августа 1998 г., повысившего спрос на российском рынке на товары, произведенные в Калининградской области из импортного сырья и полуфабрикатов, сравнительно дешевые благодаря действию таможенных льгот Закона об ОЭЗ 1996 г. [10]. Этому способствовало и большое количество безработных, существенно сократившееся только в начале 2000-х гг. с ростом численности занятых в экономике благодаря созданию многочисленных импортозамещающих предприятий (рис. 2). При этом в обрабатывающих производствах создавались рабочие места, не требовавшие высокой квалификации кадров.

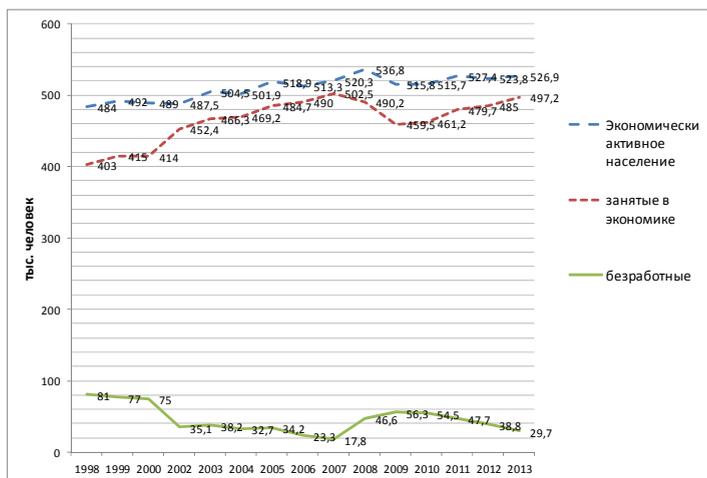

Рис. 2. Динамика некоторых экономико-демографических показателей в Калининградской области, 1998—2013 гг., тыс. человек

Источники: [6—8].

Рост численности занятых и снижение безработицы продолжались вплоть до 2008 г., когда эти процессы были прерваны начавшимся глобальным экономическим кризисом (рис. 3). В 2008 и 2009 гг. число занятых в экономике области сократилось на 43 тыс. человек, а количество безработных возросло на 38 тыс. человек. В 2010—2013 гг. число занятых вновь увеличилось, но так и не достигло уровня 2007 г., число безработных сократилось, но осталось выше уровня 2007 г. В 2014 г. экономическая ситуация вновь стала ухудшаться, занятость — снижаться, а безработица — расти.

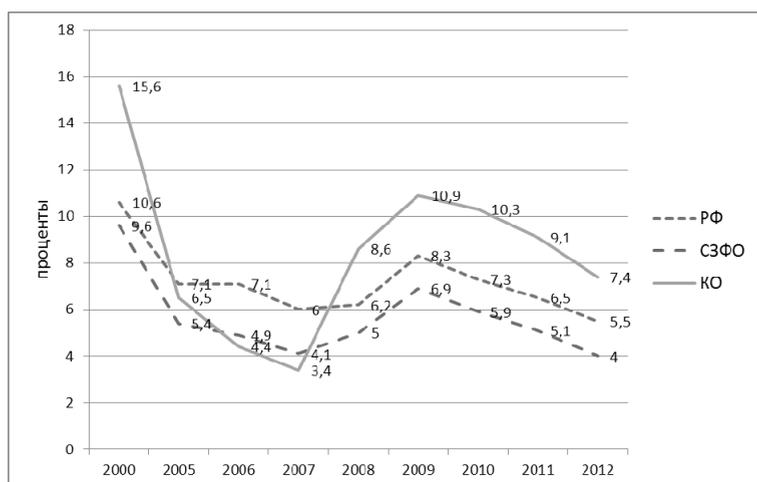

Рис. 3. Динамика уровня общей безработицы в РФ, Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) и Калининградской области (КО), в процентах

Источник: [13].

По сравнению с экономико-демографическими процессами, протекающими в РФ в целом, Калининградская область имеет некоторые отличия. При этом в 2000-е гг., в период экономического роста экономико-демографическая обстановка в Калининградской области (высокая занятость, низкая безработица) улучшается быстрее, чем в среднем по РФ. В 2006—2007 гг. уровень общей безработицы, обычно более высокий, чем в среднем по стране, стал более низким (рис. 3). А в период спада производства (который в Калининградской области был глубже и в 1990-е, и в 2008—2009 гг.), экономико-демографическая обстановка отличается более быстрым сокращением числа занятых в экономике и ускоренным ростом безработицы.

В сравнении со средними показателями по РФ в Калининградской области за 2000-е гг. сформировалась более высокая степень использования трудовых ресурсов в экономике, хотя раньше она была ниже среднероссийской (рис. 4, 5). Отчасти это связано с более благоприятной возрастно-половой структурой трудовых ресурсов региона (благодаря постоянному притоку мигрантов). Второй фактор — более высокие темпы роста числа рабочих мест в экономике регионе.

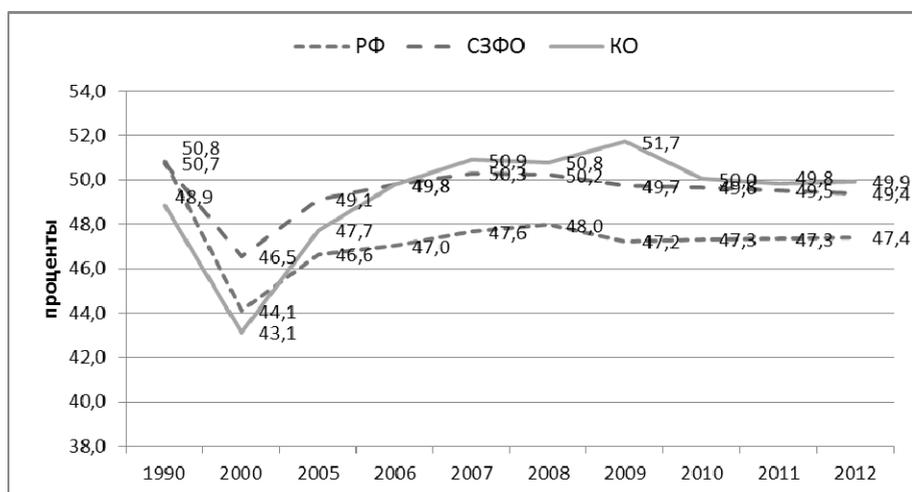

Рис. 4. Численность занятых в экономике в процентах к общей численности населения

Источник: [13].

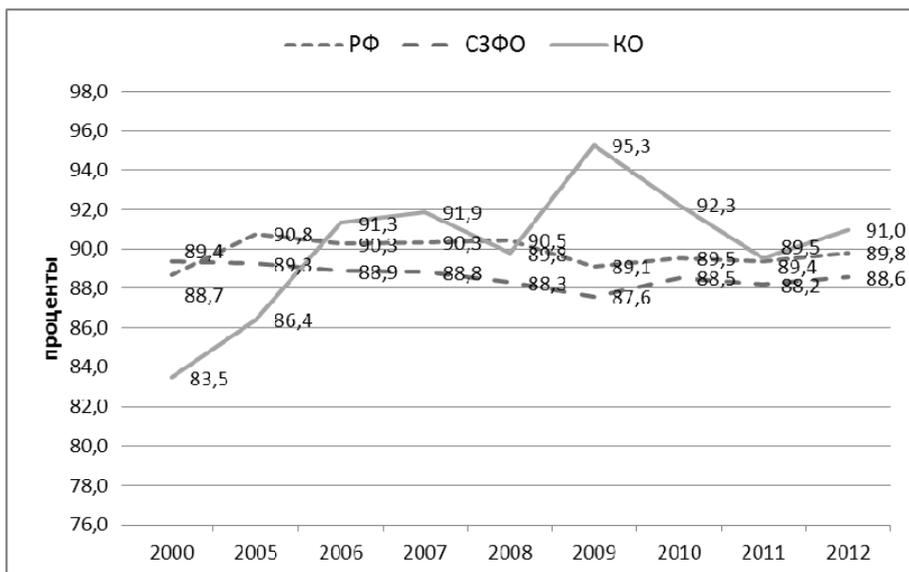

Рис. 5. Численность занятых в экономике в процентах к численности экономически активного населения

Источник: [13].

Современная экономико-демографическая обстановка и экономическое развитие региона

Важнейшая экономико-демографическая проблема 2015—2016 гг. в Калининградской области состоит не только в том, что в результате возникших в экономике РФ в целом трудностей спад производства в регионе окажется, как это уже бывало и ранее, более глубоким. Дело в том, что в 2016 г. прекращает действовать льготный таможенный режим ОЭЗ, введенный в 1996 г., и его составная часть — норматив добавленной стоимости (15 или 30%, в зависимости от вида производимой продукции), при котором выпускаемая в области из импортного сырья и полуфабрикатов продукция признается произведенной в России [11], а поэтому беспошлинно ввозится на основную территорию страны.

Несмотря на действующие льготы, в 2013 г. сумма убытка убыточных предприятий больше, чем сумма прибыли прибыльных предприятий. При этом предоставленные убыточным предприятиям таможенные льготы составляют несколько десятков миллиардов рублей. Сумма их убытков, если они продолжают функционировать без льготного режима, резко возрастет, поэтому большинство таких предприятий оказывается нежизнеспособно. Крайне важно решить, как выйти из критического положения, в котором снова оказывается экономика российского эксклава, окруженного странами ЕС и НАТО, отношения с которыми оставляют желать лучшего, и можно лишь надеяться на улучшение в некотором, неизвестно насколько удаленном, будущем.

До сих пор ключевой вопрос о приоритетах развития Калининградской области формулировался следующим образом: какие отрасли экономики и обрабатывающие производства развивать, чтобы обеспечить наиболее высокие темпы развития региона (выше средних по стране и выше, чем в сопредельных странах) и выйти на уровень жизни соседей по Балтийскому региону? Дискутировалось, что развивать — импортозамещение или экспортное производство; каким путем обеспечить экономическую безопасность региона; насколько нужно усиливать роль калининградских портов в обслуживании российских внешнеэкономических связей; как развивать туризм; сколько требуется привлечь дополнительно переселенцев из других российских регионов и стран ближнего зарубежья и т. п. И решить проблемы устойчивого развития Калининградской области, сильно зависящей от внешних воздействий, не удалось. Поэтому, на наш взгляд, нужно кардинально изменить подход к определению региональных приоритетов. На передний план должны быть выдвинуты вопросы рационального использования природно-ресурсного и трудового потенциала области, задачи создания таких рабочих мест, которые могли бы наиболее эффективно использовать существующий трудовой и научно-образовательный потенциал, добиться высокой фондовооруженности и производительности труда за счет создания инновационной экономики.

С целью выявления наиболее эффективных направлений реструктуризации экономики, обеспечивающих максимальные количественные и качественные параметры использования местных трудовых ресурсов (при минимальном притоке мигрантов), в 2014 г. по заданию Министерства экономики Калининградской области было выполнено специальное исследование [14]. Кроме того, Балтийский федеральный университет им. И. Канта выполняет специальный проект «Создание университетской информационно-аналитической системы поддержки региональных социально-экономических исследований и ее внедрение в научную, образовательную и инновационную деятельность БФУ им. И. Канта», один из разделов которого — «Население и трудовые ресурсы» [5].

Изучение трудовых ресурсов Калининградской области (в контексте демографической ситуации в РФ и Балтийском регионе) [9; 15—17] сопряжены с комплексными исследованиями экономики региона и моделированием ее развития [1—3; 18].

Проведенный в ходе двух указанных научных проектов анализ показал значительные отличия как отраслевого состава экономики Калининградской области по сравнению с Российской Федерацией в целом, так и показателей эффективности различных видов экономической деятельности по сравнению со среднероссийскими показателями. Эксклюзивное положение региона обуславливает отставание его показателей производительности общественного труда (производство валовой добавленной стоимости в расчете на одного занятого) от среднероссийских. Другим негативным фактором является недостаточное соответствие специализации экономики внутренним условиям развития области — имеющемуся природному и трудовому потенциалу, который использу-

ется не в полной мере. Кроме того, не только отдельные предприятия, но и целые производства и виды экономической деятельности не связаны друг с другом; не используются возможности форм территориальной организации производства (специализации и кооперирования, комбинирования производства, формирования межотраслевых кластеров и др.). В результате практически отсутствуют цепочки формирования добавленной стоимости, и ее норма невелика не только у отдельных хозяйствующих субъектов (среди которых преобладают средние, малые и микропредприятия), но и у целых отраслей экономики. Возникшие в 1990-е гг. «импортозамещающие» сборочные производства не требуют от работников высокой квалификации, а производительность труда на преобладающих здесь малых и микропредприятиях с низкой фондовооруженностью чаще всего довольно низкая.

Среди видов экономической деятельности по производству товаров только сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство превосходят среднероссийские показатели производительности общественного труда. Остальные уступают среднему показателю по РФ на 19—27%. В сфере рыночных услуг показатели Калининградской области также ниже среднероссийских. И только в таких нерыночных услугах, как образование и здравоохранение, показатели чуть выше средних по РФ (на 9 и 2% соответственно).

Норма валовой добавленной стоимости в обрабатывающих производствах составляет только 18,4%. Особенно низка она в таких ведущих обрабатывающих отраслях, как производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (16,6%), транспортных средств и оборудования (14,3%). А по производительности общественного труда обрабатывающие производства области уступают среднероссийскому показателю на 21%. При этом год от года наблюдаются большие колебания в производстве различных видов продукции, что говорит о «хрупкости» экономики, ее зависимости от внешних институциональных факторов: режима ОЭЗ, Федеральной целевой программы социально-экономического развития области, субвенций региональному бюджету из бюджета федерального. Происходящие в последние годы, особенно в 2014 г., негативные изменения во взаимоотношениях России с Евросоюзом сказываются на развитии эксклавной Калининградской области, экономика которой сильно зависит от внешнеэкономических связей, особенно отрицательно.

Основная часть обрабатывающих предприятий области работает на общероссийский рынок, используя режим ОЭЗ 1996 г. Пищевая промышленность, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, транспортных средств и оборудования, мебельная промышленность — основные импортозамещающие производства, поставляющие продукцию в другие российские регионы. Пищевая промышленность удовлетворяет также потребности региона, а некоторые ее производства (маслобойная, рыбперерабатывающая) поставляют продукцию на зарубежный рынок. На перечисленные производства приходится более половины численности занятых в обрабатывающей

промышленности и 89 % стоимости отгруженной продукции. Большинство предприятий трех этих производств, а также некоторые предприятия других отраслей могут оказаться убыточными после отмены в 2016 г. части льгот ОЭЗ 1996 г.

Экспортное значение, помимо рыбной продукции и растительных масел, имеет продукция химической промышленности (полиэтилен, химические волокна), металлургического производства (черные и цветные металлы), легкой промышленности (ковры, производимая из давальческого сырья одежда), продукция судостроения — гражданские (транспортные) и военные суда. Общий объем регионального экспорта обычно примерно в 10 раз меньше импорта. В 2013 г. стоимость экспорта товаров предприятиями Калининградской области составила 1,6 млрд долларов, а объема отгруженных товаров собственного производства — 342 млрд рублей. Объем экспорта составил около 15 % по отношению к объему производства промышленной продукции. Однако в стоимость экспорта вошла не только продукция обрабатывающей промышленности, но также добывающих производств и сельского хозяйства. Поэтому реальные объемы производства экспортной продукции по сравнению с ее общим объемом невелики.

На местный рынок поступает часть продукции пищевой промышленности, швейного производства, полиграфическая продукция, отдельные виды оборудования, мебель.

Задачи перехода экономики на инновационный путь развития решаются в Калининградской области крайне медленно. Только 11 организаций региона выполняют научные исследования и разработки, что составляет только 0,3 % от аналогичных предприятий, имеющих в стране (их 3566), а доля исследователей — лишь 0,2 % при удельном весе в численности населения РФ 0,7 %. Доля области в выданных патентах на изобретения также мала — 0,2 %, а в затратах предприятий на технологические инновации — 0,5 %. В 2012 г. созданы три новые технологии (0,2 %). В используемых в РФ передовых технологиях доля области составляет 0,5 %. Инновационная активность предприятий оценивается в 5 %, тогда как в РФ в среднем — 10 %. Объем инновационных товаров и услуг составляет только 0,3 % от их общего количества, тогда как в РФ — 8,0 % [13].

«Проблема 2016 года», имеющая важнейшее значение для импортозамещающих производств, работающих на импортном сырье и полуфабрикатах, стала актуальной для калининградских предприятий пищевой промышленности намного раньше — в 2014 г., после ввода российских ограничений на ввоз сельскохозяйственного сырья из стран ЕС. Вышла на повестку дня и казавшаяся ранее гипотетической проблема продовольственной безопасности региона. Указанные факторы усиливают значение скорейшей реструктуризации обрабатывающей промышленности области, ослабления ее зависимости от внешнего сырьевого рынка и уменьшения материалоемкости производства для того, чтобы снизились объемы транзитных перевозок через территорию Литвы и сократилась доля транспортных затрат в себестоимости продукции.

Ухудшение отношений со странами ЕС ставит под сомнение и масштабные планы роста грузоперевозок из(в) других субъектов РФ через порты Калининградской области. Придется скорректировать планы наращивания транзитных грузопотоков через территорию Литвы и усилить значение паромной переправы Балтийск — Усть-Луга, авиаперевозок. Даже если нынешний кризис будет преодолен достаточно быстро, угроза возникновения ситуаций, близких к нынешней, заставляет думать об обеспечении экономической безопасности российского эксклава.

Недостаточная инновационность производства Калининградской области актуализирует задачи, во-первых, развития центров производства и внедрения инноваций, кооперирующихся с ведущими научными центрами страны, и, во-вторых, создания инновационных наукоемких производств, производящих дорогостоящую и транспортабельную продукцию.

В производстве товаров только сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство по производительности труда превосходят среднероссийские показатели, поэтому агропродовольственный комплекс может стать одним из «полосов роста» калининградской экономики. Местное производство должно заменить привозное сельскохозяйственное сырье во многих пищевых производствах, особенно животноводческих.

Обрабатывающая промышленность, утрачивая часть льгот ОЭЗ 1996 г., должна скорректировать специализацию в сторону производств, более отвечающих региональным условиям. Здесь потребуется межотраслевое перераспределение работников и соответствующая их переподготовка.

Строительство является одним из приоритетных видов экономической деятельности (в том числе в связи с подготовкой чемпионата мира 2018 г. по футболу), но оно требует как роста численности занятых, так и качественного улучшения применяемых строительных технологий, расширения и совершенствования подготовки кадров строительных рабочих и специалистов.

В изменившихся геополитических условиях необходимо пересмотреть концепцию развития транспорта региона с упором не на количественные, а на качественные аспекты роста.

Производство рыночных услуг вряд ли целесообразно специально стимулировать. Однако гостиничный бизнес требует поддержки в связи с необходимостью ввода новых мест для обеспечения потребностей чемпионата мира по футболу 2018 г. Кроме того, нужно способствовать развитию видов туризма, имеющих специфические региональные факторы роста (лечебный, конгрессный, круизный, экологический туризм).

Значительное дополнительное финансирование необходимо для развития нерыночных услуг, особенно инновационной инфраструктуры, внедренческих организаций, поскольку уровень инновационного развития региона крайне низок. Но и такие виды деятельности, как образование и здравоохранение, некоторые показатели развития которых не уступают средним по стране, нуждаются в совершенствовании, поскольку сам среднероссийский уровень недостаточно высок.

Реструктуризация экономики и эффективное использование трудовых ресурсов

Экономический аспект целей и задач регионального социально-экономического развития должен заключаться, прежде всего, в повышении эффективности использования местных трудовых ресурсов, с учетом их уровня профессионального образования и квалификации. То есть должна обеспечиваться, насколько это возможно, максимальная производительность общественного труда на основе высокой фондовооруженности и инновационности производства, что определяет его высокую рентабельность, соответствующую заработную плату сотрудников и отчисления в бюджеты всех уровней. Эффективность использования трудовых ресурсов во многом зависит от долгосрочной востребованности кадров определенного профессионального состава и квалификации (с учетом необходимого ее повышения в соответствии с техническим и технологическим прогрессом). Речь идет о формировании устойчивой к внешним негативным воздействиям и динамичной экономики, создание которой возможно только на основе максимального использования местных факторов размещения и развития производства.

Главными направлениями совершенствования отраслевой структуры и организации деятельности *обрабатывающих производств* в Калининградской области можно назвать, во-первых, уменьшение зависимости от импорта сырья и полуфабрикатов — переход на отечественные, особенно местные их источники. Во-вторых, необходимо увеличение нормы добавленной стоимости обрабатывающих производств как путем более углубленной переработки сырья на отдельных предприятиях, так и, особенно, через формирование цепочек создания валовой добавленной стоимости за счет расширения производственной кооперации, создания межотраслевых кластеров и вертикально интегрированных структур. В-третьих, целесообразно направить финансовые средства, которые ожидается получить из федерального бюджета в качестве компенсации за прекращение в 2016 г. действия положений Закона об ОЭЗ 1996 г., на развитие перспективных направлений специализации обрабатывающей промышленности путем формирования региональных программ поддержки реструктуризации производства. Среди таких направлений:

- поддержка инновационных нематериалоемких производств;
- использование и углубление переработки местного сырья;
- развитие эффективных производств, кооперации и интеграции в агропромышленном секторе;
- формирование рыбопромышленного комплекса;
- становление янтарного кластера;
- формирование кластера автомобилестроения, обеспечивающего рост добавленной стоимости в производстве автомобилей;

— развитие инфраструктуры туризма, углубление его специализации на лечебном и экологическом туризме, на рекреации жителей региона.

Однако система подготовки кадров не обеспечивает регион необходимым количеством рабочих и специалистов по приоритетным направлениям. К тому же совершенно неудовлетворительна структура подготовки кадров по уровням профессионального образования. За 2000—2012 гг. почти в 3 раза сократилась подготовка квалифицированных рабочих, несколько меньше стало выпускаться специалистов со средним специальным образованием. Зато почти в 3 раза увеличилось количество выпускников вузов, а в расчете на 10 тыс. занятых экономике — в 2,7 раза (см. табл.). В результате обеспечивается избыточный уровень высшего профессионального образования, поскольку в экономике не создается соответствующего количества рабочих мест с квалификационными требованиями наличия высшего образования. Эта тенденция характерна и для страны в целом, поэтому Минобразования РФ пытается решить проблему, начиная подготовку в вузах прикладных бакалавров, у которых не менее половины времени на обучение будет посвящено практикам и которые должны будут освоить рабочие профессии. Это, конечно, паллиативная мера, но предполагается, что таким образом вопрос подготовки квалифицированных рабочих и специалистов со средним специальным образованием будет отчасти решен.

**Динамика выпуска квалифицированных рабочих и специалистов,
Калининградская область, 2000—2012 гг.**

Уровень профессионального образования	Выпущено на 10 тыс. занятого населения, человек					
	2000	2005	2009	2010	2011	2012
Квалифицированные рабочие	127	114	72	92	80	46
Специалисты со средним специальным образованием	70	75	73	71	63	63
Специалисты с высшим образованием	62	96	158	160	173	166

Расчеты автора на основе данных [6—8].

Проведенный анализ экономико-демографической ситуации в регионе и выделение приоритетных направлений экономического развития позволили дать рекомендации по совершенствованию структуры отраслевой подготовки кадров. Предлагается открытие новых специальностей подготовки и переподготовки кадров или расширение имеющихся для нужд сельского хозяйства, туризма, янтарной отрасли, инновационных промышленных и обрабатывающих производств, строительства.

Заключение

Трудовые ресурсы Калининградской области используются не вполне эффективно как в количественном, так и в качественном отношении. Количественный аспект состоит в более высоком уровне безработицы, чем в среднем по РФ. Качественный аспект заключается, во-первых, в невысокой производительности общественного труда, характерной для большинства видов экономической деятельности, в том числе обрабатывающих производств. И, во-вторых, в несоответствии подготовки кадров реальным потребностям экономики, что означает повышенные и не всегда оправданные затраты государства на профессиональное обучение, а также несоответствие предъявляемых экономической требований к кадрам их реальному состоянию.

Совершенствование экономико-демографических отношений в регионе должно осуществляться по двум направлениям. Первое из них — приведение системы подготовки кадров в соответствие с современными и перспективными потребностями экономики (для чего требуется научно обоснованный прогноз регионального развития). Второе, еще более важное, направление — совершенствование отраслевой структуры экономики.

Совершенствование отраслевой структуры экономики и соответствующие изменения подготовки кадров в Калининградской области должны осуществляться по следующим направлениям:

- реструктуризация региональной экономики, повышение ее устойчивости к внешним воздействиям и динамичности за счет более эффективного использования местных ресурсов — природных, трудовых, научно-образовательных и инновационных, а также повышения нормы добавленной стоимости и внедрения передовых форм организации и рационального размещения производства;

- развитие трудосберегающих производств, требующих высокой квалификации работников;

- сокращение числа рабочих мест, не предъявляющих значительных требований к квалификации и уровню подготовки кадров за счет внедрения передовой техники и современных технологий;

- более эффективное использование трудовых ресурсов, обеспечение роста вооруженности, производительности труда и экономической эффективности производства;

- совершенствование профессиональной и содержательной подготовки кадров в соответствии с потребностями области (учитывающими рост качества подготовки рабочих и специалистов).

Список литературы

1. Волошенко К.Ю., Кузнецова А.Л. Балансовая модель управления региональным развитием: проблемы и новые возможности для специфических территориальных условий // Региональные исследования. 2014. №3 (45). С. 126—135.

2. Гареев Т.Р., Елисеева Н.А. Модель товарных потоков эксклавного региона: в поисках ренты «переходного периода» Особой экономической зоны // Балтийский регион. 2014. №1 (19). С. 72—90.

3. Гимбицкий К.К., Кузнецова А.Л., Федоров Г.М. Развитие экономики Калининградской области: этапы реструктуризации // Балтийский регион. 2014. № 1 (19). С. 56—71.
4. Демографический ежегодник: 2010 / Калининградстат. Калининград, 2010.
5. Информационно-аналитический портал БФУ им. И. Канта. Экономика и управление. URL: <http://science.kantiana.ru> (дата обращения: 11.11.2014).
6. Калининградская область в цифрах: 2002 / Калининградстат. Калининград, 2002.
7. Калининградская область в цифрах: 2007 / Калининградстат. Калининград, 2007.
8. Калининградская область в цифрах: 2013 / Калининградстат. Калининград, 2014.
9. Кузнецова Т.Ю., Федоров Д.Г. Демографическая дифференциация стран Балтийского региона // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2008. № 1. С. 45—52.
10. Об Особой экономической зоне в Калининградской области: Федеральный закон от 22 января 1996 г. № 13-ФЗ // Российская газета. 1996. 30 янв.
11. Об Особой экономической зоне в Калининградской области : федеральный закон от 10.01.2006 г. № 16-ФЗ // Российская газета. 2006. 19 янв.
12. Положение о свободной экономической зоне в Калининградской области (СЭЗ «Янтарь») : постановление Совмина РСФСР от 25.09.1991г. № 497 // Закон прост. URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/226> (дата обращения: 10.10.2014).
13. Регионы России: социально-экономические показатели. 2013. М., 2013.
14. Сценарный прогноз формирования и использования трудовых ресурсов Калининградской области с учетом сравнительной экономической эффективности различных вариантов развития региона по приоритетным видам экономической деятельности. БФУ им. И. Канта. Госконтракт № 02/2014 от 24 ноября 2014 г. на выполнение НИР.
15. Федоров Д.Г. Экономико-демографический прогноз и перспективы обеспеченности экономики Калининградской области трудовыми ресурсами // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. № 3. С. 53—59.
16. Fedorov G. La region de Kaliningrad, future “couloirs de developpement” // La Resurgence de la Russie? AGIR 2011. № 45. P. 97—110.
17. Fedorov G. The concept of geo-demographic situation and geo-demographic typology of the subjects of the Russian Federation // Shimańska D., Środa-Muravska (ed.). Bulletin of Geography. Socio-economic Series. No 25. Toruń, 2014. P. 101—114.
18. Fedorov G., Korneevets V., Zverev Yu. Kaliningrad oblast of Russia in the transborder region South-Eastern Baltic // Coastal Regions. 2011. N 19.

Об авторе

Геннадий Михайлович Федоров, доктор географических наук, профессор, директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: Gfedorov@kantiana.ru

HUMAN RESOURCE EFFICIENCY AS A DEVELOPMENT FACTOR FOR THE KALININGRAD ECONOMY

G. Fedorov*

* *Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Submitted on November 20, 2014

Various studies of economic and geographical relations in Russian regions often overemphasise the role of economy. However, the quality and quantity of human resources is one of the key factors behind distribution and development of production. Human resources are of even more importance in the Kaliningrad exclave. This paper aims to increase understanding of the role of human resources in the economic development of the Kaliningrad region.

The study uses the cohort component method, scenario-based forecasting of the development and application of human resources, and econometric calculations of the comparative efficiency of human resources application across a range of economic activities.

The author puts forward a number of recommendations for a better application of labour resources through sectoral restructurization of economy (which requires a higher value-added standard and has to be consistent with local natural, human, and innovation resources) and through improvement of the professional training system.

Key words: human resources, economic development, economic and demographic relations, Kaliningrad region, economy restructuring.

References

1. Voloshenko, K.Yu., Kuznetsova, A.L. 2014, Balansovaja model' upravlenija regional'nym razvitiem: problemy i novye vozmozhnosti dlja specificheskikh territorial'nyh uslovij [Balance model of regional development management: challenges and opportunities for specific site conditions], *Regional'nye issledovanija* [Regional studies], no. 3 (45), p. 126—135.
2. Gareev T. R., Yeliseeva N. A. 2014, Commodity flow model for an exclave region: Rent-seeking in the 'transitional period' of the special economic zone, *Balt. Reg.*, no. 1 (19), p. 54—68. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-1-5.
3. Gimbitsky K. K., Kuznetsova A. L., Fedorov G. M. The development of Kaliningrad regional economy: A new stage of restructuring, *Balt. Reg.*, no. 1 (19), p. 41—53. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-1-4.
4. *Demograficheskij ezhegodnik* [Demographic Yearbook]: 2010, 2010, Kaliningrad, 80 p.
5. *Informacionno-analiticheskij portal BFU im. I. Kanta. Jekonomika i upravlenie* [Information Analysis Portal IKBFU. Economics and Management], available at: <http://science.kantiana.ru> (accessed 11.11.2014).
6. *Kaliningradszkaja oblast' v cifrah* [Kaliningrad Region in Figures]: 2002, 2002, Kaliningrad, 331 p.

7. *Kaliningradskaja oblast' v cifrah* [Kaliningrad Region in Figures]: 2007, 2007, Kaliningrad, 238 p.
8. *Kaliningradskaja oblast' v cifrah* [Kaliningrad Region in Figures]: 2013, 2014, Kaliningrad, 53 p.
9. Kuznetsova, T.Yu., Fedorov, D.G. 2008, Demograficheskaia differenciacija stran Baltijskogo regiona [Population differentiation of the Baltic region], *Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University*, no. 1, p. 45—52.
10. *Ob Osoboj jekonomicheskoi zone v Kaliningradskoj oblasti: Federal'nyj zakon ot 22 janvarja 1996 g. №13-FZ* [On the Special Economic Zone in the Kaliningrad Region: Federal Law of January 22, 1996 №13-FZ], 1996, *Rossiyskaya Gazeta*, 30 January.
11. *Ob Osoboj jekonomicheskoi zone v Kaliningradskoj oblasti: Federal'nyj zakon ot 10 janvarja 2006 g. №16-FZ* [On the Special Economic Zone in the Kaliningrad Region: Federal Law of January 10, 2006 №16-FZ], 1996, *Rossiyskaya Gazeta*, 19 January.
12. *Polozhenie o svobodnoj jekonomicheskoi zone v Kaliningradskoj oblasti (SJeZ «Jantar'»)*. *Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 25.09.91 №497* [The position of the free economic zone in the Kaliningrad region (SEZ "Yantar"). Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 25.09.91 №497], 1991, available at: <http://www.zakonprost.ru/content/base/226> (accessed 10.10.2014).
13. *Regiony Rossii: Social'no-jekonomicheskie pokazateli* [Regions of Russia: Socio-economic indicators]: 2013, 2013, Moscow, 990 p.
14. Scenarnyj prognoz formirovaniya i ispol'zovaniya trudovyh resursov Kaliningradskoj oblasti s uchetom sravnitel'noj jekonomicheskoi jeffektivnosti razlichnyh variantov razvitiya regiona po prioritetyim vidam jekonomicheskoi dejatel'nosti. BFU im. I. Kanta [Forecast Models of formation and use of labor resources of the Kaliningrad region, taking into account the relative cost-effectiveness of different options for the development of the region in priority economic activities. IKBFU], 2014, *Goskontrakt № 02/2014 ot 24 nojabrja 2014 na vypolnenie NIR* [Government Contract № 02/2014 of 24 November 2014 on the implementation of scientific research], Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University.
15. Fedorov, D.G. 2010, Jekonomiko-demograficheskij prognoz i perspektivy obespechennosti jekonomiki Kaliningradskoj oblasti trudovymi resursami [Economic and demographic outlook and the prospects for the economy of the Kaliningrad Region Human Resource], *Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University*, no. 3, p. 53—59.
16. Fedorov, G. 2011, La region de Kaliningrad, future “couloirs de developement”, La Resurgence de la Russie? *AGIR*, no. 45, Fevrier, p. 97—110.
17. Fedorov, G. 2014, The concept of geo-demographic situation and geo-demographic typology of the subjects of the Russian Federation. In: Shimańska, D. and Środa-Muravska, (ed.) *Bulletin of Geography., Socio-economic Series*, no. 25, p. 101—114. DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/BGSS.2014.032>.
18. Fedorov, G., Korneevets, V., Zverev, Yu. 2011, Kaliningrad oblast of Russia in the transborder region South-Eastern Baltic, *Coastal Regions*, no. 19, 68 p.

About the author

Prof. Gennady Fedorov, Director of the Institute of Nature Management, Spatial Development, and Urban Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: Gfedorov@kantiana.ru

**СОЦИАЛЬНОЕ
СОДЕЙСТВИЕ:
КАЛИНИНГРАДСКАЯ
ОБЛАСТЬ И РЕГИОНЫ
ОСНОВНОЙ ЧАСТИ
РОССИИ**

П. Б. Торопов*

Н. В. Самсонова*

Рассматривается понятие «социальное содействие» как возможный элемент основы консолидации общества России в период социального реформирования.

Представлены результаты эмпирических исследований уровня и особенностей компетентности в социальном содействии в качестве способности применения специфического круга знаний, системы умений, а также успешности действий на основе опыта в совершенствовании условий развития общества, проведенных в 2012—2013 гг. на территории Калининградской области.

Данные получены в ходе обследования более 400 респондентов с помощью авторской шкальной методики КСС-100, в структуре которой отражены восемь основных элементов компетентности, и формализованного для уточнения понимания объекта исследования и отношения к нему; сравниваются с результатами аналогичного исследования в двух сходных по ряду условий регионах центральной части России.

Результаты свидетельствуют о дисгармоничной, противоречивой структуре компетентности в социальном содействии, невысокой мотивации просоциальной активности молодежи, узости спектра представлений о направлениях возможной активности личности в существующих условиях. Обнаружены гендерные различия в уровне и структуре компетентности.

Предполагается, что некоторые различия в составляющих компетентности, доказанные с помощью математических методов, связаны с географическими особенностями Калининградской области — эксклавностью, относительно небольшими размерами и близостью к странам Европейского союза. Указывается, что имеющиеся на своеобразной территории Российской Федерации условия способствуют формированию

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
236041, Россия,
Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 14.10.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-1-7

© Торопов П. Б., Самсонова Н. В., 2015

особенностей мотивации, форм и направлений активности, структуры опыта, которые должны быть учтены при выборе средств и методов организации активности молодежи и могут использоваться в качестве основы для разработки региональной молодежной политики.

Ключевые слова: социальное содействие, методика КСС-100, особенности в компетенции у молодежи региона

Проблема политического единства и совместного решения социально значимых проблем общества продолжает быть актуальной в современных социально-экономических и политических условиях.

Просоциальная активность личности как проявление политического единства и совместного решения социально значимых проблем давно и широко исследуется как в России, так и за рубежом [1; 4]. Однако в доступной нам литературе не описана такая его составляющая, как совместная просоциальная деятельность, направленная на решение глобальных социально значимых проблем.

Несмотря на обсуждение названной проблемы в философии, социологии, психологии и педагогике, практические наработки в России в этой области в основном относятся к периоду становления новой советской педагогики (А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский и др.) и педагогики периода расцвета социализма (И.П. Иванов, Ф.Я. Шапиро, А.В. Мудрик и др.). За рубежом, несмотря на негативную окраску понятия «коллективизм», интерес к нему не угасал как в XX в. (Х. Триандис, Г. Хофстейд и др.) [5; 8], так и в наше время (Д. Ньюман, Р. ЛеФевр) [6; 7] — правда, больше в сфере философии и культурологии.

Явление просоциальной активности личности в группе можно назвать «социальное содействие». Социальное содействие — это инициативная, совместная, осознаваемая как ценность, систематическая, результативная активность, направленная на общественные интересы — совершенствование общественных отношений и условий развития цивилизации [3].

Под компетенцией в социальном содействии мы понимаем способность в ходе коллективных действий применять определенный круг знаний, систему умений, а также успешность действий на основе практического опыта в совершенствовании общественных отношений и условий развития общества (цивилизации).

Значение социального содействия, а следовательно, и компетенции в нем трудно переоценить в обществе, ищущем новые скрепляющие ценности и принципы и осознающем в качестве препятствий развития индивидуализм и потребительство.

Цели и задачи

Целью нашего исследования в 2012—2013 гг. было выявление уровня и особенностей компетенции в социальном содействии молодых россиян.

В качестве задач были определены следующие.

1. Оценить уровень сформированности компетенции в социальном содействии у молодежи.
2. Выявить особенности структуры компетенции в социальном содействии у молодежи Калининградской области.
3. Рассмотреть теоретические возможности связи особенностей компетенции в социальном содействии молодежи Калининградской области с геополитическими условиями региона.

Методическое обеспечение

Нами применялся метод тестирования в сочетании с интервью для глубинной интерпретации результатов. Использование данного комплекта методик представляется нам целесообразным в эмпирическом исследовании, поскольку даёт полную картину компетенции молодежи в социальном содействии и стандартизированные данные, необходимые для сравнения с помощью математических методов, а также позволяет объяснить некоторые наиболее сложные для интерпретации результаты.

Для тестирования нами была использована методика КСС-100. В основе опросника лежат шкалы Р. Лайкерта для самооценки согласия респондента с предложенными положениями. Структура опросника совпадает со структурой компетенции в социальном содействии, разработанной одним из авторов статьи. Она включает восемь элементов (шкал): осведомленность о глобальных проблемах цивилизации, мотивы социального содействия, ценности-цели личности, опыт социального содействия и его оценка, личностные особенности и амбициозность как потенциал активности, намерение и решимость к социальному содействию, а также направленность на партнерство в просоциальной деятельности.

Уровни сформированности компонентов компетенции являются результатами стандартизации методики в 2012 г. [3].

Исследование проводилось индивидуально и в малых группах, в первой половине дня, в нормальных для выборки условиях. Несмотря на значительный объем опросника, проблем с проведением опроса не было. Ответы на вопросы респондентов сняли некоторые сложности в понимании способов заполнения разделов 1 и 2 методики. Время заполнения соответствовало требуемому и составляло до 30 минут.

Формализованное интервью состояло из трех подготовленных вопросов и дополнительных наводящих вопросов, связанных с ответами респондента. Целью первых из них было уточнение понимания содержания методики, выявление отношения к социальному содействию как к поведению в современных условиях и конкретизация возможных проблем при работе с методикой. Последующие вопросы позволяли самому респонденту увидеть противоречия и проанализировать полученные результаты. При их анализе использовались возможности пакета обработки данных Microsoft Excel.

Выборка исследования

В исследовании приняли участие около 400 респондентов — юноши и девушки 19—25 лет ($M=19,5$), проживающие как в городах, так и в сельской местности. Почти две трети респондентов — девушки. Неполное высшее образование имеют более 88%. Исследование проводилось в городах Калининград, Смоленск и Рязань с сентября 2012 по сентябрь 2014 г. При этом респонденты в Смоленске и Рязани рассматривались в качестве контрольной группы.

Несмотря на гендерную смещенность, выборку можно считать репрезентативной для социальной группы учащейся молодежи (студенчество).

Результаты исследования

В ходе решения *первой задачи* были получены следующие данные.

Уровень осведомленности о глобальных проблемах, которые могут негативно сказаться на развитии цивилизации, в целом низкий. В основном респонденты указывали экологические, экономические проблемы, а также этнические и межкультурные конфликты. Практически не представлены в сознании молодежи проблемы, связанные с низкой личной эффективностью, индивидуализмом и отсутствием просоциальных жизненных целей.

Почти все респонденты (более 95%; здесь и далее при доверительной вероятности 99% доверительный интервал $\pm 2,8\%$) в качестве мотивов социального содействия видят социальные и познавательные мотивы.

Жизненная цель у респондентов выражена, однако выявлены достоверные различия по этому показателю между мужчинами и женщинами. У мужчин цель связана с решением глобальных проблем и часто рассматривается как основная (миссия). У женщин целеполагание более рассеяно, связано с решением личных проблем и далеко не у всех выражено в качестве миссии. Как у мужчин, так и у женщин уровень целеполагания высокий, при этом оно направлено на достижения и изменения общества.

Подавляющее большинство респондентов имеют незначительный опыт в социальном содействии, а удовлетворенность от него — невысокую. Среди форм опыта преобладают общественная активность и защита прав и свобод.

Для респондентов свойственны: средний уровень социетизма; достаточно высокий уровень уверенности в своих силах; высокий уровень эмпатии и самостоятельности. Однако степень развития таких социально-психологических характеристик, как взаимное доверие, социальная ответственность и амбициозность, невысока.

Предпочитаемая активность находится на уровне города или региона.

Степень готовности к социальному содействию в целом высока. Респонденты положительно относятся к конкретному поведенческому акту, однако не чувствуют понимание и поддержки окружающих.

Уровень решимости реализовать намерение в целом также высок. У респондентов высока способность обращать внимание на других и видеть их проблемы, понимать ситуацию как критическую и требующую вмешательства, однако они не всегда готовы взять на себя ответственность за помощь и содействие. Респонденты считают, что не обладают специальными знаниями (опытом) для оказания помощи и не способны игнорировать возможные негативные последствия для себя.

Нами ранее было выявлено [2], и данный опрос также показал, что у большинства (почти 70%; доверительный интервал $\pm 6,8\%$) существует противоречие в структуре готовности к социальному содействию и решимости на конкретный поступок.

Применяемая методика дала слабо выраженное разделение выборки на респондентов с высокой направленностью на партнерство (около 60%; доверительный интервал $\pm 7,1\%$) и не имеющих такой направленности.

Выводы и обсуждение результатов

Общий показатель компетентности в социальном содействии у половины респондентов (53%; доверительный интервал $\pm 7,4\%$) оптимальный, неустойчивый. У 21% (доверительный интервал $\pm 6\%$) — продвинутый, устойчивый; и лишь у 17% (доверительный интервал $\pm 5,6\%$) — высокий, направленный. Менее 10% респондентов показали уровень очень высокий и акцентуированный, однако большая часть из них при интервью проявили себя как «желающие обратить на себя внимание» или выделиться в группе. В результате менее 5% респондентов соответствовали уровню «очень высокий и акцентуированный». Но именно эти представители молодежи, по отзывам преподавателей и коллег, действительно проявляли в очень высокой степени качества, заложенные в основание идеи опросника.

Как сказано выше, у значительной части респондентов проявляются пять противоречий.

Первое отражено в низких показателях по шкале «Информированность о глобальных социальных проблемах», но высоких показателях при оценке значимости этих проблем. Это можно объяснить повышенной эмоциональностью и стремлением дать социально одобряемый ответ при оценке проблем, которые достаточно часто обсуждаются в средствах массовой информации. С другой стороны, это может быть результатом воспитательного воздействия, вследствие которого у личности сформирована установка на положительную оценку просоциальных поступков. Однако в связи с низким уровнем информированности о проблемах эта установка остается нереализованной.

Второе противоречие заключается в сочетании положительной мотивации просоциальной активности и низкого уровня опыта такой деятельности. В ходе интервью данное противоречие часто объяснялось отсутствием знаний о спектре возможной активности и условий для проявления желаний. С точки зрения результативности системы воспитания такие итоги могут быть следствием ее теоретической направленности с небольшими возможностями реализации закладываемых ценностей.

Третье противоречие обусловлено высокой степенью уверенности в своих силах, эмпатии и самостоятельности и одновременно низким уровнем взаимного доверия, социальной ответственности и амбициозности. Возможно, высокие показатели связаны со статусом респондентов: все они — студенты вузов, причем получают профессии, связанные с общением между людьми (педагоги, психологи, социологи). Низкий уровень доверия можно объяснить некоторой профессиональной деформацией, связать с пониманием людей и возможностью манипуляции ими в процессе общения, а также профессиональной готовностью к менеджменту в сфере образования или к психологической поддержке клиента. При этом низкие показатели по амбициозности и социальной ответственности можно считать недостатком в профессиональном воспитании. Молодежь с такими показателями достаточно исполнительна, но малоинициативна и не принимает на себя полной ответственности за результаты профессиональной деятельности.

Четвертое противоречие имеет место в готовности к социальному содействию: респонденты положительно относятся к конкретному проявлению содействия, однако не чувствуют понимания и поддержки в социуме. Это резко снижает проявление просоциального поведения в реальности, в том числе в группе при решении глобальных социальных проблем. Причина этого скрыта, на наш взгляд, в продолжающем существовать разрыве систем воспитания в государственных учреждениях и семье, в использовании подростками одновременно двух систем ценностей: поощряемую и предлагаемую государством и реализуемую на практике в семье.

Пятое противоречие частично связано с четвертым и находит свое отражение в решимости реализовать намерение быть активными: респонденты готовы к активности, но не готовы к ответственности и обращают значительное внимание на возможные негативные последствия для себя. Именно преувеличение негативных последствий, ожидание негативной реакции общества в целом и семьи в частности приводят к снижению решимости в социальном содействии, социальному пессимизму.

Повышенная направленность на партнерство может быть объяснена особенностями выборки — как возрастными особенностями, так и постоянным взаимодействием, нахождением в учебных группах.

Необходимо отметить, что ни у одного из испытуемых не был получен гармоничный профиль, что подчеркивает наличие противоречий в социальном содействии как цивилизационной компетенции.

В ходе решения *второй задачи* нами были рассмотрены различия в выборках, обусловленные местом проживания — анклав Российской Федерации Калининградская область (первая группа респондентов) и основная территория России (вторая — контрольная — группа).

Для выявления достоверных различий применялся t-критерий Стьюдента, так как распределение признака в выборке близко к нормальному (асимметричность незначительна, а эксцесс близок к 0).

Нами не зафиксированы различия в степени мотивации, амбициозности, социальной ответственности. В готовности обеих групп домини-

руют представления о легкости реализации просоциальных задач, а по шкале «решимость» очень близкие показатели у социальной наблюдательности и социальной эмпатии.

По уровню осведомленности о глобальных (цивилизационных) проблемах достоверных различий между группами не найдено (даже при $p = 0,05$). Но необходимо отметить: несмотря на то, что уровень информированности достоверно не отличался, спектр глобальных цивилизационных проблем, указанных калининградцами, был несколько шире. Молодежь Калининграда чаще называла проблемы, связанные с защитой прав и свобод, пассивностью и личностной эффективностью. В то время как представители контрольной группы чаще обращали внимание на экологические проблемы, проблемы межкультурных конфликтов и бедности.

Нами были обнаружены достоверные различия ($p = 0,01$) в личностных целях респондентов. Калининградская молодежь более ориентирована на одну глобальную цель в жизни, при этом у нее выше осознание собственной миссии, сильнее выражены направленность на совершенствование мира и чувство гордости за собственные поступки. Эти показатели нельзя назвать высокими, однако они достоверно превышают такие же показатели молодежи контрольной группы.

При $p = 0,05$ обнаружены различия в уровне опыта социального содействия и отношения к нему. У калининградцев он несколько выше. Среди форм опыта преобладают общественная активность и защита прав и свобод.

Среди личностных особенностей калининградцев ярче выражены социетизм, уверенность в собственных силах, самостоятельность, взаимное доверие и направленность на партнерство.

В шкалах готовности к социальному содействию и решимости реализовать намерения противоречия у молодежи Калининградской области выражены менее сильно. При этом калининградцы больше чувствуют понимание и поддержку окружающих. Они чаще интерпретируют ситуацию как критическую и требующую вмешательства, однако, как и представители контрольной группы, не хотят брать на себя ответственность за помощь и содействие.

Мы думаем, что выявленные сходства в результатах, показанных разными группами, в большой степени объясняются воздействием и ограничениями системы образования (содержанием учебных программ) и воспитания (направленностью на формируемые ценности — индивидуальные и национальные).

Выявленные же различия, по нашему мнению, связаны с геополитическим положением Калининградской области.

Эксклавный статус региона, его малые, по сравнению с общей территорией России, размеры, возможность посещения приграничных государств (Литвы, Польши) приводят к более широкой идентичности молодых калининградцев, что выражается в принятии глобальных проблем цивилизации и рассмотрении их как более близких.

Окружение региона странами, подчеркивающими на политическом уровне свою независимость и принадлежность к иному геополитическому блоку, вызывает у населения склонность к формированию груп-

пы «мы» в сравнении с группой «они», идейному единению и желание проявлять его в совместной деятельности. Это выражено в приоритетах регионального и глобального уровня активности у калининградской молодежи. В связи с малыми размерами области большинство социальных проектов — региональные, т.е. они охватывают всю ее территорию и рассматриваются молодежью как близкие к глобальным.

Надо отметить, что в связи с ограниченностью территории Калининградского региона все имеющиеся здесь социальные, экономические и политические проблемы становятся более заметными, активнее комментируются в СМИ, что приводит к общему пониманию проблем и некоторому единству подходов к их решению.

Результаты исследования позволяют предположить, что различия связаны именно с местом проживания респондентов. Полученные данные могут быть использованы при формировании молодежной политики на уровне региона и проведении воспитательной работы в учреждениях сферы образования.

Список литературы

1. Гольцова Т.В. Исследования просоциального поведения детей в зарубежной психологии // Актуальные проблемы педагогики и психологии : сб. науч. тр. Орёл, 2004. С. 27—30.
2. Торопов П.Б. Исследование установки на социальное содействие: методы и методики // Социальное содействие: опыт без границ. 2013. №1. Калининград, 2014. С. 66—76.
3. Торопов П.Б. Социально-правовая компетенция: подходы к измерению // Социальное содействие: опыт без границ. 2012. №3. Калининград, 2013. С. 59—63.
4. Hastings P. D., Utendale W. T., Sullivan C. The Socialization of Prosocial Development // Handbook of Socialization: Theory and Research / ed. by J. E. Grusec, P. D. Hastings. The Guilford Press, 2008.
5. Hofstede G. Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills, CA, 1984.
6. LeFebvre R., Franke V. Culture Matters: Individualism vs. Collectivism in Conflict: Decision-Making // Societies. 2013. №3. P. 128—146.
7. Newman D. G. Value Collectivism, Collective Rights, and Self-Threatening Theory // Oxford Journal of Legal Studies. 2013. Iss. 1.
8. Triandis H. C., Bontempo R., Villareal M. J. et al. Individualism and Collectivism: Cross-Cultural Perspectives on Self-Ingroup Relationships // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. Vol. 54, No 2. P. 323—338.

Об авторах

Павел Борисович Торопов, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и социальной работы, Институт социально-гуманитарных технологий и коммуникации, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: toropov.pavel@gmail.com

Надежда Владиславовна Самсонова, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры и спорта, Институт рекреации, туризма и физической культуры, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: nsamsonova@kantiana.ru

SOCIAL FACILITATION: THE KALININGRAD REGION AND RUSSIAN MAINLAND REGIONS

P. Toropov*

N. Samsonova*

** Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Submitted on October 14, 2014

The authors look at the concept of social facilitation as a possible component of Russian social consolidation in the course of social reforms. The article focuses on the results of an empirical study of the levels and characteristics of competence in social facilitation, which is here understood as the ability to apply certain knowledge and systems of skills and as a success rate of actions based on experience in improving the conditions of social development. The study was conducted in the Kaliningrad region in 2012—2013. The data was obtained through a survey of 400 respondents using the authors' methodology encompassing eight basic elements of competence and a structured interview aimed at a better understanding of the subject of the study and attitudes towards it. The data is compared against the results of a similar study in two regions of central Russia with similar conditions.

The results suggest a disharmonic and inconsistent structure of competence in social facilitation, low motivation for social activity in youth, and a narrow range of ideas about possible areas of personal activities in the current conditions. Gender differences are identified in the level and structure of competence.

The authors believe that certain differences in competence components identified through mathematical methods are determined by the geographical characteristics of the Kaliningrad region — its exclave nature, a relatively small territory, and proximity to the EU countries. It is stressed that the regional conditions affecting motivation, forms and areas of activities, and structure of experience should be taken into account in selecting means and methods of organising youth activities. They can also serve as a basis for the regional youth policy.

Key words: social facilitation, methodology, regional characteristics of competence in youth.

References

1. Goltsova, T. V. 2004, Issledovanija prosocial'nogo povedenija detej v zaru-bezhnoj psihologii [Studies prosocial behavior of children in foreign psychology], *Aktual'nye problemy pedagogiki i psihologii* [Actual problems of pedagogy and psy-chology], Orel, p. 27—30.
2. Toropov, P. V. 2013, Issledovanie ustanovki na social'noe sodejstvie: metody i metodiki [The study setting for social assistance: methods and techniques], *Social'noe sodejstvie: Opyt bez granic* [Social assistance: Experience Without Borders], no. 1, Kaliningrad, p. 66—76.
3. Toropov, P. V. 2012, Social'no-pravovaja kompetencija: podhody k izmere-niju [Social and legal competence: approaches to measuring], *Social'noe sodejstvie: Opyt bez granic* [Social assistance: Experience Without Borders], no. 3, Kalinin-grad, p. 59—63
4. Hastings, P. D., Utendale, W. T., Sullivan, C. 2008, The Socialization of Pro-social Development. In: Grusec, J. E., Joan E. Grusec and Paul D. Hastings, P. D. (eds.), *Handbook of Socialization: Theory and Research*.
5. Hofstede, G. 1984, *Culture's consequences: International differences in work-related values*, Beverly Hills, CA, Sage Publications.
6. LeFebvre, R., Franke, V. 2013, Culture Matters: Individualism vs. Collectivism in Conflict: Decision-Making, *Societies*, no. 3, p. 128—146.
7. Newman Dwight G. Value Collectivism, Collective Rights, and Self-Threatening Theory. University of Saskatchewan College of Law. September 15, 2012. *Oxford Journal of Legal Studies*, Issue 1, 2013.
8. Triandis, H. C., Bontempo, R., Villareal, M. J., Asai, M., Lucca, N. 1988, In-dividualism and Collectivism: Cross-Cultural Perspectives on Self-Ingroup Relation-ships, *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 54, no. 2, p. 323—338.

About the authors

Dr Pavel Toropov, Associate Professor, Department of Psychology and Social Work, Institute of Social and Humanities Technology and Communication, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: toropov.pavel@gmail.com

Prof Nadezhda Samsonova, Department of Theory and Methodology of Physi-cal Education and Sport, Institute of Recreation, Tourism and Physical Education, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: NSAMSONOVA@kantiana.ru

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 911.3:911.7

**ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ
РАЗВИТИЕ
ПРИБАЛТИЙСКО-
ФИНСКИХ НАРОДОВ,
РАЗДЕЛЕННЫХ
ГОСУДАРСТВЕННЫМИ
И АДМИНИСТРАТИВНЫМИ
ГРАНИЦАМИ
(НА ПРИМЕРЕ
КАРЕЛ, ВЕПСОВ И СЕТУ)**

А. Г. Манаков*
Н. К. Теренина*

Этнокультурное многообразие России является не только важной составляющей ее исторического наследия, но и значимым ресурсом развития страны. Тем не менее ряд этносов сейчас находится под угрозой исчезновения. Цель исследования — изучение влияния динамики государственных и административных границ на территориальное и связанное с ним демографическое развитие малочисленных этносов. В качестве примера в статье рассмотрены три прибалтийско-финских народа, проживающих в северо-западной части России и ныне разделенных границами разного уровня: карелы (Финляндия, Республика Карелия, Ленинградская и Тверская области), вепсы (Республика Карелия, Ленинградская и Вологодская области) и сету (Эстония и Псковская область). Проведенный анализ опирается на картографические и статистико-демографические материалы, а также на итоги комплексной экспедиции, состоявшейся летом 2014 г. в Печорском районе Псковской области. Результаты исследования свидетельствуют об ускорении ассимиляции народов, оказавшихся разобщенными как по причине миграции, так и вследствие разделения их этнической территории политическими границами. Итоги исследования позволяют дать ряд рекомендаций и скорректировать направленность мероприятий по сохранению языка и культуры малочисленных народов Северо-Западной России.

* Псковский государственный университет.
180000, Россия,
г. Псков, пл. Ленина, 2.

Поступила в редакцию 15.11.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-1-8

© Манаков А. Г., Теренина Н. К., 2015

Ключевые слова: этническая территория, миграция, границы, карелы, вепсы, сету

Изучение территориального развития малочисленных этносов — достаточно важная научная задача, нацеленная на понимание механизмов этнического развития и напрямую связанная с проблемой сохранения этнокультурного разнообразия России. Сравнительно недавно в географической науке появилось понятие «географически (территориально) разобщенный этнос». К категории разобщенных этносов относятся те, у которых по какой-либо причине связи между их частями сильно ослаблены, и этническое развитие этих частей идет относительно автономно [1].

Разобщенность этносов может возникать как по причине миграции представителей этноса и формирования на новом месте нескольких сравнительно обособленных субэтносов, так и вследствие разделения этноса на части государственными и административными границами. Во втором случае этнос остается на своей этнической территории, но этнокультурное развитие его частей, оказавшихся по разные стороны границы, идет по-разному в зависимости от ряда факторов.

Историческая судьба рассмотренных нами ниже прибалтийско-финских народов, проживающих на севере Европейской России (карел, вепсов и сету), сложилась таким образом, что территория их расселения оказалась разделенной границами разного уровня. В итоге внутри территорий расселения народов образовались относительно обособленные ареалы. Следствием географической разобщенности этих этносов стало формирование внутри них субэтносов, некоторые из которых теперь находятся под угрозой исчезновения.

Карелы относятся к северной группе прибалтийско-финских народов и родственны по языку соседним финнам. Верующие карелы, в отличие от финнов, принявших в шведский период своей истории лютеранство, исповедуют православие.

Существует множество вариантов самоназвания карел: *каръялайзет* (общее), *каръялани* (в Карелии; соответствует носителям основного диалекта карельского языка, наиболее близкого к финскому языку), *лингвиляйне*, *ливвикей* (близ Ладожского озера; соответствует носителям ливвиковского диалекта карельского языка), *лююдилане*, *лююдикей* (близ Онежского озера; соответствует носителям людиковского диалекта) [1].

Численность карел в России, согласно переписи населения 2010 г., составляет 60,8 тыс. [4], три четверти из них (45,6 тыс.) проживает в Республике Карелия. Кроме того, большая группа карел (7,4 тыс., или 12% карел России) живет в Тверской области. Здесь они называют себя «тверскими карелами» (*tverin karielazet*).

Карелы сформировались в первой половине I тысячелетия н. э. на основе аборигенного населения юга современной Карелии и юго-востока Финляндии. «Корела» русских летописей к IX в. заселяла северное и северо-западное побережье Ладожского озера (Карельский перешеек) [5]. На рубеже I—II тысячелетий н. э. происходило интенсивное взаимодействие карельских и финских племен на юго-востоке современной Финляндии. Именно в это время от карел отделилось племя ижора, что рассматривается как факт наличия к тому времени карельского племенного объединения [6].

В ходе своего расселения в восточном направлении карелы смешались с предками вепсов (племенами веси). В наше время на северо-восточном побережье Ладожского озера и на Олонецком перешейке распространен *ливвиковский диалект* карельского языка, образовавшийся в результате вепско-карельского контакта. Карелы, проживающие к западу от Онежского озера, говорят на *людиковском диалекте* (рис. 1). Многие исследователи считают, что этот диалект также имеет вепскую основу.

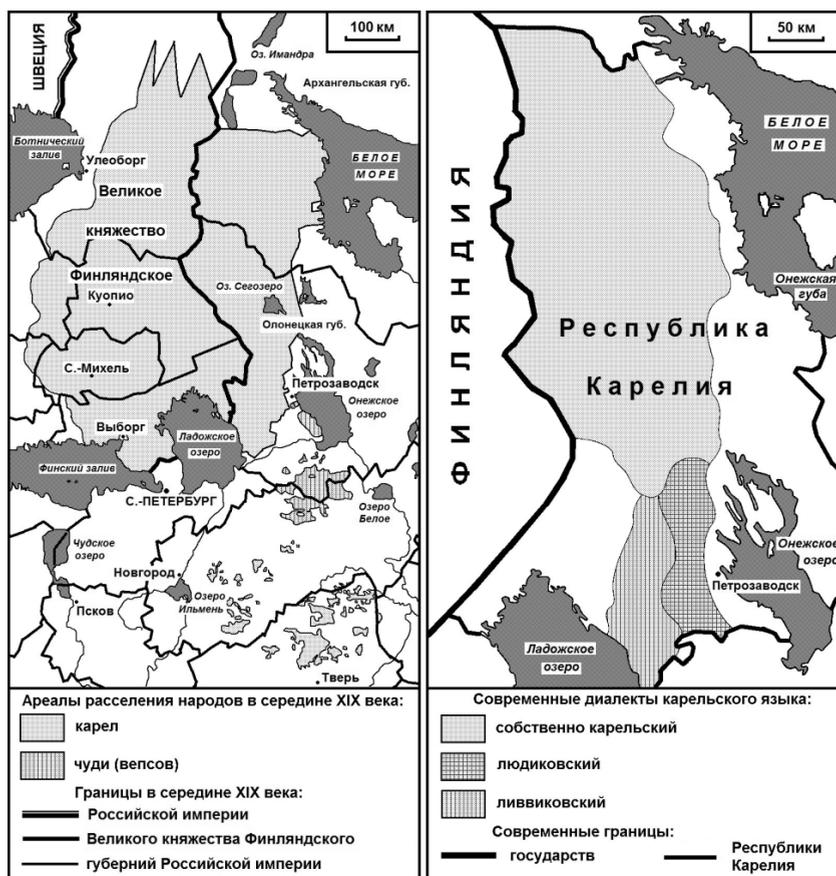

Рис. 1. Ареалы расселения карел в середине XIX в. и диалектные группы карел в современной Республике Карелия [14; 16]

В ходе миграции на север карелы в XI—XII вв. освоили восточную часть современной Финляндии и западную часть Карелии. Позже они продвинулись еще дальше на север, где частично смешались с саами. Аргумент в подтверждение этого контакта — наличие лапоноидной примеси в антропологическом облике северных карел [5].

В начале XII в. карелы упоминаются как подданные Новгородской республики. С этого времени карелы стали выступать в качестве самостоятельной этнической общности со своей оригинальной, ярко выраженной материальной и духовной культурой [6].

В 1323 г. между Швецией и Новгородской республикой был заключен Ореховецкий мирный договор, который определил границу, рассекающую почти поровну современную территорию Финляндии — от устья Невы на юге до Ботнического залива на севере. Лишь в 1595 г., после заключения Тявзинского мирного договора со Швецией, граница была определена в таком виде, который примерно соответствует современной государственной границе между Финляндией и Россией [12]. Как мы видим на картосхеме, составленной в середине XIX в. П. Кеппенем [16] (рис. 1), почти все территории, расположенные к востоку от границы, разделявшей вплоть до конца XVI в. владения Швеции и Новгорода (в дальнейшем — Московского государства), относятся к ареалу расселения карел.

В восточной части Финляндии проживает достаточно много потомков карел, которые участвовали в формировании финской нации. Но достоверно определить их численность сейчас нет возможности, так как большинство из них считаются финнами. По оценкам, число потомков карел в Финляндии может быть от 550 тыс. [1] до 2 млн человек [21].

В XVII в. карельская этническая территория распалась на два крупных обособленных ареала. Это произошло после заключения Столбовского мира (1617), по которому Карельский уезд перешел в шведское владение. Жители, оказавшиеся под властью другого государства, стали подвергаться религиозному и экономическому давлению. Неприятие лютеранской веры и высокие налоги вынудили карел начать массовое переселение вглубь России.

По оценкам историков, в конце XVI в. общая численность карел (в том числе на землях шведской Финляндии) составляла около 60 тыс. В XVII в. до 50 тыс. карел снялись со своих исконных карельских земель, причем от 30 до 40 тыс. обосновались в глубинных районах России [1]. Около 30 тыс. карел переселились на новгородские и тверские земли. В Карельском уезде, отошедшем к Швеции, осталось менее 5 тыс. православных карел [2].

Начиная с XVII в. тверские карелы стали основной частью карельского этноса, вплоть до середины XX в. численно превосходящей соплеменников, проживающих в Карелии. Но именно эта группа карел в XX столетии больше других подверглась ассимиляции. Если численность карел, проживающих на территории современной Карелии, уменьшилась с 1936 по 2010 г. в 2,4 раза (со 108,6 тыс. до 45,6 тыс.), то количество тверских карел с 1926 по 2010 г. сократилось в 19 раз (со 140,6 тыс. до 7,4 тыс.) [1; 4] (рис. 2).

Территория расселения карел в современной Тверской области называется Тверской Карелией. Карелы обосновались здесь на землях, оставленных русским населением в конце XVI — начале XVII в., т. е. в период Смуты и польско-литовской интервенции. Поэтому ареалы расселения карел здесь оказались отодвинутыми от крупных рек и торговых трактов (рис. 3).

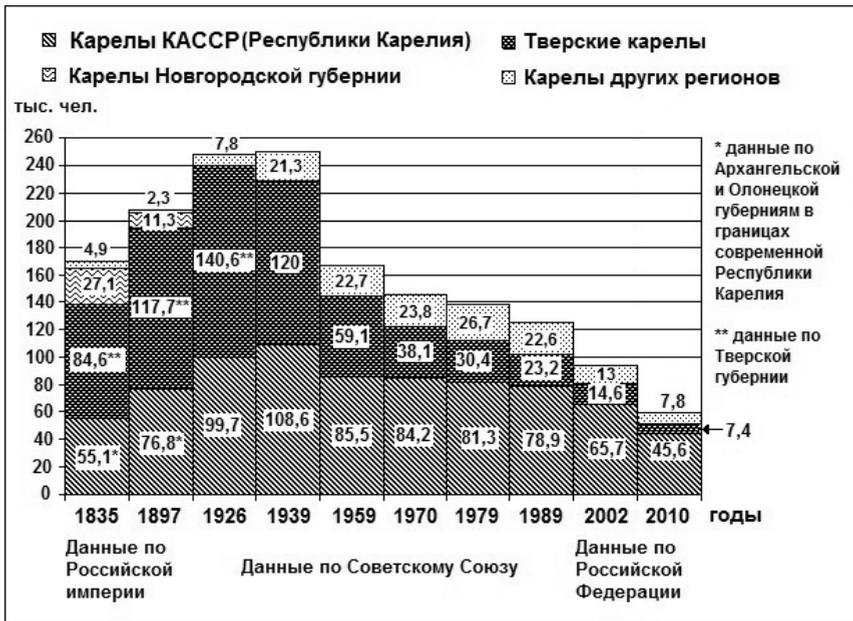

Рис. 2. Динамика численности карел в Российской империи, СССР и Российской Федерации с 1835 по 2010 г. [1, с. 10; 4]

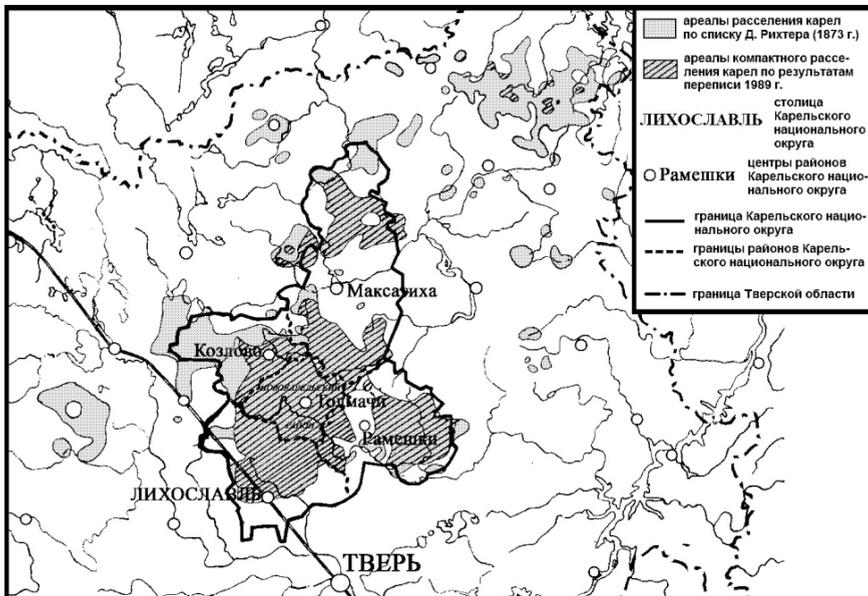

Рис. 3. Ареалы расселения тверских карел и границы Карельского национального округа (1937—1939 гг.) [1, с. 15]

В 1937—1939 гг. в Калининской области существовал Карельский национальный округ, в котором проводилась большая работа по развитию карельского языка. Но в настоящее время субэтнос тверских карел находится под угрозой исчезновения. Будущее Тверской Карелии в значительной степени зависит от успешности политики по сохранению здесь карельского языка и культуры [1].

Таким образом, в настоящее время в границах Республики Карелия четко выделяется три субэтноса карел: *собственно карелы*, компактно проживающие в западной части республики севернее р. Суна; *карелы-ливвики*, живущие у восточного побережья Ладожского озера и частично в глубине Олонецкого перешейка; *карелы-людики*, расселенные узкой полосой к востоку от ареала ливвиков, ближе к Онежскому озеру. При этом ареал расселения карел в Республике Карелия фактически распался на две части — северную (здесь проживают карелы, говорящие на диалектах, близких к финскому языку) и южную (ареал расселения ливвиков и людиков, сформировавшихся в результате смешения с вепсами). Северную часть республики традиционно называют Беломорской Карелией, южную — Олонецкой Карелией.

Вне Республики Карелия выделяются еще два субэтноса карел: *тверские*, или *верхневолжские карелы* (проживающие преимущественно в Лихославльском, Спировском, Рамешковском и Максатихинском районах Тверской области) и *тихвинские карелы* (сейчас сконцентрированные в Климовской волости Ленинградской области) [1]. Несмотря на то что ранее в результате миграции в Верхневолжье и на Валдай здесь обосновалась основная часть карельского этноса, именно на этих землях в последующем карелы подверглись наибольшей ассимиляции. Сейчас их численность уже в 6 раз меньше, чем карел в Республике Карелия, хотя еще век назад они в полтора раза превосходили число карел, оставшихся на своей исторической родине.

Вепсы, как и карелы, относятся к северной группе прибалтийско-финских народов. В 2006 г. вепсы были включены в список коренных малочисленных народов России. Перепись населения 2010 г. зарегистрировала около 6 тыс. вепсов [4]. Более века назад, по результатам переписи населения 1897 г., вепсов (тогда называемых чудью) насчитывалось свыше 25 тыс. человек. То есть в течение XX — начала XXI в. численность вепсов сократилась более чем в четыре раза. Ныне вепсы используют разные самоназвания: *вепслайсет*, *бепся*, *вепсь*, *вепся*, *людиникад*, *тягалажет* [11].

Историческая вепсская территория, согласно исследованиям И.И. Муллонен [10], охватывает земли вокруг Онежского озера, вплоть до Выгозера на севере, Ладоги — на западе, озер Белого и Лачи — на юго-востоке (рис. 4). В Средние века территории вепсов (тогда называемых славянами вельсю) были включены в состав Новгородской республики. В последующем началось сокращение земель вепсов на юге из-за расселения здесь русских колонистов.

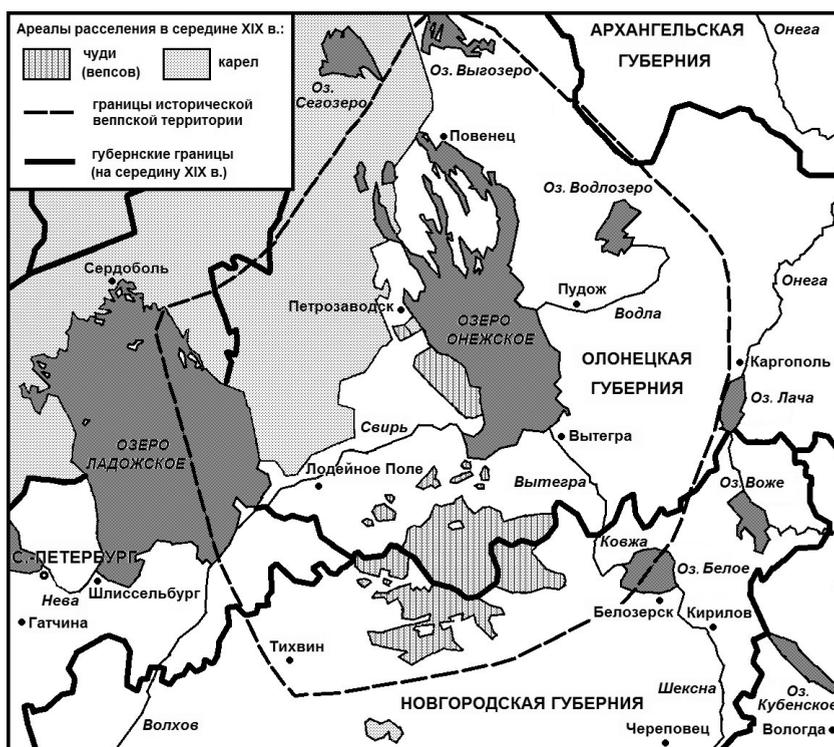

Рис. 4. Историческая территория вепсов и ареалы их расселения в середине XIX в. [10; 16]

Двигаясь на север, вепсы смешивались с карельскими племенами, в результате чего сформировались два субэтноса карел, говорящих на диалектах, близких к вепсскому языку, — ливвики и людики. Вепсы, осевшие на западном побережье Онежского озера, создали отдельную группу (онежских, или северных, вепсов), сохранившуюся до наших дней. Северные вепсы были отделены от средних и южных вепсов русскими колонистами, обосновавшимися в долине р. Свирь [10]. В результате этого вепсов можно рассматривать сейчас как еще один пример разобщенных этносов.

Уже в середине XIX в. территория расселения вепсов (тогда называемых чудью) была разделена на несколько ареалов [16]. Во-первых, вепсы проживали в двух губерниях — Олонецкой и Новгородской. Губернская граница рассекала вепсскую этническую территорию на две крупных части — северную и южную. Но и каждая из этих частей включала обособленные ареалы: два достаточно изолированных — на севере (в Олонецкой губернии) и три относительно обособленных — на юге (в Новгородской губернии). Длительный период территориальной и административной разобщенности сказался на современной диалектной дифференциации вепсов и разделении их на ряд групп.

Современная территория расселения вепсов стала результатом ее поэтапного сокращения, вызванного обрусением вепских поселений [10]. Первый район концентрации вепсов расположен в южной части Республики Карелия, на побережье Онежского озера (3,4 тыс. человек). Земли, расположенные в Западном Прионежье и заселенные преимущественно вепсами, включены в состав Карелии еще в 1924 г. [17]. В 1994 г. была образована Вепская национальная волость на территории Прионежского района Карелии, но с начала 2006 г. она была упразднена.

Вторая по численности группа вепсов проживает на востоке Ленинградской области (около 1,4 тыс.); третья небольшая группа сохраняется в Вологодской области (примерно 400 человек) [4]. Две эти группы вепсов составляют формально единый ареал, расположенный на границе четырех районов двух областей (Подпорожского, Тихвинского и Бокситогорского районов Ленинградской области и Бабаевского района Вологодской области). Хотя внутри этого ареала в наше время существуют заметные разрывы (рис. 5).

Рис. 5. Современные вепские поселения в Республике Карелия, Ленинградской и Вологодской областях [15; 18]

По названию бывших административных районов, а также рек и озер, вепсы делятся сейчас на шесть групп: *шелтозерские* (прионежские) в Республике Карелия, *винницкие* (оятские), *ефимовские* и *шугозерские* в Ленинградской области, *шимозерские* и *белозерские* в Вологодской области [11]. В соответствии с тремя основными диалектами вепского языка прионежских вепсов также называют *северными*, ефимовских — *южными*, все остальные группы относят к *средним* вепсам [3].

Сету — малочисленный прибалтийско-финский народ, сформировавшийся к началу XX в. на территории Псковской губернии Российской империи. С 1945 г. сету, рассматриваемые в то время как этнографическая группа эстонцев, были разделены республиканской границей между Россией и Эстонией, превратившейся с 1991 г. в государственную границу. Самоназвание народа — *сето*. Русское население в прошлом называло их *полуверцами*, *псковской чудью*, *псковскими эстонцами*, *сетукезами* [9; 13].

В России сету проживают в Печорском районе Псковской области. Впервые они были обозначены в итогах Всероссийской переписи населения 2002 г., но и там сету рассматривались как особая группа эстонского населения. В 2010 г. сету (сето) включены в перечень малочисленных народов России [7]. В ходе переписи 2010 г. сету/сето назвали себя 117 жителей Печорского района [4], что несколько меньше реального их количества в связи с сохраняющейся традицией идентифицировать себя как «эстонцы». Согласно итогам экспедиции, организованной летом 2014 г. кафедрой географии Псковского государственного университета при финансовой поддержке Русского географического общества, численность сету в Печорском районе составляет около 200 человек, в том числе 140 — в сельской местности.

В Эстонии сету проживают на восточных окраинах уездов Вырумаа и Пылвамаа, которые до 1920 г. вместе с территорией современного Печорского района были частью Псковской губернии. Ныне эти территории по обе стороны от государственной границы составляют историко-географическую область Сетумаа (или Сетомаа, то есть «земля сету/сето»). Общую численность сету в границах данной историко-географической области можно оценить примерно в 2 тыс. человек.

Эстонские лингвисты рассматривают сетуский язык в качестве одного из говоров вырусского диалекта южноэстонского языка, ныне фактически исчезнувшего в самой Эстонии. Сами же сету считают свой язык самостоятельным. В отличие от соседних эстонцев, принявших сначала католичество, а затем лютеранство, сету были обращены в XV—XVI вв. в православие. При этом в сетуской культуре можно найти как древнейшие (дохристианские) черты, так и заимствования из культуры соседних народов, особенно русских [9].

В 1920 г. по Юрьевскому (Тартускому) договору Печорский край — родина сету — отошел к Эстонии. Это произошло несмотря на то, что русские составляли здесь около 65%, а сету — только 25%. На данной территории был организован уезд Петсеримаа с центром в Печорах (по-эстонски — Петсери) [8].

В 1944 г. только что образованной Псковской области было возвращено примерно 60% территорий, присоединенных к Эстонии в 1920 г. На этих землях в 1945 г. организован Печорский район [9]. При этом в Эстонии остались западные окраины Печорского края. В итоге традиционный ареал расселения сету оказался разделенным между Эстонией и Россией (рис. 6).

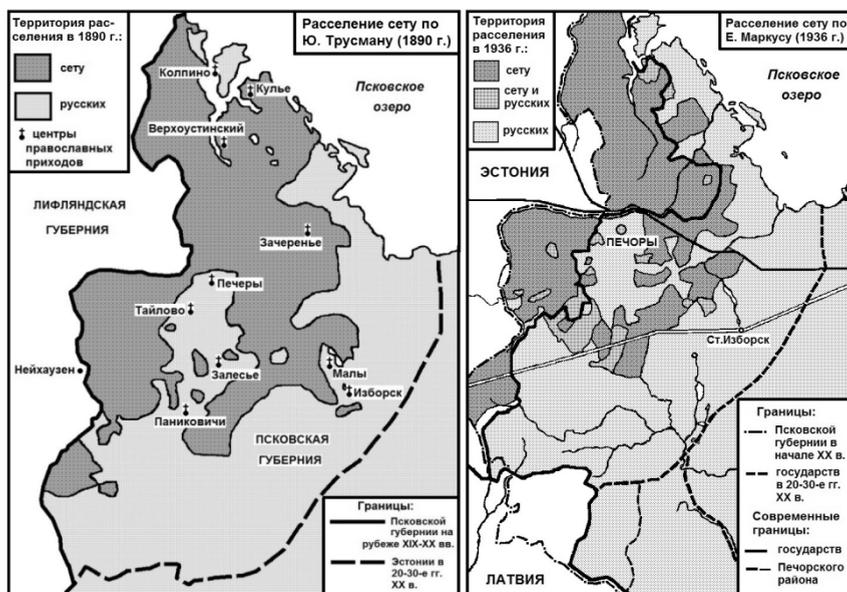

Рис. 6. Ареалы расселения сету в 1890 г. [20, с. 285] и 1936 г. [19]

Уменьшение численности сету в Печорском районе началось с середины XX в., то есть почти сразу после возвращения этих земель России. Это было связано в первую очередь с оттоком сетуской молодежи, предпочитавшей получать высшее и среднее специальное образование на эстонском языке в учебных заведениях Эстонии. Во второй половине XX в. ареал расселения сету в Печорском районе постоянно сжимался. Территория расселения сету стала представлять собой ряд разорванных «островков» преимущественно в центральной части района. Основная же масса сету сейчас проживает в эстонской части Сетумаа.

Несколько более устойчивыми первоначально были сетуские поселения, расположенные вблизи границы с Эстонией. Однако после распада Советского Союза и установления государственной границы с Эстонией эти поселения стали быстро исчезать и в непосредственной близости от границы. К примеру, при проведении нами этнодемографических исследований в 1999 г. сету удалось обнаружить лишь в 50 населенных пунктах [8]. По результатам нашей экспедиции, состоявшейся в 2014 г., количество сельских населенных пунктов, где проживают сету, сократилось еще значительно — до 36 (рис. 7).

в Печорском районе уменьшилась десятикратно. Сельские поселения, где были выявлены сету в ходе экспедиции 2014 г., уже нельзя называть собственно сетускими, так как в них (за исключением нескольких хуторов) живет в основном русское население. Основная тенденция в изменении расселения сету в Печорском районе, наметившаяся в начале XXI в., — концентрация сету в относительно крупных сельских поселениях, преимущественно в волостных центрах.

Сравнение динамики численности сету в российской и эстонской частях Сетумаа свидетельствует о катастрофическом сокращении представителей этого народа на территории России. Если в 1945 г., когда Сетумаа была поделена между Россией и Эстонией, численность сету по обе стороны границы было приблизительно одинаковым — по 6 тыс. человек [8], — то к настоящему времени их число в Эстонии уменьшилось примерно в 3—4 раза, а в Печорском районе Псковской области — почти в 30 раз. Главной причиной резкого сокращения печорских сету стал их миграционный отток в Эстонию. Большой отток наблюдался как в советское время (преимущественно в 1950—1970-е гг.), так и в постсоветский период (особенно в период с 1993 по 2005 г.).

Таким образом, в течение второй половины XX и начале XXI в. фактически произошло «растворение» традиционного ареала расселения сету Печорского района. Вместо единого ареала их расселения сейчас можно говорить только о нескольких «островках» вокруг относительно крупных сельских поселений, являющихся центрами притяжения сету среднего и молодого возраста. Несмотря на то что в этих поселениях сейчас преобладают русские жители, здесь сету имеют возможность сохранить свою этническую идентичность (в отличие от мигрантов, переехавших в Эстонию или крупные города России). В большинстве же «сетуских» поселений проживает по 1—2 представителя данного народа, чаще пенсионного возраста. Поэтому в ближайшем будущем в Печорском районе можно прогнозировать дальнейшее уменьшение числа поселений, где проживают сету.

Выводы. Одним из направлений изучения малочисленных народов России может стать сравнение их территориальной и демографической динамики. В частности, наиболее критической демографической ситуацией характеризуются этносы, географическая разобщенность которых привела к формированию субэтносов на территориях, оказавшихся в относительной изоляции от основных этнических массивов. Как мы показали на примере карел, вепсов и сету, причиной разобщенности этносов может быть как масштабное переселение, так и наличие государственных или административных рубежей, которые разделяют лишь формально единые этнические массивы.

Для предотвращения исчезновения малых народов необходима активизация мероприятий, нацеленных на сохранение их языка и культуры. Причем центры этой работы должны быть перенесены в относительно крупные, в том числе городские, поселения, концентрирующие более молодых представителей малочисленных этносов.

Исследование выполнено в рамках проекта «Экспедиция по изучению этнографических особенностей и культурно-исторического наследия западного побережья Псковской области» (грант Русского географического общества, договор №06/2014-Н1).

Список литературы

1. Булкин А.А. Географическая разобщенность и субэтнотопонимы карел : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 2005.
2. Жербин А.С. Переселение карел в Россию в начале и середине XVII века. Петрозаводск, 1956.
3. Зайцева М.И. Вепсский язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 82—83.
4. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года : [сайт]. URL: https://quigonjinn04.appspot.com/www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 12.12.2014).
5. Клементьев Е.И. Карелы // Расы и народы. Вып. 21. М., 1991. С. 192—207.
6. Кочуркина С.И. Древняя карела. Л., 1982.
7. Манаков А.Г. Динамика этнических и конфессиональных границ к юго-западу от Псковского озера до XX века: историко-географический анализ (к вопросу о происхождении сету) // Псковский регионологический журнал. 2011. № 11. С. 132—143.
8. Манаков А.Г., Потапова К.Н. Изменение территории расселения сету с середины XIX в. по настоящее время // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С. 117—126.
9. Манаков А.Г., Потапова К.Н. Этнодемографический портрет сету Печорского района Псковской области в начале второго десятилетия XXI века // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 67—79.
10. Муллонен И.И. Природные и культурные факторы формирования вепсской этнической территории // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. №4. С. 13—24.
11. Пименов В.В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М. ; Л., 1965.
12. Полин А.К. Становление современной государственной границы между Россией и Финляндией // Изв. РГО. 1998. Т. 130, вып. 2. С. 60—66.
13. Потапова К.Н. Вопросы происхождения сету в работах авторов второй половины XIX — начала XX в. // Псковский регионологический журнал. 2013. № 15. С. 154—159.
14. Потахин С.Б. Традиционное природопользование в восточной Финляндии: историко-ландшафтные факторы развития : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. СПб., 2008.
15. Проблемы истории и культуры вепсской народности / отв. ред. В.В. Пименов. Петрозаводск, 1989.
16. Этнографическая карта Европейской России, составленная П. Кеппеном. СПб., 1851.
17. Этнодемографический атлас прибалтийско-финских народов Республики Карелия. Петрозаводск, 1998. URL: <http://www.soros.karelia.ru/projects/1998/atlas/index.htm> (дата обращения: 12.12.2014).
18. Kurs O. Vepsäläiset: itäisin itämerensuomalainen kansa // Terra. 1994. 107: 3. Lk. 127—135.

19. *Markus E.* Changes of the Esto-Russian Ethnographical Frontier in Petseri-maa. Opetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 1936. Tartu, 1937.
20. *Setomaa.* Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920 aastani. Eesti Rahva Muuseum. Tartu, 2009.
21. *Uusi Kotimaa* — Новая Родина :[сайт]. URL: <http://asema.lgb.ru/11/031.htm> (дата обращения: 12.12.2014).

Об авторах

Андрей Геннадьевич Манаков, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет.
E-mail: region-psk@yandex.ru

Наталья Константиновна Теренина, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, Псковский государственный университет.
E-mail: brazelon@yandex.ru

THE BALTIC FINNISH PEOPLES DIVIDED BY STATE AND ADMINISTRATIVE BORDERS: TERRITORIAL DEVELOPMENT OF THE KARELIANS, VEPSIANS, AND SETOS

A. Manakov*
N. Terenina*

* *Pskov State University.*
12 Lenina pl., Pskov, 80000 Russia.

Submitted on November 15, 2014

Ethnocultural diversity of the Russian Federation is not only an important component of its historical heritage but also a significant resource for development. However, a number of ethnic groups are on the brink of extinction. The aim of this study is to investigate the impact of changes in state and administrative borders on the territorial and demographic development of small ethnic groups. The article analyses the case of three Baltic Finnish peoples living in the Russian North-West and divided by borders of different levels: Karelians (Finland, the Republic of Karelia, and the Leningrad and Tver regions), Vepsians (the Republic of Karelia and the Leningrad and Vologda regions), and Setos (Estonia and the Pskov region). The analysis is based on the cartographic and statistical demographic data, as well as the results of a complex expedition made in summer 2014 in the Pechory district of the Pskov region. The results of the study show that the assimilation of peoples divided as a result of migration and division of their ethnic territory by political bor-

ders takes place at an accelerated rate. The study makes it possible to formulate certain recommendations and improve the measures to maintain the language and culture of ethnic minorities of the Russian North-West.

Key words: ethnic territory, migration, Karelians, Vepsians. Setos.

References

1. Bulkin, A. A. 2005, *Geograficheskaja razobshhennost' i subjetnosy karel* [Geographical dispersion and Karel subethnos], thesis abstract, Saint Petersburg, 22 p.
2. Zherbin, A. S. 1956, *Pereselenie karel v Rossiju v nachale i seredine XVII veka* [Karel resettlement in Russia at the beginning and middle of XVII century], Petrozavodsk, 79 p.
3. Zaitseva, M. I. 1990, *Vepsskij jazyk* [Vepssky language]. In: *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary], Moscow, p. 82—83.
4. *Informacionnye materialy ob okonchatel'nyh itogah Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda* [Information materials on the final results of the National Population Census 2010], 2010, available at: https://quigonjinn04.appspot.com/www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (accessed 12.12.2014).
5. Klementiev, E. I. 1991, *Karely* [Karels], *Rasy i narody* [Races and peoples], no. 21, p. 192—207.
6. Kochkurkina, S. I. 1982, *Drevnjaja korela* [Ancient Korella], Leningrad, 215 p.
7. Manakov, A. G. 2011, *Dinamika jetnicheskikh i konfessional'nyh granic k jugo-zapadu ot Pskovskogo ozera do HH veka: istoriko-geograficheskij analiz (k voprosu o proishozhdenii setu)* [The dynamics of ethnic and religious boundaries to the south-west of Lake Pskov to the twentieth century: historical and geographical analysis (to the question about the origin of the Seto)], *Pskov regionologicheskij Journal*, no. 11, p. 132—143.
8. Manakov, A. G. Potapova, K. N. 2013, *Izmenenie territorii rasselenija setu s serediny XIX v. po nastojashhee vremja* [Change in area of occupancy Setu from mid XIX century for now], *Pskov regionologicheskij Journal*, no. 16, p. 117—126.
9. Manakov, A. G. Potapova, K. N. 2012, *Jetnodemograficheskij portret setu Pechorskogo rajona Pskovskoj oblasti v nachale vtorogo desjatiletija XXI veka* [Ethno-demographic portrait Seto Pechora district of Pskov region at the beginning of the second decade of the XXI century], *Pskov regionologicheskij Journal*, no. 13, p. 67—79.
10. Mullonen, I. I. 2012, *Prirodnye i kul'turnye faktory formirovanija vepsskoj jetnicheskoi territorii* [Natural and cultural factors shaping Veppsian ethnic territory], *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences], no. 4, p. 13—24.
11. Pimenov, V. V. 1965, *Vepsy. Oчерк jetnicheskoi istorii i genezisa kul'tury* [Vepsians. Essay on ethnic history and genesis of culture], Moscow, 262 p.
12. Polin, A. K. 1998, *Stanovlenie sovremennoj gosudarstvennoj granicy mezdu Rossiej i Finljandiej* [The formation of the modern state border between Russia and Finland], *Izvestija Russkogo geograficheskogo obshhestva* [Proceedings of the Russian Geographical Society], Vol. 130, no. 2, p. 60—66.
13. Potapova, K. N. 2013, *Voprosy proishozhdenija setu v rabotah avtorov vtoroj poloviny XIX — nachala XX vv.* [The origin of the Setu by the authors of the second half of XIX — early XX centuries], *Pskov regionologicheskij Journal*, no. 15, p. 154—159.

14. Potahin, S. B. 2008, Tradicionnoe prirodopol'zovanie v vostochnoj Fennoskandii: istoriko-landshaftnye faktory razvitija [Traditional land in eastern Fennoscandia: historical and landscape development factors], thesis abstract, Saint Petersburg, 46 p.
15. Pimenov, V. V. (ed.), 1989, *Problemy istorii i kul'tury vepsskoj narodnosti* [Problems of the history and culture of peoples Veppsian], Petrozavodsk, 171 p.
16. *Jetnograficheskaja karta Evropejskoj Rossii, sostavlennaja P. Keppenom* [Ethnographic map of European Russia, compiled by P. Keppen], 1851, Saint Petersburg.
17. Jetnodemograficheskiy atlas pribaltijsko-finskih narodov Respubliki Karelija [Ethnodemographic atlas Baltic and Finnish peoples of the Republic of Karelia], 1998, Petrozavodsk, available at: <http://www.soros.karelia.ru/projects/1998/atlas/index.htm> (accessed 12.12.2014).
18. Kurs, O. 1994, Vepsäläiset: itäisin itämerensuomalainen kansa, *Terra*, Vol. 107, no. 3, p. 127—135.
19. Markus, E. 1937, Changes of the Esto-Russian Ethnographical Frontier in Petserimaa, *Opetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 1936*, Tartu, Ilutrukk.
20. Setomaa. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920 aastani, 2009, *Eesti Rahva Muuseum*, Tartu, 480 p.
21. *Uusi Kotimaa — Novaja Rodina* [Uusi Kotimaa — New Homeland], available at: <http://asema.1gb.ru/11/031.htm> (accessed 12.12.2014).

About the author

Prof. Andrei Manakov, Department of Geography, Pskov State University, Russia.
E-mail: region-psk@yandex.ru

Dr Natalia Terenina, Associate Professor, Department of Geography, Pskov State University, Russia.
E-mail: brazelon@yandex.ru

УДК 332.122.62 (470.2)

**СТРУКТУРНО-
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ
ПРОСТРАНСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ
И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЙОНА**

А. В. Соболев*

Анализируются проблемы усиления пространственной поляризации в системах расселения Ленинградской, Новгородской и Псковской областей на современном этапе. Рассматривается влияние уровня развития и размещения производительных сил на демографические процессы и тенденции трансформации системы расселения населения. На основе анализа отраслевой структуры экономики и тенденций демографического развития предложена функциональная типология городских и сельских поселений. Показано несоответствие сложившихся территориальных систем расселения экономическим и демографическим тенденциям регионального развития. Сглаживание пространственной неоднородности на региональном уровне предлагается рассматривать с позиции повышения устойчивости районных систем расселения и усиления организационно-хозяйственных связей между городскими и сельскими поселениями. Выработаны рекомендации, направленные на снижение пространственной дифференциации территории и формирование сбалансированного развития региональных систем расселения.

Ключевые слова: Северо-Западный экономический район, пространственное развитие, поляризация, региональные системы расселения, производительные силы, функциональные связи

В современных экономических и экономико-географических исследованиях особенности пространственного развития играют все более значимую роль в изучении социально-экономического развития территорий разного таксонометрического ранга. В период становления рыночной экономики в России проблемы функционирования и развития территорий имели важное значение для будущего социально-экономического благополучия страны. В «Концеп-

* Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9.

Поступила в редакцию 20.06.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-1-9

© Соболев А. В., 2015

ции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года» приоритетным направлением в решении проблем пространственного развития названо создание «зон опережающего развития» и «точек роста» — с целью повышения уровня социально-экономического развития и формирования сбалансированных систем расселения на региональном уровне [6].

Таким образом, в условиях перехода страны от политики выравнивания к принципам «сфокусированного» социально-экономического развития тенденции трансформации систем расселения как целостной территориальной структуры стали во многом зависеть от особенностей развития и размещения производительных сил. В России зоны опережающего развития предусматриваются в центрах регионов, здесь же концентрируются основные ресурсы: экономически активное население, финансы и инвестиции, инфраструктура, — что ставит в затруднительное (если не сказать катастрофическое) положение остальную территорию страны, особенно моногорода и сельские территории [14]. Такие утверждения обуславливают значимость рассмотрения тенденций развития и трансформации не только региональных систем расселения, но и пространственных процессов и явлений, протекающих на уровне муниципальных образований.

В советский период видными отечественными экономикогеографами были сформулированы основные теоретико-методологические и методические основы районной планировки, которые остаются базисом для современных исследований пространственного развития [7; 8; 10; 13]. В классическом определении Э. Б. Алаева системой расселения называется территориальное сочетание поселений, между которыми существуют относительно четкое распределение функций (или взаимный обмен ими), а также производственные и социальные связи [1]. При этом основой территориальной организации населения на региональном уровне выступает опорный каркас расселения, который включает в себя сети наиболее крупных городских поселений. Формирование опорного каркаса расселения происходит под влиянием концентрации населения и производства, а также уровня развития социальной и транспортной и инженерной инфраструктуры [15].

Наиболее крупные города (как правило, областные столицы) выступают центрами экономической активности в регионах — благодаря достаточному инвестиционно-промышленному потенциалу и развитой транспортной и инженерной инфраструктуре. Влияние таких городов на социально-экономическое развитие постепенно снижается в направлении «центр — периферия», что приводит к формированию сильных пространственных разрывов как между регионами, так и внутри них. В сложившейся ситуации на пространственное развитие внутренних административных центров (малых и средних городов), которые также являются элементами региональной системы расселения, влияют негативные процессы трансформации, способствующие снижению устойчивости этих элементов и ухудшению демографической обстановки в них. Наряду с ведущей ролью промышленного производства, развитие и оптимизация социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры способны формировать более интенсивные социально-экономиче-

ские связи, которые могут служить базисом для определения границ влияния городских и сельских населенных пунктов и дать представление о степени их развития.

Южные регионы СЗФО (в числе которых Ленинградская, Новгородская и Псковская области), обладающие выгодным экономико-географическим положением, благоприятными природными условиями, ресурсом рабочей силы и высоким уровнем развития инфраструктуры, имеют достаточные возможности для повышения эффективности экономической деятельности и улучшения социально-экономического положения [9]. За 2002—2012 гг. в исследуемых регионах Северо-Западного экономического района произошли существенные изменения в территориальной организации населения. При этом урбанизационные процессы — при общей направленности снижения доли населения в сельской местности и роста численности жителей в наиболее крупных городах — происходили в регионах с разной степенью интенсивности и территориальной неоднородности. Таким образом, при рассмотрении пространственного развития внутри региона ключевыми индикаторами этого процесса должны выступать сложившаяся отраслевая структура экономики, а также степень устойчивости районных систем расселения, играющих роль субцентров в региональной территориальной организации населения.

Цель данного исследования — анализ особенностей развития и трансформации региональных систем расселения и выявление степени их взаимосвязи с территориальной организацией производительных сил. Для ее реализации предлагается решить следующие задачи.

1. Рассмотреть особенности развития и размещения промышленного производства в городских и сельских поселениях.
2. Оценить отраслевую структуру экономики и определить основные функциональные типы поселений.
3. Определить направления развития и тенденции демографических процессов, происшедших за 2002—2012 гг.
4. Выявить основные проблемы, формирующие диспропорции пространственного развития на современном этапе.
5. Выработать рекомендации с целью снижения пространственной неоднородности и формирования сбалансированного развития территорий.

Информационная база исследования была сформирована на основе официальных источников статистической информации, включая базы данных Росстата, Петростата, Новгородстата, Псковстата, а также материалы, представленные в инвестиционных паспортах муниципальных районов.

Методологическая и методическая база исследования уровня экономического развития ($I_{эР}$) муниципальных районов (см. табл. 2) подробно описана в статье, опубликованной автором ранее [12]. Цифрами в таблице 2 обозначен уровень экономического развития муниципального района: I — высокий, II — выше среднего, III — средний, IV — ниже среднего, V — низкий. В результате исследования отмечаются нарастающие тенденции пространственной поляризации экономического развития, которые выражаются в концентрации инвестиционного, производственного и трудового потенциала, прежде всего в пригородных зонах, а также в старопромышленных районах, представленных традиционными отраслями промышленного производства. К перспективным территориям Ленинградской области, обладающим высоким уровнем экономиче-

ского развития, относятся районы, входящие в первый (г. Сосновый Бор, Ломоносовский, Кировский, Всеволожский) и второй (Гатчинский, Тосненский) пояс Санкт-Петербургской агломерации, районы с развивающимся портовым хозяйством и близостью к международным транспортным коридорам (Кингисеппский, Выборгский), а также старопромышленные районы (Киришский, Тихвинский, Волховский).

В Новгородской области территориальная дифференциация экономического развития выглядит более дисперсной. К ключевым территориям, обладающим достаточным потенциалом для экономического роста и сбалансированного развития региона в целом, следует отнести: областной центр (Великий Новгород) и Новгородский район, а также районы промышленного освоения в отраслях машиностроения (Старорусский), деревообработки (Чудовский, Маловишерский) и производстве огнеупоров и строительных материалов (Боровичский).

В Псковской области к перспективным территориям можно отнести региональные «полюса роста»: города Псков, Великие Луки и Островский район, специализирующийся на продукции машиностроения. При этом 29 из 46 муниципальных районов Новгородской и Псковской областей относятся к типам с достаточно низким и низким уровнем экономического развития, что позволяет говорить о необходимости прикладного исследования территориальной организации промышленности в совокупности с современными тенденциями демографического развития [12].

При рассмотрении крупнейших городов нужно отметить, что Ленинградская область имеет более мощный опорный каркас городского и сельского расселения в сравнении с другими регионами (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика индикаторов развития систем расселения Ленинградской, Новгородской и Псковской областей в 2011 г.

Индикатор развития системы расселения (количество, доля населения)	Область		
	Ленинградская	Новгородская	Псковская
Города с наибольшей долей населения	Более 50 тыс. чел.: 6—43,7 % (↑); 20—50 тыс. чел.: 11—38,8 % (↑)	Более 50 тыс. чел.: 2—69,7 % (↓); 10—20 тыс. чел.: 6—21,3 % (↓)	Более 50 тыс. чел.: 2—74,3 % (↓); 10—20 тыс. чел.: 3—9,0 % (↓)
ПГТ с наибольшей долей населения	5—10 тыс. чел.: 11—42,4 % (↑); более 10 тыс. чел.: 4—25,4 % (↑)	5—10 тыс. чел.: 6—74,3 % (↓); 3—5 тыс. чел.: 2—14,1 % (↓)	5—10 тыс. чел.: 3—38,4 % (↓); 3—5 тыс. чел.: 5—36,0 % (↓)
СНП с наибольшей долей населения	500—2000 чел.: 205—38,0 % (↑); 2—5 тыс. чел.: 52—25,5 % (↑)	100—1000 чел.: 300—44,6 % (↓); более 1000 чел.: 36—34,2 % (↓)	201—500 чел.: 158—13,8 % (↓); 1—25 чел.: 5267—19,6 % (↓)

Условные обозначения: ↑↓ — увеличение или снижение доли населения в категориях людности за 2002—2011 гг.

Составлено автором по [2].

При общей концентрации городского населения в городах более 50 тыс. человек, центрами второго порядка в Ленинградской области при общей положительной динамике роста являются города с численностью жителей 20—50 тыс. человек, а в Новгородской и Псковской областях — 10—20 тыс. человек, при этом в данных городах наблюдается сокращение численности населения.

Территориальная организация населения в поселках городского типа в Ленинградской области представлена 11 населенными пунктами, где проживают от 5 до 10 тыс. человек, в Новгородской области таких поселков всего 6, а в Псковской их число сократилось до 3. Наибольшая доля крупных сельских поселений сосредоточена в Ленинградской области, а самые мелкоселенные сельские населенные пункты расположены в Псковской области. Снижение устойчивости сельских поселений наиболее крупных категорий людности происходит в Новгородской и Псковской областях.

В настоящее время на территории Северо-Западного экономического района ведущими центрами экономической активности выступают областные центры Великий Новгород и Псков, которые концентрируют в себе основной промышленный потенциал и обладают развитыми административно-хозяйственными и индустриально-транспортными функциями (табл. 2). При этом позитивные тенденции естественного движения населения и положительное сальдо миграции обусловили незначительный рост численности населения в этих городах. Для двуцентричной системы расселения Псковской области г. Великие Луки выступает южным многофункциональным центром экономической активности, развивающим организационно-хозяйственные связи и формирующим предпосылки развития промышленного комплекса в зоне своего влияния. При этом негативные демографические тенденции продолжают сохраняться.

Таблица 2

**Структурно-функциональная типология поселений,
осуществляющих экономическую деятельность
на территории Ленинградской, Новгородской и Псковской областей**

МО	Регион*	Ключевые направления экономической деятельности	Численность населения, тыс. чел.			I _{эк}
			2002	2012	2012/2002	
<i>1. Областные центры и города — многофункциональные промышленные узлы с развитой отраслевой специализацией</i>						
Великий Новгород	НО	Х, П, ЦБ, М, ЭМ	216,9	220,0	1,4↑	I
Псков	ПО	ЭМ, П, Т, ПСМ, ЦБ	202,8	206,7	1,9↑	I
Великие Луки	ПО	М, ЭМ, П, ПЭГВ	105,0	96,5	8,1↓	I

Продолжение табл. 2

МО	Регион*	Ключевые направления экономической деятельности	Численность населения, тыс. чел.			I _{эк}
			2002	2012	2012/2002	
<i>II. Центры административных районов</i>						
<i>1. Многоотраслевые промышленные узлы (города) с развитыми индустриально-хозяйственными функциями</i>						
Гатчина	ЛО	П, М, ЭМ, ПСМ, ПМИ	88,7	93,8	5,7↑	II
Выборг	ЛО	ТТ, ПСМ, С, М, П, СХ	79,2	80,6	1,8↑	II
Всеволожск	ЛО	ПСМ, М, Х, П, ЦБ	45,3	60,3	33,1↑	I
Боровичи	НО	ПСМ, Д, П, ПМИ	57,8	53,4	7,6↓	II
Кириши	ЛО	ПН, ПЭГВ, СП, Х	55,6	52,5	5,6↓	I
Тосно	ЛО	Х, М, ЭМ, П, ПСМ, СХ	38,7	39,2	1,3↑	II
Старая Русса	НО	М, ЭМ, П, СХ	35,5	30,9	13,0↓	II
<i>2. Города с диверсифицированной структурой экономики и развитыми индустриально-хозяйственными функциями</i>						
Сосновый Бор	ЛО	ПЭГВ, ПСМ, ПМИ	66,1	67,0	1,4↑	I
Тихвин	ЛО	М, Д, Т	63,3	58,5	7,6↓	II
Кингисепп	ЛО	Х, М, СП, Д, ПСМ, ТТ	50,3	48,6	3,4↓	I
Волхов	ЛО	ПН, Х, ПМИ, П, Д, Т	46,6	46,9	0,6↑	II
Луга	ЛО	П, М, Х, ПСМ, СХ	40,4	37,3	7,7↓	II
Кировск	ЛО	ПСМ, ЦБ, ПМИ, ЭМ, СХ	24,4	25,7	5,3↑	I
Чудово	НО	П, Д, М, ПСМ	17,4	15,1	13,2↓	II
<i>3. Города с развитой экономической специализацией, выполняющие индустриально-хозяйственные функции</i>						
Сланцы	ЛО	ПСМ, Х	37,3	33,3	10,7↓	II
Остров	ПО	ПМИ, ЭМ	25,1	20,6	17,9↓	II
Лодейное поле	ЛО	Д, П, ПЭГВ	22,8	20,5	10,1↓	II
Приозерск	ЛО	Д, П, Х, Т	20,5	18,8	8,3↓	II
Подпорожье	ЛО	Д, ПСМ, Т	20,3	18,3	9,9↓	III
Бокситогорск	ЛО	ПМИ, ЭМ	18,1	16,3	9,9↓	II
Пестово	НО	Д, П, СХ	16,0	15,8	1,3↓	IV
Валдай	НО	М, СХ, ПЭГВ	18,7	15,7	16,0↓	III
Невель	ПО	Т, П	18,6	15,4	17,2↓	III
Волосово	ЛО	П, ПСМ, СХ	11,7	12,2	4,3↑	III
Малая Вишера	НО	П, ЭМ, Д	14,2	12,1	14,8↓	II
Окуловка	НО	ЭМ, М, П	14,5	12,0	17,2↓	III
Порхов	ПО	П, ПСМ, СХ	12,3	9,6	22,0↓	IV
Дно	ПО	ПСМ, ПМИ, ПЭГВ	10,0	8,3	17,0↓	III

МО	Регион*	Ключевые направления экономической деятельности	Численность населения, тыс. чел.			I _{эк}
			2002	2012	2012/2002	
<i>4. Городские поселения с доминирующей ролью обрабатывающей промышленности, выполняющие индустриально-хозяйственные функции</i>						
г. Опочка	ПО	П, Т, СХ	14,0	10,6	↓24,3	IV
г. Печоры	ПО	ПСМ, П	13,1	10,4	20,6↓	III
г. Сольцы	НО	ЭМ, П, СХ	11,3	9,4	16,8↓	IV
пгт Крестцы	НО	Д, П, Т, СХ	10,0	8,3	17,0↓	IV
пгт Дедовичи	ПО	Д, ПЭГВ	9,9	8,2	17,2↓	IV
пгт Струги Красные	ПО	Д, ПСМ	8,8	7,2	18,2↓	IV
пгт Хвойная	НО	Д, П	6,8	6,2	8,8↓	IV
<i>5. Монопрофильные городские поселения с административно-хозяйственными функциями</i>						
<i>Центры пищевой промышленности</i>						
г. Новосокольники	ПО	П, ПЭГВ	9,8	7,7	21,4↓	III
г. Себеж	ПО	П, ПЭГВ	7,2	5,7	20,8↓	III
пгт Демянск	НО	П, Д	5,8	5,2	10,3↓	IV
пгт Пушкинские Горы	ПО	П, ПЭГВ	6,1	4,3	29,5↓	IV
г. Гдов	ПО	П	5,2	3,8	26,9↓	III
пгт Локня	ПО	П	4,9	3,7	24,5↓	V
пгт Красногородск	ПО	П	4,7	3,7	21,3↓	V
пгт Плюсса	ПО	П, ПЭГВ	3,9	3,0	23,1↓	IV
г. Новоржев	ПО	П, СХ	4,1	3,5	14,6↓	V
<i>Центры деревообрабатывающей промышленности</i>						
с. Парфино	НО	Д	8,5	7,2	15,3↓	IV
пгт Шимск	НО	Д	3,7	3,8	2,7↑	IV
г. Холм	НО	Д	4,3	3,7	14,0↓	IV
пгт Кунья	ПО	Д	3,5	2,8	20,0↓	IV
пгт Усвяты	ПО	Д	3,2	2,8	12,5↓	IV
пгт Любытино	НО	Д	3,3	2,6	21,2↓	III
<i>Центры текстильной промышленности и сельскохозяйственного производства</i>						
г. Пыталово	ПО	Т, СХ	6,8	5,5	19,1↓	IV
г. Пустошка	ПО	СХ	5,5	4,3	21,8↓	V
пгт Палкино	ПО	СХ	3,2	2,8	12,5↓	IV
<i>6. Крупные сельские поселения (сёла) с административно-хозяйственными функциями</i>						
Бежаницы	ПО	П, СХ	4,8	3,9	18,8↓	IV
Поддорье	НО	-	3,3	2,8	15,2↓	V
Марево	НО	СХ	2,8	2,3	17,9↓	V

Продолжение табл. 2

МО	Регион*	Ключевые направления экономической деятельности	Численность населения, тыс. чел.			I _{эж}
			2002	2012	2012/2002	
Мошенское	НО	-	3,1	2,3	25,8↓	V
Батецкий	НО	-	2,3	2,0	13,0↓	IV
Волот	НО	СХ	2,9	2,0	31,0↓	V
<i>III. Местные промышленные центры в границах административных районов</i>						
<i>1. Городские поселения с динамично развивающимися индустриально-хозяйственными функциями</i>						
г. Сертолово	ЛО	ПСМ, ПМИ, Х	38,5	49,1	27,5↑	I
г. Отрадное	ЛО	П, М, ЭМ, С	21,6	25,0	15,7↑	I
г. Пикалево	ЛО	ПМИ, Х, ПСМ	23,3	21,1	9,4↓	II
г. Никольское	ЛО	ПСМ, М	17,4	20,1	15,5↑	II
пгт Панковка	НО	М, П	10,5	9,4	10,5↓	II
<i>2. Монопрофильные городские поселения с индустриально-хозяйственными функциями</i>						
<i>Центры целлюлозно-бумажной промышленности</i>						
г. Коммунар	ЛО	ЦБ, ЭМ	17,1	21,1	23,4↑	II
г. Светогорск	ЛО	ЦБ	15,7	16,0	1,9↑	II
г. Сясьстрой	ЛО	ЦБ	14,0	13,6	2,9↓	II
пгт Советский	ЛО	ЦБ	6,6	7,1	7,6↑	II
<i>Центры пищевой промышленности</i>						
пгт им. Свердлова	ЛО	П, ПСМ	9,2	9,5	3,3↑	I
г. Новая Ладога	ЛО	П, Т	9,9	8,7	12,1↓	II
<i>Центры по производству строительных материалов и металлических изделий</i>						
пгт Ульяновка	ЛО	ПМИ, Д	9,3	12,2	31,2↑	II
пгт Мга	ЛО	ПСМ	9,6	10,6	10,4↑	I
г. Каменногорск	ЛО	ПСМ	6,1	6,7	9,8↑	II
<i>Центры машиностроения и судостроения</i>						
г. Шлиссельбург	ЛО	С	12,4	14,3	15,3↑	I
пгт Сиверский	ЛО	М, Д	12,1	12,3	1,7↑	II
пгт Вырица	ЛО	М, Т	11,2	12,2	8,9↑	II
<i>IV. Локальные промышленные пункты — одноотраслевые городские поселения со слабо развитыми административно-хозяйственными функциями</i>						
<i>1. Пункты деревообрабатывающей промышленности и производства стройматериалов</i>						
пгт Идрица	ПО	Д, ПСМ	5,8	4,9	15,5↓	III
г. Любань	ЛО	Д	4,6	4,5	2,2↓	II
пгт Кузнечное	ЛО	ПСМ	5,2	4,4	15,4↓	II
пгт Ефимовский	ЛО	Д	4,0	3,7	7,5↓	II
пгт Павлово	ЛО	ПСМ	3,3	3,4	3,0↑	I
пгт Угловка	НО	ПСМ	3,6	2,8	22,2↓	III
пгт. Важины	ЛО	Д	2,9	2,7	6,9↓	III
пгт Неболчи	НО	ПСМ	2,3	2,0	13,0↓	III

МО	Регион*	Ключевые направления экономической деятельности	Численность населения, тыс. чел.			I _{эк}
			2002	2012	2012/2002	
<i>2. Пункты химической промышленности и производства фарфора</i>						
пгт. Форносово	ЛО	Х	4,9	6,5	32,7↑	II
пгт Пролетарий	НО	Производство фарфора	5,4	5,0	7,4↓	II
пгт Лесогорский	ЛО	Х	3,0	3,3	10,0↑	II
<i>3. Пункты машиностроения и судостроения</i>						
пгт Красный Бор	ЛО	М	4,9	5,3	8,2↑	II
пгт Вознесенье	ЛО	С	2,8	2,5	10,7↓	III
<i>4. Пункты пищевой промышленности</i>						
пгт Синявино	ЛО	П	3,6	4,0	11,1↑	I
пгт Толмачево	ЛО	П, ПМИ	3,4	3,0	11,8↓	II
<i>5. Пункты портового хозяйства</i>						
г. Приморск	ЛО	ТТ, П	5,3	5,9	11,3↑	II
г. Высоцк	ЛО	ТТ	1,6	1,2	25,0↓	II
<i>V. Локальные промышленные пункты — крупные одноотраслевые сельские поселения (сёла) со слабо развитыми административно-хозяйственными функциями</i>						
<i>1. Промышленные пункты по производству строительных материалов</i>						
Тесово-Нетельский	НО	ПСМ	3,0	2,5	16,7↓	II
Кикерино	ЛО	ПСМ	1,9	2,0	5,3↑	III
Гаврилово	ЛО	ПСМ	1,7	1,5	11,8↓	II
Возрождение	ЛО	ПСМ	1,8	1,4	22,2↓	II
Дубрава	ПО	ПСМ	0,9	0,9	0	III
<i>2. Остальные промышленные пункты</i>						
Сосново	ЛО	Д	6,3	7,3	15,9↑	II
Войсковичи	ЛО	Д	3,8	3,9	2,6↑	II
Паша	ЛО	Д	4,2	3,7	11,9↓	II
Федоровское	ЛО	М	2,8	2,9	3,6↑	II
Усть-Луга	ЛО	ТТ	2,2	2,4	9,1↑	I
Войсковоро	ЛО	Х	2,0	1,8	10,0↓	II

* Регионы: ЛО — Ленинградская область, НО — Новгородская область, ПО — Псковская область.

Условные обозначения: Д — деревообрабатывающая, М — машиностроение, П — пищевая, ПМИ — производство металлических изделий, ПН — производство нефтепродуктов, ПСМ — производство стройматериалов, ПЭГВ — производство и распределение электроэнергии, газа и воды, С — судостроение, СП — стекольная, СХ — сельское хозяйство, Т — текстильная, ТТ — транспортные грузоперевозки, Х — химическая, ЦБ — целлюлозно-бумажная, издательская и полиграфическая деятельность, ЭМ — электронное, электротехническое машиностроение.

Составлено автором по [2—5].

Воздействие мощного экономического ядра, выполняющего роль «полюса роста», — Санкт-Петербурга, — а также высокие темпы развития транспортной инфраструктуры предопределили создание на территории Ленинградской области (в зоне влияния ее столицы) многоотраслевых промышленных узлов с развитыми индустриально-хозяйственными функциями. Быстрый экономический рост и повышение роли городов в региональной структуре промышленного производства объясняется сильным влиянием активно развивающейся Санкт-Петербургской агломерации.

Промышленный комплекс прилегающих районов Ленинградской области направлен на обеспечение потребностей ядра агломерации — Санкт-Петербурга, который является главным рынком сбыта продукции. Положительная динамика численности населения большинства городов этого типа создает предпосылки для дальнейшего развития промышленного производства. При этом формируется устойчивая тенденция усиления дифференциации экономического развития между прилегающими к Санкт-Петербургу районами и периферийными территориями. Для центров Новгородской области — городов Боровичи и Старая Русса, имеющих достаточный уровень развития обрабатывающей промышленности и отраслевой специализации, а также выполняющих индустриально-хозяйственные функции, — рынками сбыта промышленной продукции выступает весь Северо-Западный экономический район (включая Санкт-Петербург), а также территории за его пределами. При этом в названных городах наблюдаются негативные тенденции снижения численности населения.

К промышленным центрам с диверсифицированной структурой экономики можно отнести города, расположенные на территории Ленинградской области, а также г. Чудово в Новгородской области. Достаточно развитая функционально связанная сеть городских поселений с большой долей городов, чье население свыше 50 тыс. человек, формирует устойчивую систему расселения Ленинградской области. При этом изменение численности населения в городах, наряду с ухудшением их транспортной доступности, во многом зависит от географического положения того или иного населенного пункта относительно Санкт-Петербурга. В городах, входящих в Санкт-Петербургскую агломерацию, увеличение численности населения происходит более динамично за счет активного жилищного строительства, а по мере удаления от центра агломерации демографические процессы протекают менее интенсивно, сменяясь на периферии незначительным сокращением населения.

Города с экономической специализацией и развитыми индустриально-хозяйственными функциями обладают достаточно слабой устойчивостью районных систем расселения и характеризуются значительным снижением численности жителей, за исключением г. Волосово в Ленинградской области. Наибольшее снижение численности населения отмечается в городах Новгородской и Псковской областей. Сложившиеся демографические тенденции обусловлены периферийным и по-

лупериферийным положением таких городов, снижением транспортной доступности по отношению к региональным центрам, а также сокращением их организационно-хозяйственных функций.

В малых городах — центрах административных районов с доминирующей ролью обрабатывающей промышленности и развивающимися индустриально-хозяйственными функциями — также наблюдается устойчивое снижение численности населения и сокращение организационно-хозяйственных функций.

К монопрофильным городским поселениям с недостаточно развитыми административно-хозяйственными функциями относятся центры административных районов Новгородской и Псковской областей, которые имеют слабые административно-хозяйственные связи и не способны выполнять функции промышленного центра в развитии экономики без поддержки региональных властей. При людности от 2,8 до 5,4 тыс. чел. в этих городских поселениях, снижение численности населения происходит наиболее быстрыми темпами.

Наиболее сложное демографическое положение наблюдается в группе сельских поселений, выступающих центрами административных районов с организационно-хозяйственными функциями. К данному типу относятся пять поселений Новгородской области и одно Псковской (численностью от 2 до 3,9 тыс. человек). Низкий уровень экономического развития и отсутствие крупных и средних предприятий на территории этих населенных пунктов создают существенный миграционный отток жителей, что отрицательно влияет на демографическую обстановку наряду с процессами старения населения и высоким уровнем смертности. В результате сложившихся тенденций эти поселения можно отнести к категории крайне неустойчивых центров районных систем расселения с усиливающимися тенденциями сокращения населения.

К местным промышленным центрам относятся городские поселения Ленинградской области, обладающие тесными хозяйственными связями с экономически развитым административным центром и входящие в состав обслуживающих и обеспечивающих отраслей промышленного производства в границах административного района. В перспективе такие поселения имеют достаточные предпосылки для усложнения функциональных связей. При этом здесь сложилась благоприятная демографическая ситуация для дальнейшего роста численности населения. Данная группа представлена также городскими поселениями с монопрофильной структурой экономики, которые не в полной мере способны выполнять функции районоорганизующего промышленного центра из-за недостаточного уровня экономического развития и низкой транспортной доступности. Для большинства городских поселений этой группы характерно увеличение численности населения.

К промышленным пунктам локального значения относятся одноотраслевые городские поселения со слабо развитыми административно-хозяйственными функциями, входящие в состав административных районов, которые обладают достаточно высоким уровнем экономиче-

ского развития и являются основным рынком сбыта реализуемой продукции. Эти городские поселения достаточно устойчивы с точки зрения демографической ситуации, у них есть предпосылки для дальнейшего развития промышленного производства и усиления хозяйственных функций.

Большинство крупных одноотраслевых сельских поселений со слабо развитыми административно-хозяйственными функциями сосредоточены в Ленинградской области, где основные сферы деятельности — добыча и производство строительных материалов и деревообработка. Центры муниципальных районов, в состав которых входят сельские поселения, выступают многофункциональными промышленными центрами с развитыми индустриально-хозяйственными связями. В целом сельские поселения достаточно устойчивы, в них наблюдается незначительное сокращение численности населения.

Таким образом, можно сказать, что территориальная организация населения неразрывно связана с формирующимися в регионах экономическими и демографическими тенденциями, имеющими как позитивные, так и негативные последствия. Ведущая роль в повышении уровня экономического развития и снижения пространственной неоднородности принадлежит сложившейся отраслевой структуре экономики городских и сельских поселений, которая формирует промышленный комплекс муниципальных районов в целом. Функциональным назначением различных типов поселений могут выступать не только отрасли обрабатывающей промышленности, но и другие сферы экономической деятельности: транспортные грузоперевозки, обеспечение потребностей населения электроэнергией, выполнение различных административно-хозяйственных функций. При значительном увеличении в 2002—2012 гг. объемов промышленного производства в регионах следует отметить существование пространственной поляризации по уровню экономического развития, выражающейся в чрезмерной концентрации промышленного производства в областных центрах, сокращении организационно-хозяйственных функций внутренних центров административных районов, а также снижении степени их влияния на прилегающие территории.

В целом слабое экономическое влияние административных центров на прилегающие городские и сельские поселения, наряду с недостаточным уровнем развития организационно-хозяйственных связей и слабой транспортной доступностью внутри регионов, создает предпосылки для дальнейшего усиления тенденций поляризованного развития экономического пространства на территории Северо-Западного экономического района. Пространственные разрывы в экономическом развитии между регионами отчетливо видны при сравнении объемов выпускаемой продукции крупнейшими компаниями, а также при оценке транспортного и инвестиционно-промышленного потенциалов. При достаточно оптимистичной картине экономического и пространственного развития Ленинградской области (в сравнении с Новгородской и Псковской облас-

тями) реальными центрами экономической активности, способными в полной мере выполнять административные и индустриально-хозяйственные функции, выступают города, входящие в зону влияния Санкт-Петербургской агломерации, а также поселения, занимающие полупериферийное положение по отношению к региональному центру (Сосновый Бор, Кириши).

Несоответствие сложившихся региональных систем расселения пространственным структурам экономики регионов оказывает негативное влияние на демографические процессы и миграционную активность населения, особенно в сельских поселениях, что выражается в чрезмерной концентрации трудовых ресурсов в наиболее крупных и средних городах регионов, а также в увеличении демографической нагрузки на трудоспособное население на периферийных территориях.

Территориальные изменения направлений демографического развития характерны для центрально-периферийной модели. Областные центры и многофункциональные промышленные узлы, расположенные в пригородных зонах, достаточно устойчивы и имеют некоторый прирост численности населения — в большинстве случаев за счет устойчивой динамики миграционного притока жителей. По мере удаления от центров экономической активности (как правило, областных центров) наблюдаются негативные процессы сокращения численности населения. В то же время при распределении населенных пунктов по людности (от больших к меньшим) темпы сокращения населения возрастают и достигают кризисных отметок. К благоприятным тенденциям экономико-демографического развития следует отнести устойчивый рост численности населения местных промышленных центров в границах муниципальных районов с высоким уровнем экономического развития.

Таким образом, разрабатывая схемы стратегического и территориального планирования на региональном и муниципальном уровне и формируя условия устойчивого сбалансированного пространственного развития городских и сельских населенных пунктов, необходимо учитывать следующие рекомендации, основанные на результатах исследования.

- Создание конкурентоспособных промышленных кластеров с развитой отраслевой специализацией с целью формирования сбалансированного развития и сглаживания негативных процессов трансформации системы расселения.

- Диверсификация экономики и развитие отраслевой специализации с целью снижения количества городских и сельских поселений с монопрофильной структурой экономики.

- Ускоренное развитие индустриально-транспортных связей слабостойчивых городских поселений с многофункциональными промышленными центрами и усложнение их хозяйственных функций.

- Обеспечение транспортной доступности и ускоренное развитие транспортной инфраструктуры с целью повышения районоорганизующей роли центров административных районов и формирования предпосылок экономического роста.

Список литературы

1. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география : понятийно-терминологический словарь. М., 1983.
2. *База данных показателей муниципальных образований.* URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm> (дата обращения: 24.01.2014).
3. *Государственный комитет Псковской области по экономическому развитию и инвестиционной политике.* URL: <http://economics.pskov.ru/> (дата обращения: 24.01.2014).
4. *Инвестиционный портал Ленинградской области.* URL: <http://lenoblinvest.ru/> (дата обращения: 24.01.2014).
5. *Инвестиционный портал Новгородской области.* URL: <http://econominv.povreg.ru/> (дата обращения: 24.01.2014).
6. *Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года* утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. N 1662-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_90601/?frame=1 (дата обращения: 24.01.2014).
7. *Лаппо Г.М.* Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Сер. Географическая. 1983. №5. С. 16—28.
8. *Литовка О.П.* Проблемы пространственного развития урбанизации. Л., 1976.
9. *Мартынов В.Л., Сазонова И.Е.* Территориальная структура производительных сил Северо-Запада России в 2000—2010 годах // Балтийский регион. 2012. №1 (11). С. 110—119.
10. *Перцик Е.Н.* Районная планировка (территориальное планирование). М., 2006.
11. *Скатурицков С.В., Чистобаев А.И.* Принципы территориального планирования и их реализация в Европейском союзе и Российской Федерации // Балтийский регион. 2014. №1 (19). С. 137—148.
12. *Соболев А.В.* Пространственные особенности влияния поляризованного развития на муниципальные образования Северо-Западного экономического района // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 7. 2013. Вып. 3. С. 168—177.
13. *Хорев Б.С.* Территориальная организация общества. М., 1981.
14. *Чистобаев А.И., Красовская О.В., Скатурицков С.В.* Территориальное планирование на уровне субъектов России : монография. СПб., 2010.
15. *Шарыгин М.Д., Назаров Н.Н., Субботина Т.В.* Опорный каркас устойчивого развития региона (теоретический аспект) // Географический вестник. 2005. №1—2. С. 15—22.

Об авторе

Алексей Викторович Соболев, аспирант кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: alex31051989@mail.ru

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL CHARACTERISTICS
OF THE SPATIAL DEVELOPMENT OF RURAL AND URBAN AREAS
IN THE NORTHWESTERN ECONOMIC DISTRICT

A. Sobolev*

* *Saint Petersburg State University*
7—9 *Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034 Russia*

Submitted on June 20, 2014

This article is dedicated to the problem of increasing spatial polarisation in the population distribution systems of the Leningrad, Novgorod, and Pskov regions. The author examines the impact of development and distribution of factors of production on demographic processes and trends in the transformation of the population distribution system. Based on an analysis of the sectoral structure of economy and demographic development trends, the author proposes a functional typology of urban and rural settlements. He stresses the discrepancy between the established population distribution systems and the demographic trends in regional development. It is suggested in the paper that the overcoming of spatial heterogeneity should be considered at the regional level from the perspective of improving the stability of district population distribution systems and strengthening organisational and economic ties between urban and rural areas. The author issues a number of recommendations for overcoming the spatial differentiation and ensuring a balanced development of district population distribution systems.

Key words: Northwestern economic district, spatial development, regional population distribution systems, forces of production, functional relations.

Refereces

1. Alaev, E. B. 1983, *Social'no-jekonomicheskaja geografija. Ponjatijno-terminologicheskij slovar'* [Socio-economic geography. Conceptual and terminological dictionary], Moscow.
2. *Baza dannyh pokazatelej municipal'nyh obrazovanij* [Database performance municipalities], available at: <http://www.gks.ru/dbscripts/munsti/munst.htm> (accessed 24.01.2014).
3. *Gosudarstvennyj komitet Pskovskoj oblasti po jekonomicheskomu razvitiju i investicionnoj politike* [State Committee of the Pskov region on economic development and investment policy], available at: <http://economics.pskov.ru/> (accessed 24.01.2014).
4. *Investicionnyj portal Leningradskoj oblasti* [Investment portal of the Leningrad Region], available at: <http://lenoblinvest.ru/> (accessed 24.01.2014).
5. *Investicionnyj portal Novgorodskoj oblasti* [Investment portal of the Novgorod region], available at: <http://econominv.novreg.ru/> (accessed 24.01.2014).
6. *Koncepcija dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda (utverzhdjena rasporjazheniem Pravitel'stva RF ot 17 nojabrja 2008 g. N 1662-r)* [The concept of long-term socio-economic develop-

ment of the Russian Federation for the period up to 2020 (approved by governmental decree on November 17, 2008 N 1662-r)], 2008, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_90601/?frame=1 (accessed 24.01.2014).

7. Lappo, G.M. 1983, *Koncepcija opornogo karkasa territorial'noj struktury narodnogo hozjajstva: razvitie, teoreticheskoe i prakticheskoe znachenie* [The concept of the reference frame of the territorial structure of the economy: development, theoretical and practical significance], *Izvestija AN SSSR, Ser. Geografija* [Izvestiya AN SSSR, Ser. Geography], no. 5, p. 16—28.

8. Litovka, O.P. 1976, *Problemy prostranstvennogo razvitija urbanizacii* [Problems of spatial development of urbanization], Leningrad, 100 p.

9. Martynov, V.L., Sazonova, I.E. 2012, The territorial structure of productive forces of Russian North-West in the 2000—2010s, *Balt. Reg.*, no. 1 (11), p. 81—88. DOI: 10.5922/2079-8555-2012-1-10.

10. Pertsik, E.N. 2006, *Rajonnaja planirovka (territorial'noe planirovanie)* [Regional planning (land use planning)], Moscow, 398 p.

11. Skaterschikov, S.V., Chistobaev, A.I. 2014, Spatial planning in the European Union and the Russian Federation, *Balt. Reg.*, no. 1 (19), p. 104—112. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-1-9.

12. Sobolev, A.V. 2013, *Prostranstvennyye osobennosti vlijanija poljarizovanogo razvitija na municipal'nye obrazovanija Severo-Zapadnogo jekonomicheskogo rajona* [Spatial features of influence on the development of polarized municipalities of Northwest Economic Region], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 7* [Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 7], no. 3, p. 168—177.

13. Horev, B.S. 1981, *Territorial'naja organizacija obshhestva* [Territorial organization of society], Moscow, 320 p.

14. Chistobaev, A.I., Krasouskaya, O.V., Skaterschikov, S.V. 2010, *Territorial'noe planirovanie na urovne subektov Rossii* [Spatial planning at the level of Russia], St. Petersburg, 296 p.

15. Sharygin, M.D., Nazarov, N.N., Subbotina, T.V. 2005, *Opornyj karkas ustojchivogo razvitija regiona (teoreticheskij aspekt)* [The reference frame of sustainable development of the region (theoretical aspect)], *Geograficheskij vestnik* [Geographic bulletin], no. 1—2, p. 15—22.

About the author

Alexei Sobolev, PhD student, Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University.

E-mail: alex31051989@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Introduction to European Studies: A New Approach to uniting Europe / ed. by D. Milczarek, A. Adamczyk, K. Zajaczkowski ; Centre for Europe, University of Warsaw. — Warsaw, 2013. 767 p.

В 2013 г. Центр изучения Европы Варшавского университета выпустил коллективную монографию «Введение в европейские исследования: новый подход к объединению Европы» под редакцией польских исследователей Дариуша Мильчарека, Артура Адамчика и Камиля Зайончковского. Она представляет собой солидную работу, посвященную проблематике европейских исследований и деятельности Европейского союза, объемом более 750 страниц (7 разделов, содержащих 33 тематические главы). Над книгой работали 32 автора, большинство из них представляют основанный в начале 1990-х гг. Центр изучения Европы Варшавского университета. Среди авторов этой работы — также исследователи из Института международных отношений и факультета менеджмента Варшавского университета, Варшавской школы экономики, Университета Вармии и Мазур в Ольштыне, Университета Козьминского в Варшаве, Львовского национального университета и Латвийского университета.

Европейские исследования как академическое и образовательное направление появились в Западной Европе и США в середине XX в. На их становление и развитие значительное влияние оказали процессы западноевропейской интеграции в рамках Европейских сообществ. За прошедшее время в западноевропейских и американских исследовательских центрах сформировалось два подхода к определению предмета европейских исследований. В соответствии с более узкой трактовкой европейские исследования занимаются изучением процессов европейской интеграции в рамках Европейского союза, а также изучением его институтов и политик. В более широкой трактовке предметное поле европейских исследований включает в себя всю совокупность политических, экономических и социокультурных процессов, протекающих на Европейском континенте и характеризующих его цивилизационную идентичность. Также ключевой характеристикой европейских исследований является их междисциплинарность.

В странах Центральной и Восточной Европы, а также Балтии европейские исследования стали интенсивно развиваться только после 1989 г., с началом глубоких демократических и рыночных преобразований. Еще одним важным фактором, повлиявшим на развитие европейских

исследований в восточноевропейских и балтийских государствах, стало то, что практически все они сразу после падения коммунистических режимов стали готовиться к вступлению в Европейский союз. В итоге в 2004 и 2007 гг. состоялось крупнейшее за всю историю ЕС расширение: семь стран Центральной и Восточной Европы, а также три государства Балтии стали полноправными участниками Евросоюза. Поэтому сегодня, через 10 лет после восточного расширения ЕС, представляется особенно интересным и актуальным проанализировать специфику видения европейских исследований в новых странах — членах ЕС, а также особенности их развития в названных государствах за последние два десятилетия. Рецензируемая коллективная монография является хорошим материалом для такого анализа.

К настоящему времени, главным образом в западных странах, опубликовано достаточно большое количество монографий, посвященных европейской интеграции и Европейскому союзу. Как правило, структура этих работ построена по принципу функционального анализа деятельности ЕС или хронологического рассмотрения эволюции европейской интеграции. Немалое количество монографий посвящено и отдельным направлениям деятельности ЕС или аспектам европейской интеграции; помимо этого, существуют работы, посвященные теориям европейской интеграции.

В этом отношении особенностью коллективной монографии восточноевропейских и балтийских исследователей можно назвать комплексность рассмотрения феномена европейской интеграции и европейских исследований. В ней присутствует как функциональный анализ деятельности ЕС, включающий рассмотрение множества аспектов европейской интеграции, так и хронологическое рассмотрение ее эволюции. В монографии особое место уделяется и анализу ряда актуальных проблем, с которыми сталкивается европейская интеграция сегодня (ситуация в зоне евро, энергетическая политика ЕС, миграционные процессы в Евросоюзе и ряд других). Значительное внимание авторы уделили различным направлениям внешней деятельности Европейского союза. Также отличительной особенностью данной монографии стало то, что проблематика европейской интеграции помещена в ней в контекст эволюции исторического и социокультурного развития Европейского континента, чему посвящен большой объем материала. В целом работа тематически и проблемно хорошо структурирована. Ее отдельные главы, написанные разными авторами, с одной стороны, удачно встраиваются в общую структуру коллективной монографии, а с другой — представляют собой оригинальные и завершенные исследования анализируемых вопросов. Комплексный и глубокий подход авторов к раскрытию проблематики Европейского союза, европейской интеграции и европейских исследований окажется полезным для читателей как с точки зрения овладения ими проблемным полем европейской интеграции и европейских исследований, так и для развития навыков критического анализа актуальных проблем европейских интеграционных процессов.

Первый раздел коллективной монографии посвящен методологическим аспектам европейских исследований, остальные шесть разделов анализируют различные аспекты процессов европейской интеграции, их историю, работу институтов ЕС, политику Евросоюза и взаимоотношения ЕС с третьими странами.

Рассматривая проблематику европейских исследований как научное направление, авторы остаются в русле традиций и подходов, которые были выработаны в западноевропейских и американских школах европейских исследований. В первой главе монографии — «Теоретические аспекты европейских исследований», — автором которой является директор Центра изучения Европы Варшавского университета Д. Мильчарек, европейские исследования разделяются на два больших направления: исследования европейской интеграции (*study of European integration*) и европейские исследования в более широком понимании (*European Studies — europeistyka*), которые изучают Европу как цивилизацию (р. 17). Вторая и третья главы посвящены проблематике междисциплинарности и методологическим аспектам европейских исследований. В частности, авторы разделяют устоявшуюся точку зрения о том, что предметное поле современных европейских исследований изучается, главным образом, политическими, юридическими и экономическими науками, а также социологией и, отчасти, историей. К сожалению, теоретико-методологические аспекты европейских исследований как научного направления рассматриваются только в первых трех главах коллективной монографии. Остальные главы носят более эмпирический характер и посвящены эволюции и анализу современного состояния процессов европейской интеграции и Европейского союза.

Второй раздел книги посвящен истории европейской интеграции. В первой главе данного раздела рассматривается эволюция представлений о европейском единстве и европейской идентичности на всем протяжении истории Европы. Во второй главе анализируется история европейской интеграции начиная с 1945 г., а также предлагается ее периодизация, состоящая из пяти этапов. В частности, по мнению авторов, первый этап (1945—1957) включает в себя период между окончанием Второй мировой войны и подписанием Римских договоров о создании Европейских сообществ; второй этап охватывает период консолидации институтов Сообществ (1958—1969); третий этап продолжался на протяжении 1970-х и 1980-х гг.; старт четвертому периоду (1992—2004) был дан подписанием Маастрихтского договора в 1992 г. По мнению авторов, современный этап европейской интеграции (с 2004 г.) начался под знаком самого значительного расширения ЕС на страны Центральной и Восточной Европы и Балтии и одновременно кризиса в процессе принятия европейской Конституции.

В третьем разделе работы, состоящем из четырех глав, рассматриваются правовая система Европейского союза и его институты. Важное место отводится анализу проблемного поля права ЕС и процессу принятия решений в рамках институтов Евросоюза.

В четвертом разделе коллективной монографии, который включает пять глав, анализируются экономические аспекты европейской интеграции. В них рассматриваются проблемы функционирования единого внутреннего рынка и свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. В этом разделе также исследуются современное состояние экономического и валютного союза и актуальные вопросы эффективности управления еврозоной в контексте современной мировой и региональной финансово-экономической ситуации.

Пятый раздел работы посвящен различным политикам Европейского союза. Данный раздел состоит из семи глав, в которых авторы анализируют внешнеторговую, сельскохозяйственную, энергетическую, региональную, миграционную, информационную политики, а также деятельность ЕС в сфере поддержки туристической отрасли. В частности, в рамках рассмотрения региональной политики Евросоюза затрагивается проблематика трансграничного сотрудничества в регионе Балтийского моря с участием институтов и программ ЕС, его стран-членов и их регионов.

Шестой раздел книги — самый объемный, он посвящен позиционированию Европейского союза на международной арене и его отношениям с третьими странами. В частности, в рамках данного раздела одна из глав анализирует проблематику эволюции общей внешней политики и политики в области безопасности и обороны Европейского союза. Две другие главы рассматривают политику расширения и политику развития ЕС. Из двусторонних отношений между Европейским союзом и третьими странами анализируются отношения между ЕС и США, политика ЕС по отношению к его новым восточным соседям с акцентом на отношения между Евросоюзом и Украиной, внешнеполитические стратегии ЕС, ориентированные на страны Южного и Восточного Средиземноморья, Азии (включая отдельные параграфы посвященные отношениям ЕС с Китаем и Индией), Латинской Америки и Африки южнее Сахары. К сожалению, в рамках данного раздела нет отдельной главы, посвященной отношениям между Европейским союзом и Российской Федерацией. Включение такого материала было бы оправдано тем, что Россия делит третье и четвертое места в списке ведущих торгово-экономических партнеров ЕС, а также тем, что Польша, регионы Восточной Европы и Балтийского моря являются важными факторами в выстраивании отношений между Евросоюзом и Россией. Тем не менее следует отметить, что проблематика отношений России и ЕС фрагментарно присутствует в монографии в ряде глав (например, в главах по энергетической и внешнеторговой политикам, а также в некоторых главах по внешнеполитическим вопросам).

Заключительный — седьмой — раздел работы анализирует процессы европейской интеграции с социокультурной точки зрения. Он посвящен социальному измерению европейской интеграции, ее влиянию на европейские общества; также в нем рассматривается проблематика европейской культуры в контексте исторической эволюции Европы и евроинтеграционных процессов. Одна из глав посвящена эволюции политики Европейского союза в области культуры за последние два десятилетия.

В целом авторам коллективной монографии удалось создать фундаментальную работу по комплексному изучению деятельности ЕС, которая написана в русле теории и методологии европейских исследований и исследований европейской интеграции в том виде, в котором они сложились за последние десятилетия на Западе. Книга демонстрирует динамичное развитие европейских исследований в новых странах — участницах Европейского союза. Также следует обратить внимание на широкий охват исследуемой проблематики, глубину анализа и сбалансированность распределения материала. Можно отметить, что хотя в работе нет специальной главы, посвященной политике ЕС в регионе Балтийского моря, данная проблематика встречается в монографии в контексте, прежде всего, «внутренних» политик ЕС, например региональной политики.

Особенно хотелось бы отметить ярко выраженный междисциплинарный характер рецензируемой монографии, что нашло отражение в составе ее авторского коллектива, который включает политологов, международных историков, юристов, экономистов, социологов и культурологов. Написанная простым и доступным языком, книга восточно-европейских и балтийских исследователей станет хорошим учебно-методическим материалом для комплексного изучения и выработки навыков критического анализа в области проблематики европейских исследований, европейской интеграции и Европейского союза в университетах.

К. К. Худoley, А. В. Изотов

Об авторах

Константин Константинович Худoley, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: kkhudoley@gmail.com

Александр Викторович Изотов, кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: Alexizotov@hotmail.com

About the authors

Prof. Konstantin Khudolei, Head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: kkhudoley@gmail.com

Dr Aleksander Izotov, Associate Professor, Department of European Studies, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: Alexizotov@hotmail.com

МЕСТО ИННОВАЦИЙ В МИРОВОМ НАУЧНОМ ЛАНДШАФТЕ

Галкин М. А., Родионова И. А. Национальные инновационные системы в условиях интернационализации научно-исследовательской деятельности : монография / под ред. И. А. Родионовой. — М. : Экон-информ, 2013. — 164 с.

В 2013 г. в московском издательстве «Экон-информ» вышла монография М. А. Галкина и И. А. Родионовой «Национальные инновационные системы в условиях интернационализации научно-исследовательской деятельности». Ее важность обусловлена теоретической значимостью проблематики генерации и транслирования информации в современном обществе, а также практической необходимостью для России осуществления модернизации национального хозяйства за счет формирования сбалансированного сектора исследований и разработок и функционирования эффективной национальной инновационной системы.

На протяжении всей истории эволюция мировой экономики синхронизировалась с внедрением в хозяйственный оборот технологических инноваций. С началом перехода экономики развитых стран на постиндустриальную траекторию развития и превращением науки в один из основных факторов производства поиск взаимосвязи между научно-техническим прогрессом и хозяйственным ростом превратился в один из центральных вопросов, обсуждаемых учеными и практиками. В настоящее время большинство исследователей — представителей разных научных школ — сходятся во мнении, что поступательное развитие глобальной экономики будет прирастать за счет увеличения темпов разработки технологических ноу-хау, диффузии новшеств и создания на их базе новых отраслей экономики. Для современной России задачи модернизации национальной инновационной системы и встраивания отечественной науки в глобальные процессы генерирования знаний должны, наконец, стать одними из приоритетных. В этой связи изучение специфики функционирования национальных инновационных систем ведущих государств мира и особенностей процесса интернационализации научно-исследовательской деятельности в условиях глобализации мировой экономики представляется, несомненно, важным и практически значимым.

Новации, технологии, новые продукты и информация о них распространяются быстро, создавая конкурентные преимущества странам, экономическим союзам, отдельным компаниям и их альянсам. Возникает логичный вопрос о том, в какой среде и при каких условиях новое знание возникает чаще, распространяется быстрее и используется эффективнее? Это вопрос о формировании национальной инновационной системы, о разработке стратегии развития науки и внедрении новаций.

Именно изучению особенностей развития национальных инновационных систем в условиях интернационализации научно-исследовательской деятельности и посвящена коллективная монография М. А. Галкина и И. А. Родионовой. К ее сильным сторонам можно отнести ряд моментов.

Во-первых, научное значение имеет проведенный авторами анализ современной картины мирового научного ландшафта.

Во-вторых, обращает на себя внимание выявление специфики организации систем генерирования инноваций в ведущих державах мирового хозяйства.

В-третьих, научный интерес представляет рассмотрение направлений, по которым происходит интернационализация научно-исследовательской деятельности в мире.

В-четвертых, авторы опирались на результаты научных разработок российских и зарубежных исследователей (список литературы представлен очень солидный, и он станет важным подспорьем для многих молодых исследователей, занимающихся данными вопросами).

Наконец, нельзя не обратить внимание на предложенную *типологию* стран мира с позиции их участия в процессе глобализации научно-исследовательской и инновационной деятельности. Полно охарактеризованы направления, по которым происходит интернационализация научных достижений и инноваций в современном мире (в том числе трансферт технологий, совместные публикации авторов из разных стран, международное сотрудничество, мобильность студентов и ученых и др.).

Высоко оценивая результаты проведенного авторами исследования и отмечая его бесспорные достоинства, укажем все же на некоторый недостаток фактологического материала, раскрывающего содержательную сущность комплексных процессов изменения расклада сил в мировой инновационной иерархии. Монография содержит очень обширный и творчески переработанный материал по систематизации данных о национальных инновационных системах отдельных стран, выступающих на сегодняшний день лидерами инновационного процесса. Но итогом этого интересного анализа, его логичным завершением, на наш взгляд, должно было бы стать сопоставление основных параметров функционирования данных систем с целью показать, на чей же опыт в большей степени следует опираться России в совершенствовании своей национальной инновационной системы. Не прописан, по нашему мнению, алгоритм адаптации зарубежного опыта строительства национальных инновационных систем к российским реалиям. Справедливо указывая на увеличивающееся значение транснационального капитала в глобальных процессах продуцирования и распространения новых знаний и технологий, авторы фактически ограничиваются лишь констатацией данного явления. Хотя, скорее всего, это уже предмет отдельного научного исследования. Тезис о большей эффективности приобретения готовых технологических решений на мировых рынках интеллектуальной продукции, по сравнению с развитием самостоятельных национальных научно-исследовательских разработок, с нашей точки зрения, также

требует более детального обоснования. К тому же механизм «вживления» зарубежных технологий в российскую реальную экономику в работе практически не отражен. Но авторы все же представили рекомендации по активизации участия России в процессе интернационализации научно-исследовательской деятельности, направленной на встраивание экономики страны в высокотехнологичные контуры глобального мирового экономического пространства. При этом, с нашей точки зрения, следовало бы уточнить, какие из рекомендаций (по мнению авторов монографии) жизнеспособны, то есть реально выполнимы в современных российских условиях, и почему, а какие при всем желании и, к большому сожалению, так и не смогут быть внедрены в практику.

Вместе с тем указанные замечания не снижают высокой научно-практической ценности проведенного авторами исследования. Книга, безусловно, найдет своих читателей среди студентов, преподавателей вузов, слушателей системы повышения квалификации и тех, кого интересуют процессы, происходящие в современном мире.

Т. И. Герасименко

Об авторе

Татьяна Ильинична Герасименко, доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой географии и регионоведения, Оренбургский государственный университет.

E-mail: tanyag26@yandex.ru

About the author

Prof. Tatyana Gerasimenko, Head of the Department of Geography and Regional Studies, Orenburg State University, Russia.

E-mail: tanyag26@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. При подаче статьи на рассмотрение автор вместе с материалами рукописи должен представить внешнюю рецензию на работу (с обязательным указанием контактных данных рецензента: Ф. И. О., место работы, должность, e-mail, контактный телефон). При подаче статьи в электронном виде рецензию можно представить в формате PDF.

7. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

8. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*приблизительно 1500 знаков*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;
- описание научной и практической значимости работы;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4—8 слов*);

5) список литературы (*не более 25 источников*);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и *на латинице* (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2015
1 (23)

Редактор *Л. Г. Ванцева*
Корректор *Е. В. Владимирова*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 28.03.2015 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,9
Тираж 1000 экз. (1-й завод 46 экз.). Заказ 058

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

